

*Андрей
Величко*

ЮРЬЕВ ДЕНЬ 3
ТОЧКА
БИФУРКАЦИИ

2018

Annotation

Третья книга цикла «Александр IV», продолжение «Юрьева дня» и «Чужого места».

- [Содержание](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)

- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Эпилог](#)

Содержание

Андрей Величко
Точка бифуркации

Пролог

Чарльз Крамп имел все основания пребывать в приподнятом настроении – кажется, трудности, связанные с тем, что военно-морской флот не только не хотел давать заказы полностью независимой от него фирме, но вообще отрицательно относился к существованию ее и ей подобных, подошли к концу. Заказы, потерянные на внутреннем рынке, удалось компенсировать на внешнем. Причем, что удивительно, в России! Да, русские оказались очень придирчивыми заказчиками, но это искупалось тем, что платили они не только щедро, но и вовремя. Вот и за ледокол «Ермак» предпоследний из платежей пришел на два дня раньше срока. Последнюю часть, сто тридцать тысяч долларов, Петербург заплатит после прибытия «Ермака» во Владивосток – в полном соответствии с договором.

И сразу после этого можно будет приступить к следующему этапу, а он должен принести деньги, существенно превышающие полученные от постройки одного ледокола. Русские хотят, чтобы он, Крамп, построил им на Дальнем Востоке современный судостроительный завод, причем первая очередь должна войти в строй всего через полтора года. Сроки, конечно, жесткие, но вполне реальные, тем более что Крамп решил рискнуть и начал подготовку проекта еще до получения аванса. И оказался прав, ибо из Петербурга уже спрашивали, не помешает ли возведение завода во Владивостоке постройке двух броненосных крейсеров для российского флота в Филадельфии. Ответ уже отправлен – нет, не помешает, высылайте техзадание и делегацию для оперативного решения первоочередных вопросов.

В общем, Чарльз Генри Крамп вполне оправданно смотрел в будущее с оптимизмом.

* * *

По другую сторону Атлантики капитан Антон Иванович Деникин в это же время испытывал похожие чувства, но все-таки к надежде примешивалась доля недоумения.

Два года назад капитан, окончив Академию генерального штаба, тем не менее к нему причислен не был из-за каких-то интриг, проводимых

генералом Сухотиным. Деникин, естественно, отправил жалобу военному министру, но очередь до нее, похоже, дошла только сейчас. И хотя она могла быть удовлетворена только с одобрения его величества, все равно было непонятно, почему вызов пришел не из канцелярии военного министра, а из императорского секретариата.

Но вскоре выяснилось, что это было самое начало странностей. В секретариате, расположенном в Зимнем, после проверки документов сообщили, что Деникину надлежит немедленно отправиться в Гатчину, автомобиль уже ждет.

Дорога до Гатчинского дворца отняла меньше часа, и тут документы проверяли уже дважды – сначала при въезде на территорию дворцового комплекса, а потом при входе во дворец. В общем, когда выяснилось, что Деникина примет сам его императорское величество, капитан уже не очень удивился, хотя и не мог взять в толк, зачем это понадобилось.

Император начал именно с этого.

– Не волнуйтесь, Антон Иванович, ваша жалоба полностью удовлетворена, и сейчас решается вопрос, кто виноват в случившемся и как их наказать. Но побеседовать я с вами хочу по другой причине, и давайте без чинов. Меня зовут Александр Александрович. Так вот, начнем мы с того, что я задам вам три вопроса. Первый – в значительной мере риторический. Вам, я думаю, известно, кто такой Денис Давыдов и чем он занимался во время наполеоновского нашествия?

– Разумеется, Александр Александрович.

– Тогда вопрос номер два. Как по-вашему, подобная тактика может иметь применение в условиях современной войны?

Теперь Деникин ответил уже не сразу, а после примерно минуты раздумий.

– Думаю, что да, однако действенной она будет только в том случае, если война идет на нашей территории. Или на такой чужой, где население поддерживает русских.

– Согласен, но с небольшой оговоркой. Там, где никакого населения вообще нет или его очень мало, тоже может получиться неплохо. И, наконец, третий вопрос. Не возьметесь ли вы сначала за теоретическую, а потом, возможно, и практическую проработку данного вопроса? Место предполагаемых действий – остров Сахалин, противник – японский десант, время – вот тут я не знаю. Раньше чем через пару лет на нас вряд ли нападут, и позже чем через десять – тоже.

– Простите, Александр Александрович, но неужели вы опасаетесь японского нападения? Силы же совершенно несоизмеримы, и в Токио это

отлично понимают! Или?..

– Нет, сам я ни на кого нападать не собираюсь. Силы же... да, они были несоизмеримы всего десять лет назад. Сейчас у нас еще сохраняется преимущество, но оно уже совсем небольшое. Если темпы развития Японии и России останутся на прежнем уровне, то самое большее через пять лет преимущество перейдет к японцам. Причем я опасаюсь, что на самом деле им и двух-трех лет хватит.

– Разумеется, я не буду с вами спорить...

– И зря – извините, что перебил. Если вам кажется, что я где-то неправ, то прошу немедленно сообщать об этом мне, не заботясь о приведении ваших возражений в обтекаемый вид. Я не обидчивый. Продолжайте, пожалуйста.

– Александр Александрович, я не буду с вами спорить потому, что не чувствую себя компетентным в области высокой политики. А по сути дела разрешите вопрос – если вы опасаетесь оккупации Сахалина, то почему бы не оборонять его традиционными методами?

– Потому что война, если она все-таки начнется, тоже будет не совсем обычной. Каковы могут цели любой войны?

– Захват чужих или удержание своих территорий, а также получение каких-либо торговых или дипломатических преференций по результатам мирного договора.

– Банальный грабеж забыли, но это не очень важно. Так вот, мне кажется, что цели русско-японская войны, если она все-таки начнется, для обоих противников будут состоять в том, чтобы нанести оппоненту максимальный финансовый ущерб. И проиграет тот, у кого раньше кончатся деньги. Исходя из этого, оборонять территорию, на которой почти ничего нет – ни промышленности, ни особых материальных ценностей, ни даже хоть сколько-нибудь многочисленного населения – невыгодно. А вот ввести агрессора в неприемлемые расходы путем развертывания партизанских действий – другое дело.

– Но если на Сахалине, как вы говорите, почти ничего нет, то зачем его будут пытаться захватить японцы? Они и свой Хоккайдо толком освоить никак не могут.

– На Сахалине есть уголь, нефть и много чего еще. Все это пока в земле, но японцы наверняка уже задумываются о будущем. И люди найдутся – у них на островах тесно, а население растет. И, главное, в Токио могут считать, что захват Сахалина не потребует больших усилий и расходов. Так вот, я хочу предложить вам сделать так, чтобы наших восточных соседей в конце концов постигло глубочайшее разочарование.

Возьметесь?

– Так точно.

– Рад, что я в вас, кажется, не ошибся. Но вы вроде хотели задать еще один вопрос, и я примерно представляю, какой именно. Почему именно вы – неужели не нашлось кого постарше и в более высоких чинах? Или задача настолько мелкая, что для ее выполнения и простой капитан сгодится – так?

– Да, Александр Александрович. Но мне казалось, что эти вопросы явно не из тех, которые следует задавать императору.

– А мне – наоборот, и я готов ответить. Как-по вашему, у Александра Первого было мало генералов? Однако с задачей справился только Давыдов, который, кстати, тогда был моложе, чем вы сейчас.

– Однако он был уже подполковником.

– Не волнуйтесь, и вы будете. Так вот, задачу предстоит решить совершенно нестандартную, ни в одном уставе не описанную, а для этого молодость не является преградой, скорее наоборот. Важность же вам порученного подтверждается самим фактом теперешней аудиенции. Вы же не думаете, что лично беседую с каждым капитаном, отбывающим к новому месту службы?

* * *

После того, как встреча с Деникиным закончилась, император достал из ящика лист бумаги с начерченной на нем таблицей и поставил галочку в одну из клеток.

Таблица, хоть и не имела названия, отражала ход подготовки к грядущей войне. Примерно половина клеток в ней была уже заполнена, но Александр считал, что это еще не повод для неумеренного оптимизма. Ведь вторая-то половина пустая!

Глава 1

Кажется, я уже упоминал, что в обязанности императора в числе прочего входила выдача разрешений родственникам на вступление в брак, и это было зафиксировано в соответствующих документах.

Кроме того, аналогичным образом дело обстояло с верхушкой моих спецслужб. На этот счет никаких письменных указаний, естественно, не было, но сути дела это не меняло. До осени тысяча девятьсот первого года эти процессы шли независимо, но в сентябре ситуация поменялась.

Матильда Кшесинская возжаждала выйти замуж и, как оно положено, обратилась с просьбой по команде, то есть к ее величеству императрице. Ну, а Рита доложила мне.

– Давай подробности, – попросил я. – За кого она собралась выскочить?

– За Сергея.

– Хитра, чертовка. И, конечно, хочет, чтобы я не гнал Сережу из России, да еще продолжал платить ему великокняжеское содержание?

– Разумеется, а то зачем бы ей был нужен Сергей Михайлович без всего этого.

Немного подумав, Рита уточнила:

– Маля утверждает, что Сергей сам предложил жениться, добавив, что с ней он готов жить даже в нищете.

– Ага, так он ей и нужен, нищий-то. Могу предположить, что ему ответила исходящая высокими чувствами Малечка. Мол, она слишком любит Сережу, чтобы стать причиной таких жертв. Нет, она сейчас пойдет к императрице, упадет ей в ноги и постарается вымолить, чтобы та походатайствовала перед императором.

– В общих чертах так оно и было. Ты не поверишь, как безутешно она передо мной рыдала.

– С какой стати? – удивился я.

– Ну, я попросила показать, как бы она меня уговаривала, не связывая нас служебные отношения. Получилось очень убедительно, я чуть сама не прослезилась.

– Хорошо, я пока подумаю, как эти обстоятельства можно использовать наиболее эффективно, а ты дня через три приведи Малю ко мне.

То, что Матильда в начале встречи несколько робела, было видно. Все-таки это она с императрицей общалась сравнительно часто и накоротке, а со мной такое поведение осталось в далеком прошлом.

– Надеюсь, ты понимаешь, что твоя просьба весьма неординарна, – на всякий случай уточнил я.

– Да, ваше величество. И готова на все.

– Всего мне не надо, но кое-что действительно потребуется. В принципе я могу разрешить подобное, но только своим верным соратникам. Ты к ним уже давно относишься, а вот Сергей – нет. Пока нет, но еще есть время это исправить. Он должен согласиться работать с тобой в паре и на тех же условиях, что и ты. За верность – все, что в моих возможностях, за предательство – смерть. Да и вообще, работа предстоит очень непростая. Он сможет?

– Да, – решительно ответила Матильда. – У меня – сможет.

– Когда он будет готов к беседе со мной?

– Если без спешки, то через неделю, ваше величество.

– Когда мы одни или только с императрицей, я для тебя Александр.

– Спасибо, Александр. А можно к вам обратиться с просьбой? Когда мы одни или с императрицей, не называйте меня Матильдой или даже Матильдой Феликсовной. Если можно, то как раньше, Малей или Малечкой.

Вот зараза, подумал я и махнул рукой:

– Ладно, иди... Малечка.

* * *

Вообще-то Матильду очень вовремя одолели матримониальные желания. Дело было в том, что я, кажется, наконец разобрался, какую роль хочет предложить Японии Англия.

В Лондоне уже убедились, что вовлечение России в любую войну окончательно оформит русско-германский союз, что, естественно, считалось абсолютно нежелательным. Но если таковое произойдет, то к нему надо быть готовым, и сэры во главе с королем это понимали не хуже меня. А какая конфигурация стран могла противостоять союзным Германии и России?

Если только Англия и Франция, то сдаваться можно сразу. У Лондона нет хоть сколько-нибудь приличной сухопутной армии, французов немцы неплохо били и без нашей помощи, а с ней сделают еще быстрее и

основательней. Морская же блокада будет неэффективной, ибо и сырье, и продовольствие Германия сможет получать из России. Причем германский флот развивается быстрее английского, и лет через десять сможет создать серьезные проблемы для Роял Нэви.

Значит, нужны еще союзники. Первое, что может прийти в голову, и мне именно оно и пришло – Штаты. Но в Лондоне отлично понимают, что на роль младшего партнера Вашингтон не согласится, но зато в качестве старшего выдлит Великобританию досуха. Кроме того, вряд ли американцы так сразу захотят вмешиваться в конфликт с неизвестным исходом. Скорее всего, они посмотрят, кто берет вверх, после чего начнут потихоньку помогать тому, кто проигрывает. Чтоб, значит, война затянулась, а прибыли их торговцев оружием возросли. Так что Лондон вряд ли сможет уговорить Штаты на скоординированное выступление.

Всякие там Румынии, Италии и Дании никто всерьез рассматривать не станет, и в Европе из подлежащих окучиванию держав остается только Австро-Венгрия. Вот такой тройственный союз уже имеет какие-то шансы на победу, но весьма невеликие. Однако если в спину России ударит Япония, то они заметно возрастут. В общем, я склонялся к подозрению, что в Лондоне решили совместить Русско-японскую и Первую мировую войны, но тут была одна тонкость. Она заключалась в том, что Франция отчаянно трусила. И не без причины.

В Париже хорошо понимали, что, как бы ни закончилась война, за время ее протекания большая часть Франции окажется в руинах, ведь основные боевые действия будут, скорее всего, разворачиваться на ее территории. Да и многие еще ясно помнили, каково оно, воевать с Германией. Поэтому Франция не теряла надежды как-то ухитриться привязать к себе Россию, причем настолько, что иногда даже позволяла себе огрызаться на окрики из Лондона.

Так вот, подумал я, а что, если дать лягушатникам реальную надежду? Ну, почти реальную, с виду и не отличишь. Пусть великий князь Сергей для всех станет ближайшим другом императора, его доверенным лицом и чуть ли не фаворитом. Тогда ведь французы, найдя к нему подход через Малю, из шкуры наизнанку вывернутся! Из финансовой, я имею в виду. А это будет очень ко времени, ибо с деньгами у меня, как всегда, ощущается напряг. Да и раздрай в рядах будущих союзников тоже лишним не станет.

Оставалось только понять – сможет ли Сергей, пусть и при всемерной поддержке своей ненаглядной Матильды, сыграть такую роль?

Так что я ждал нашей встречи даже с некоторым нетерпением.

В качестве небольшого аванса прием состоялся в верхнем кабинете, то есть на третьем этаже Арсенального каре. Это был знак особого расположения, потому как из всех моих родственников чести побывать тут пока удостоились только Рита, Мишка и Сандро с Ксенией. Правда, переходить на «ты» я Сергею пока не предложил. А просто взял и честно рассказал, чего я от него хочу, что смогу дать взамен в случае лояльности и что заберу, если она вдруг когда-нибудь кончится.

– Ничего особенного, – уточнил я, – только жизни и имущество. Ваши с Матильдой Феликсовной. Распространять ли это на ваших будущих детей, я еще не решил.

Было забавно наблюдать, как при этих словах изменилась физиономия визитера. Разумеется, Маля уже ему пересказала суть моего предложения, но он, наверное, надеялся, что любимая преувеличивает. А она, оказывается, даже слегка преуменьшала!

– Я согласен, – вздохнул Сергей, – но позвольте задать один вопрос. Неужели правда, что родственные узы для вас ничего не значат?

– Сами по себе – действительно почти нет. Если они подкреплены совместной со мной работой на благо России, то только тогда становятся по-настоящему крепкими. Когда родственники заботятся только о своем благополучии, но не задевают при этом моих интересов, мне они безразличны. Ну, а уж если кто-то ухитрится эти интересы задеть, родственные связи начинают работать как отягчающее обстоятельство. Например, вспомните дядю Алексея. Я не буду уточнять, от чего именно он помер, но сделано это было очень вовремя. Зато вдовствующая императрица для меня ныне – любимая и уважаемая мать. Она вовремя поняла реальную обстановку, и теперь наши отношения практически безоблачны. Вот видите, Сергей, насколько я с вами откровенен? Это потому, что действительно надеюсь – вы сможете стать мне родственником не только по факту рождения.

Так, подумал я, накал патетики пора снижать, а то ведь могу не выдержать и ухмыльнуться в самом неподходящем месте.

– Ладно, хватит о грустном. Давайте лучше подумаем, за какие заслуги Матильде Феликсовне будет пожалован графский титул, дабы ваш брак не выглядел совсем уж неприлично. А потом сделать ее светлейшей княгиней я смогу и без всяких поводов, прецеденты уже были.

Ну да, именно так Александр Второй сделал из княжны Екатерины Долгоруковой светлейшую княгиню Юрьевскую. Правда, она уже давно

была его любовницей. Но ведь многие, в том числе и Сергей, считают, что и Маля когда-то давно была моей! Так что все нормально, не будем создавать трудностей на ровном месте.

– Итак, – сказал я после небольшой паузы, – надеюсь, что отныне у меня появился еще один настоящий родственник. Вам надлежит начать впрягаться в государственные дела. Ваш отец, великий князь Михаил Николаевич, в силу почтенного возраста уже испытывает определенные трудности с исполнением обязанностей генерал-фельдцейхмейстера. Подумайте, чем вы можете ему помочь, имея в виду, что скоро главным в российской артиллерии придется становиться уже вам.

Исключительно для публики, мысленно закончил я свою речь. Если Сергей не дурак, то и сам это скоро поймет. Но вряд ли он обидится – во всяком случае, Маля обещала такого не допустить. Впрочем, какую-то малую толику реальных полномочий ему, пожалуй, дать придется. А то вдруг балерина ему все-таки не застила весь свет, и осталась маленькая щелка для честолюбия! И если не дать ему выхода, то в конце концов может получиться нехорошо. Как совсем недавно с Поляковым. Врач написал в заключении, что Лазарь Соломонович скончался вследствие приступа грудной жабы. С моей точки зрения, это была чистейшая правда! Жаба его, гада, задушила, решил навариться на кризисе. Не греб бы он так борзо под себя, нарушая наши договоренности – до сих пор бы был живехонек.

Конечно, я надеялся, что к Сергею такие меры применять не придется, но, если он потеряет берега, то о его своевременной кончине позаботится сама Маля, с ней это уже обговорено. Хотя и мелочь, а все экономия для бюджета.

Однако на этом брачные новости не закончились. Дней через десять после встречи с Сергеем мне позвонили из бюро пропусков и сообщили, что без всякого предварительного уведомления приехала моя младшая сестра Ольга. И вот, значит, теперь она там сидит и ревет в три ручья.

– Проводите ее ко мне наверх, – приказал я. В чем тут дело, мне в общем-то было уже известно.

Маман взбрело в голову выдать дочь замуж за принца Ольденбургского. Единственное его достоинство состояло в том, что он жил в России – и, значит, Ольге не придется никуда уезжать. Зато все остальное представляло собой сплошные недостатки. Принц был старым, потасканным, лысым и не сказать, что умным. Кроме того, Рита сообщила – ходят слухи о его нетрадиционной ориентации. В общем, мне не

понравилось, что мою сестру хотят выдать черт знает за кого, да еще не посоветовавшись со мной и не спросив ее собственного мнения, и я приказал, чтобы слухи побыстрее дошли до Ольги. Вот они, похоже, и добрели.

Вытерев сестре слезы и вообще успокоив (между прочим, девятнадцать лет человеку, могла бы реветь хотя бы без соплей), я спросил:

– Так, значит, жених тебе совсем не нравится?

Ольга энергично закивала.

– А кто нравится?

Казалось бы, самый естественный вопрос, но он поставил сестру в тупик.

– Пока никто, – сообщила она, шмыгнув носом. – Так ведь и нет в России никого равнородного! А уезжать я не хочу.

– И правильно, нечего там, в Европах, делать. Значит, что уж тут поделать – ищи неравнородного. Если найдешь хорошего и способного продуктивно работать на благо державы, дам разрешение на брак.

– Как... я сама должна искать?

– А кто за тебя это будет делать? Нам с Ритой некогда. Маман тебе уже одного жениха нашла. Мало? Могу разве что Мишку попросить.

– Нет, спасибо, – улыбнулась Ольга. – Значит, сама? Но я же не умею!

– Обратись к супруге моего порученца, Юлии Рогачевой, – хмыкнул я. – Или к ее сестре Матильде. Эти мигом научат.

Мой ответ, разумеется, не был импровизацией. Мне уже давно хотелось внести изменения в уложение об императорской фамилии, ибо пункт о равнородстве вступающих в брак в нынешних условиях резко ускорял деградацию той самой фамилии из-за большого числа близкородственных браков. Ладно, мне еще повезло, жена умная и даже почти красивая, дети, тьфу-тьфу, здоровые, но на ком им жениться и за кого выходить замуж, когда вырастут? Причем я точно знал – когда в будущем аристократия почти во всех странах отвергла тезис о равнородстве, ничего страшного не случилось. Скорее наоборот. И, значит, следовало начинать готовить общественное мнение к грядущим переменам в данной области. Про окна Овертона, то есть принцип постепенного расширения пределов допустимого, многие в двадцать первом веке слышали, и я в том числе – вот, значит, пора теперь применять когда-то полученные знания на практике.

В общем, на вечерней беседе с Рогачевым я ему сообщил:

– Возможно, к Юле скоро подойдет моя сестра Ольга на предмет помощи в поиске мужа. А у меня тут лейб-медик доктор Боткин

неженатый! Нельзя ли поспособствовать, чтобы она в конце концов нашла именно его? С Ритой я это уже согласовал, а на днях поговорю и со вдовствующей императрицей.

Да, подумал я, матери в числе прочего надо будет объяснить, что, если бы она дала себе труд сначала посоветоваться со мной, а только потом втюхивать Ольге жениха, то и я бы побеседовал с ней перед тем, как ставить задачу Михаилу с Юлией. А так – что получилось, то получилось. Пусть учтет на будущее.

Глава 2

Вскоре произошло беспрецедентное событие – в Гатчине не осталось ни одного величества.

Я отбыл в Подольск, где завершались сдаточные испытания первого и в России, и в мире борта номер один. То есть дирижабля, на котором я собирался летать на расстояния примерно до двух тысяч километров. Он был сравнительно небольшим, объемом всего семнадцать тысяч кубов, и мог поднять две тонны полезного груза, не считая полной заправки топливом.

Пока это был единственный аппарат, который предполагалось надувать гелием – больно уж дорогое это оказалось удовольствие. Для заправки конкретно этого дирижабля, например, требовалось восемь тридцативагонных эшелонов с монацитовым песком, так что остальные пока подождут хоть какого-то удешевления гелия, которое сможет произойти не раньше, чем добыча природного газа приобретет промышленные масштабы.

А Рита наконец-то отправилась погостить на родину, в Германию. Причем без меня – пусть в европейских столицах гадают, между кем и кем пробежала черная кошка. Я поссорился с Вильгельмом или Маргарита поругалась со мной? Опять же надо облегчить французам подход к Рите – мало ли, а вдруг они догадаются ей что-нибудь предложить. Да и засиделась жена дома, пусть маленько развеется, возраст детей уже позволяет оставить их на пару недель с няньками и воспитателями.

Дирижабль мне понравился, хотя ничего нового я не увидел, ибо сам принимал деятельное участие в его проектировании. По уровню комфорта он, конечно, до царского поезда не дотягивал, но я надеялся, что этот борт превзойдет поезд по уровню безопасности. А то ведь под ним эсеры однажды уже ухитрились взорвать мину! Правда, меня в числе пассажиров того поезда не было, я ехал в обычном коротком технического состава, следующем первым, да и ущерб получился не очень серьезным, но все равно неприятно. Зато дирижабль, летящий на высоте двух-трех километров, сейчас с земли не достанешь. Да и летает он все же раза в два быстрее, чем едет поезд. А если спешить, невзирая на повышенный расход топлива, то и в три.

В общем, я возвратился в Гатчину почти как советский человек, то

есть с чувством глубокого удовлетворения в душе, а через три дня вернулась жена из Германии.

Естественно, сразу по возвращении из вояжа Рита дотошно отчиталась обо всем, могущем представлять интерес. И в самом конце отчета заявила:

– Если бы я была просто твоей женой и ездила только повидаться с братьями и сестрами, то, пожалуй, об одной интересной встрече умолчала бы. Но так как я еще и директор особой сервисной службы при твоём величестве, то докладываю. В Берлине мне удалось познакомиться с одной очень интересной женщиной, к тому же давно тебе знакомой, и она согласилась работать на нас. Собственно, ее даже и уговаривать не пришлось, сама предложила. И сразу сообщила, что за это ей уже выплатили аванс французы. Догадываешься, о ком речь?

– О Марине?

– Разумеется.

– Само собой, ты допускаешь, что на самом деле она работает именно на Францию, а может, даже на кого-то другого, и ее подход к тебе есть просто выполнение задания.

– Дорогой, неужели ты все еще подозреваешь меня в доверчивости? Очень даже допускаю, и над планом проверочных мероприятий уже работают. Но интуиция мне подсказывает, что Марина была со мной искренна – она хочет вернуться в Россию, причем не просто так, а с оцененными заслугами. Кстати, у тебя еще бывших любовниц не осталось? У меня вечный кадровый голод, а тут какую ни возьми – ценнейшее приобретение.

– К сожалению, нет. Хотя... вот ведь зараза, чуть не забыл! Была одна такая, настоящего имени не помню, все ее звали Лиззи. Восемьдесят пятый год, если не путаю. Она примерно на год старше меня.

– Так ты что, ухитрился забыть свою первую женщину? – поразилась Рита. – Нет, я, конечно, за одиннадцать лет совместной жизни тебя неплохо узнала, но такого все-таки представить не могла. И можешь не трудиться, я знаю, что ты мне собираешься сказать.

– М-м?

– Ну, в моем присутствии ты готов забыть не только про первую, но и вообще про всех женщин на свете. Угадала?

– Как всегда. И план проверки, когда он будет готов, ты мне покажи.

– Обязательно. А на ее фотографию посмотреть не хочешь? Сделано при мне, по методу Прокудина-Горского, в цвете. Или боишься?

– Боюсь, но смотреть все равно буду.

Причина для опасений у меня действительно была, но не совсем та, какая наверняка пришла в голову Рите. Дело в том, что аналог Марины в будущем, Маришка Вереш, была несравненной красавицей только до двадцати восьми лет. Потом как-то быстро стала просто сравнительно интересной дамой, причем выглядевшей старше своего возраста, но продержалось в таком виде не очень долго, а дальше стало совсем плохо. Вот я и опасался увидеть первые признаки чего-то подобного.

Как выяснилось, зря. В свои тридцать с небольшим лет Марина уже не очень напоминала тридцатилетнюю Вереш. Она была гораздо красивее. Конечно, следовало учесть, что Марина наверняка тщательно подготовилась к съемке, но результат все равно поражал воображение. Во всяком случае, мое. Но так как не только мне, но и моему организму было уже далеко не восемнадцать лет, я грозно сказал воображению «брысь!», и оно послушно сдулось.

– А ведь тебе повезло, что вы с ней вовремя расстались, – заметила жена.

– Да, я в курсе, но ты, если не трудно, все-таки обоснуй.

– Я, как ты знаешь, спокойно отношусь к тому, что в нашем союзе главный – ты, а я ведомая. Меня это вполне устраивает. Для Марины же такой подход неприемлем. Она – лидер, как и ты. И если бы ваши отношения продлились еще хотя бы года три, вы или возненавидели бы друг друга, или, что менее вероятно, ты оказался бы у нее под каблуком. Как сейчас Георгий, но он не имеет ничего против и поэтому счастлив. Кстати, ты, по-моему, и без ее инициативы обещал им со временем разрешить вернуться в Россию, я ничего не путаю?

– После рождения второго наследника.

– Ну так и чего ж мы сидим, как неродные? Двенадцатый час ночи, а мы тут беседуем о возвышенном. Я, между прочим, соскучилась.

Надо сказать, что и в России, и в мире уже больше года продолжался экономический кризис. Так как я не удостоился чести оказаться в числе готовивших его лиц, то и сверхприбылей мне получить, естественно, не удалось. Да и не больно-то хотелось. Гораздо более важным для меня было взятие под полный или частичный контроль новых предприятий в ключевых отраслях, а с этим все обстояло неплохо.

После резкого обвала акций удалось довольно дешево приобрести контрольный пакет «Бакинского нефтяного общества», и на его предприятиях уже началась модернизация. Вот с «Товариществом братьев Нобель» так пока не получилось, но все же мне через подставных лиц

удалось приобрести и некоторое количество их акций. Правда, хотя предприятия и скупались по дешевке, но все же не задаром, поэтому я, как говорится, уже слегка поиздержался. В общем, кризис развивался стандартно – бедные становились еще беднее (а по сравнению с семейством Ротшильдов я действительно был бедноват), богатые богатели. Ну и денег, естественно, не хватало многим, не только мне. Причем некоторым их не хватало очень сильно. Например, заказ у Крампа в конце концов обошелся нам почти на треть дешевле, чем предполагалось в девяносто восьмом году, правильно я тогда решил не спешить. И оборудование для Русско-американской геолого-технической компании тоже встало не в такую копеечку, как могло бы, а она ведь расширяла золотодобычу в Южной Африке, где пока так и не началась война.

Правда, кризис обострил социальные противоречия в России, из-за чего мне и моим доверенным родственникам опять пришлось перейти в режим показного аскетизма. Маман была не очень довольна, но я не пожалел двух часов на обоснование необходимости подобного шага, и она, кажется, в конце концов поняла. Сандро – тоже, а остальные, похоже, собирались продолжать наступать на те же грабли, что были впервые опробованы ими во время голода десять лет назад.

Понятное дело, рост социальной напряженности привел к росту популярности Чрезвычайной комиссии по правам человека, возглавляемой Ульяновым. Уж что-что, а значение пиара он понимал прекрасно и не упускал случая отметиться на страницах прессы. И вот, значит, в середине лета тысяча девятьсот первого года он представил мне обширный доклад, посвященный еврейскому вопросу в России. Так как я прочитал его, пока он был еще в черновике, то, быстро просмотрев – не появилось ли чего нового – спросил:

- И каковы, Владимир Ильич, будут ваши предложения?
- Как можно быстрее отменить черту оседлости, как не соответствующую...
- Спасибо, я в курсе, что это не образец национально-религиозной терпимости, однако хотел бы услышать более весомые аргументы, нежели те, что вошли в доклад. Более прагматичные и не столь возвышенные, ведь они у вас наверняка есть.
- Ну конечно, Александр Александрович. Первый из них – черта оседлости все равно толком не работает. Мало ли иудеев в Москве и Питере? По-моему, уж всяко больше, чем в Бердичеве. И второй – как вам, наверное, же донесли, недавно я имел беседу с господином Львом Нойманом, представителем французской ветви Ротшильдов. Так вот, он

сообщил, что его поручители не пожалеют денег на улучшение положения своих соплеменников в России. До согласования конкретных сумм дело еще не дошло, но Лев Иосифович заявил, что они будут шестизначными. В рублях, разумеется, а не франках.

– Жалко, что не в фунтах, – вздохнул я. – Надеюсь, вы понимаете, что на личные и партийные нужны можно будет тратить только половину полученного, а остальное сразу передать мне?

– Да, Александр Александрович, хотя, скажу честно, такое положение дел особого восторга у меня не вызывает.

– Это просто оттого, что вам пока не требовалась моя защита. Как понадобится, небось подумаете, что не грех было бы заплатить и побольше. А она обязательно понадобится в связи с вашими все увеличивающимися разногласиями с партией социалистов-революционеров, это люди серьезные. По поводу самой черты я с вами согласен, однако отменять ее следует поэтапно – естественно, сразу же обнародовав график той самой отмены. Начнем с востока и пойдем на запад по два часовых пояса в год.

– По три, – мгновенно отреагировал Владимир Ильич. – Пять лет для столь актуальной программы – это непозволительно много.

– Ладно, не буду торговаться, три так три. А вы, пожалуй, потихоньку начинайте кампанию в прессе на тему о том, как ваша РСДРП совместно с ЧК намерены бескомпромиссно бороться с самодержавием за права угнетаемых наций.

– Александр Александрович, дорогой, я же не первый день в политике! Статьи уже пишутся. Но было бы неплохо, чтобы на некоторые из них наложила запрет цензура.

– Не вопрос, свяжитесь с Зубатовым и уточните, какие именно следует не пропустить, я его предупрежу.

Когда Ильич ушел, я встал и прошелся по кабинету. Нет, с первого взгляда мотивы председателя ЧК и по совместительству главы РСДРП понятны – на борьбе за права угнетаемых евреев его партия доберет популярности, а если учесть, что за это еще и заплатят, то все совсем замечательно. Но дело в том, что будущий вождь пролетариата не мог не учитывать долгосрочной перспективы, а она не столь безоблачна, как может показаться. Он почти правильно заметил, что на самом деле черта оседлости почти не работает. Вот только забыл уточнить, что не работает она очень избирательно и большей частью вполне официально. В соответствующих документах черным по белому написано, что селиться за пределами этой черты имеют право купцы первой гильдии, лица с высшим

образованием, медицинский персонал и даже, блин, «лица свободных профессий»! То есть реальная граница возможного жительства определялась исключительно толщиной кошелька, и запрет касался только тех евреев, чья бедность находилась в процессе перехода в откровенную нищету. Сейчас эти слои населения являются кадровым резервом для социал-демократов, но при отмене черты оседлости партия может большее число из них потерять, причем Ильич этого не понимать не может. Похоже, тут где-то зарыта собака, и меня собираются слегка, так сказать, использовать в личных целях. Вот только как именно это будет происходить?

А, ладно, мысленно махнул рукой я. То, что черту оседлости надо отменять, давно ясно и без Ленина. Интересно, Ильич уже догадался о той функции, которую выполняет его ЧК в механизме управления империей? Вообще-то не обязательно, он же по образованию и складу характера гуманитарий, а функция чисто техническая. Называется – гаситель колебаний, то есть демпфер. Очень полезная вещь, особенно в механизмах, или склонных к автоколебаниям, или испытывающих хаотические внешние нагрузки, а ведь империя – это как раз такой механизм, в котором есть оба признака. Кстати, в другой истории Ильич как-то сравнил российское самодержавие с телегой. Так вот, если телегу снабдить нормальной подвеской и хорошими амортизаторами, то есть демпферами, то она поедет заметно лучше. И, наоборот, если с хорошего автомобиля снять амортизаторы, то автомобилем он, конечно, останется, зато хорошим быть перестанет.

То есть как только в обществе обнаруживался очередной перекося, Чрезвычайная Комиссия поднимала шум, привлекала всеобщее внимание и тем самым заметно снижала скорость развития процесса. Что мне, собственно говоря, и требовалось. Но все же, что такое хитрое потенциальный Ленин хочет замутировать с евреями, хотелось бы знать? Неужели в нем дали о себе знать гены матери, в девичестве Марии Бланк?

А Владимир Ильич все никак не унимался и через несколько дней даже предложил мне принять товарища Арона Кремера, члена РСДРП и одного из основателей Бунда.

– Это сразу покажет евреям, что власть всерьез намерена отойти от политики их угнетения к налаживанию диалога, – заявил он.

– Таки вы в этом уверены? Хорошо, зовите. Надеюсь, его для беседы не придется вытаскивать с каторги или из тюрьмы? Я хоть и самодержец, но все равно злоупотреблять подобным не стоит.

– Нет, он недавно освобожден.

В общем, после беседы с этим ленинским протеже численность ЧК увеличилась еще на одно лицо. Кремер оказался умным человеком, да к тому же с инженерным образованием, так что мы быстро нашли общий язык. Правда, поначалу ему слегка мешало лицемерие моей самодержавной морды при мундире средней степени парадности, а мне – то, что визитер выглядел, как помесь Троцкого с обезьяной, но оба, будучи сравнительно культурными людьми, предпочли не обращать внимания на мелкие внешние недостатки собеседника. И, значит, в конце концов Арон Иосифович согласился принять участие в подготовке документов о поэтапной отмене черты оседлости в России. А потом, если я в нем не ошибся, в ЧК появится новый отдел – экономический, и Кремер его возглавит.

Уже через пару месяцев стало ясно, что это довольно перспективный кадр – даже странно, что в прошлой жизни я о нем ничего не читал и не слышал.

Глава 3

После нескольких ненастных дней наконец-то установилась хорошая погода, и почти вся Ярославская летная школа искренне этому радовалась. Почти – это потому, что предстояли экзаменационные полеты, и не все курсанты чувствовали себя полностью готовым к ним. А тут еще в помощь местным инструкторам прибыли два пилота – аж первого класса – из самой Гатчины! Штабс-капитан и ротмистр. Ясное дело, многие волновались, и курсант Алексей Чеботарев был в их числе.

Школа, хоть и называлась Ярославской, располагалась в восьми километрах восточнее городка Бежецка, а название такое имела, как объяснило начальство, из соображений поддержания секретности. И вот теперь курсанты, прошедшие в ней полуторагодовой курс обучения, должны были продемонстрировать, чему они за это время научились.

Алексей не без оснований в глубине души считал себя невезучим, ибо в силу природной наблюдательности давно заметил, что, если с ним может приключиться какая-нибудь неприятность, но она не заставит себя долго ждать. Поэтому он не очень удивился, узнав, что контрольный полет у него будет принимать пилот из Гатчины. Ну что же, в очередной раз не повезло, мысленно вздохнул курсант. Говорили, эти приезжие летают как боги, а некоторые шепотом добавляли, что их учил сам император. Но как бы там оно ни было на самом деле, с высоты такого мастерства умения курсантов будут смотреться весьма бледно. Небось завалит, и хорошо, если придется всего лишь проучиться еще полгода дополнительно, но могут ведь и отчислить.

Вообще-то молодой человек был не совсем прав в своем пессимизме. Гатчинские гости приехали за лучшими выпускниками и принимали экзамены у тех, кто, по мнению руководства школы, подавал определенные надежды.

* * *

Полет должен был проходить по треугольному маршруту Бежецк – озеро Великое – Кашин – Бежецк. Поначалу все шло штатно, но сразу после поворота над озером впереди, немного правее курса, показался грозовой фронт. И перед Алексеем встала дилемма – прямо отсюда

возвращаться на аэродром, сильно сократив маршрут, или все-таки попытаться пройти по краю грозы?

– Принимая решение продолжать полет по маршруту, – сообщил курсант в переговорную трубу. Проверяющий молчал, и Алексей понял это как одобрение. Инструктор и не должен был вмешиваться без крайней необходимости, причем для получения курсантом отметок «хорошо» или «отлично» требовалось, чтобы такая необходимость в полете не возникала. Похоже, у меня пока все хорошо, подумал Алексей, но не успел даже мысленно сплунуть через левое плечо, как понял, что радоваться рано. Как он вообще ухитрился прозевать второй облачный фронт, на сей раз справа? Наверное, потому, что смотрел в основном на тот, что был слева, а теперь приходилось лететь между двух постепенно смыкающихся облачных стен. И почему молчит проверяющий – неужели он, Алексей, все делает правильно? Наверное, он считает, что человек, претендующий на звание пилота, должен уметь летать в любую погоду. Хорошо, если так, но дальше-то что? Еще минута – и самолет залетит в облака. Правда, насколько курсант успел заметить, впереди они, похоже, снова разойдутся, но километра два точно придется лететь вслепую. Снижаться? Но неизвестно, какова высота нижней кромки облачности, а сейчас хоть есть запас, на альтиметре два километра, а это значит, что реально меньше тысячи восьмисот быть не может никак.

Слепые полеты в программу обучения не входили, но Алексей как-то раз во время обычного учебного полета примерно на минуту закрыл глаза, и ничего особенного не случилось. Вот только курсант не учел, что полет в идеальных условиях, когда самолет летит практически сам, и вплотную к грозовому фронту – это разные вещи.

Как только У-2 влетел в облака, началась свирепая болтанка, и уже через полминуты Алексей потерял всякое представление о своем положении в пространстве. Да что же молчит проверяющий, он там помер, что ли? Если так, то тогда и мне недолго осталось, мрачно подумал курсант и вдруг почувствовал, что он повис на ремнях. Отрицательная перегрузка или уже полет вверх колесами?

Разумеется, таким режимам полета курсантов не учили. Да и вообще мотор в подобном положении работать не мог – карбюратор переставал подавать топливо. Что курсант почти сразу пронаблюдал в натуре – двигатель, чихнув пару раз, заглох. И тут Алексей вспомнил, что им говорил инструктор школы почти перед каждым полетом:

– Ребята, наш У-2 – совершенно уникальная машина. В какое бы неестественное положение вы его не загнали, бросьте управление, и он сам

выправит траекторию! Даже из штопора выйдет, лишь бы высоты хватило.

Похоже, я именно в штопор и сорвался, подумал Алексей и – будь что будет – снял ноги с педалей и бросил ручку. И тут она вдруг – чудо! – сама пошла вперед, педали задвигались, а из переговорной трубы, подобно грому небесному, донесся рев инструктора:

– Не лезь к управлению, дурень, я выведу! И верти ручное магнето, на одном моторном движок не заведется, хоть его и крутит встречным потоком!

Не успев толком удивиться чудесному воскресению проверяющего, Алексей принялся изо всех сил крутить ручку магнето. И вскоре мотор завелся! А потом и самолет более или менее выправился и полетел почти прямо.

Слепой полет продолжался минут десять, а потом в облаках начали появляться просветы, и вскоре Алексей увидел сразу и небо, и землю.

– Курсант, не сидите истуканом, лучше определите, куда мы залетели! Если сможете, конечно, – снова донеслось и переговорной трубы.

Алексей развернул планшет с картой и начал всматриваться вниз. Так, впереди река, а такая широкая тут может быть только одна – Волга. И городок. Калязин? Нет, не похож... тогда какие тут еще есть?

– Впереди Кимры, господин штабс-капитан!

– Молодец. А теперь рассчитайте курс для возвращения на аэродром.

– Триста сорок градусов.

– Вам мало было одного захода в грозу, что вы захотели туда вернуться?

– Ой, не подумал... тогда вдоль Волги до Калязина, а от него курсом триста, там будет девяносто пять километров до аэродрома.

– Согласен, – буркнул проверяющий и замолчал, не передавая управления курсанту.

Самолет летел вдоль Волги, грозовые облака остались сзади, а впереди показалась хорошо заметная колокольня. Инструктор развернулся на курс триста градусов и спросил:

– Курсант, отсюда довести машину до аэродрома сможете?

– Так точно!

– Тогда берите управление. Если от меня не поступит дополнительных указаний, сажать тоже будете сами.

И обратный полет, и посадка прошла без замечаний. Инструктор, сдав машину техникам, сразу куда-то ушел, а Чеботарев остался в тягостном недоумении – сдал он все-таки экзамен по пилотированию или нет? И если сдал, то на какую оценку?

Уже ближе к вечеру Алексей с удивлением узнал, что получил «отлично». И, набравшись смелости, подошел к проверяющему.

– Ваше благородие, разрешите обратиться?

– Обращайтесь, курсант.

– Извините, но я не могу ничего понять про тот полет...

– Да все просто, парень. Я, хоть по сравнению с тобой и опытный, но все равно дурак, в ночь перед полетом не выспался, решил, что ничего страшного. А помнишь, какая была погода при взлете? Ни облачка, ни ветерка, даже турбулентности – и той не было. И пилотировал ты вполне прилично. Ну, я и задремал. Просыпаюсь – что за черт? Гром, молния, видимость ноль, самолет валится вниз, мотор стоит. Ну я и начал на тебя орать. А ты молодец, не запаниковал и не растерялся. В общем, не волнуйся, «отлично» тобой вполне заслужено. И, надеюсь, ты запомнил, что грозу всегда надо обходить по широкой дуге, а в случае невозможности – возвращаться?

– Да, ваше благородие.

– Вот и отлично. Всем четверым из вашей школы, получившим высокий балл, предлагается служба в первой боевой эскадрилье. Командир – я. Согласен послужить под моим началом?

– Так точно, ваше благородие.

– Тогда привыкай – у нас без чинов, по именам друг друга зовем. Я – Андрей Васильевич, фамилия Зайцев.

– А... ваше... Андрей Васильевич, в этой вашей эскадрилье мы на чем летать будем – на самолетах или дельтапланах?

– На самолетах, причем таких, коих ты еще не видел. На каких именно, пока не скажу – у тебя допуска нет. Пока ты гуляешь в отпуске, его как раз и оформят, тогда все узнаешь.

– Далеко хоть служить-то придется?

– Курсант, а точнее, уже почти прапорщик, тебе же ясно сказано – получишь допуск и все узнаешь. А пока ты с завтрашнего дня и по первое августа включительно в отпуске. Второго утром чтобы был здесь как штык! Иди в канцелярию, там твои документы и отпускные с подъемными уже готовы.

Кроме проездных документов и денег, Алексей получил еще и памятку – что ему можно говорить о своей учебе в школе, чего не рекомендуется, а о чем нельзя упоминать даже вскользь. И хотя он все это давно знал, ибо курсантов инструктировали перед каждым увольнением в город, прочитал

инструкцию еще раз.

Итак, он учился и выучился на механика по обслуживанию дельтапланов. Самолеты видел, М-1 и М-2, то есть паровые системы господина Можайского одноместный и двухместный, но близко к ним не подходил. И, естественно, не летал на них. Зато пару раз поднимался пассажиром на дельтаплане. Кстати, все по большому счету являлось правдой. Чеботарев действительно только видел паровики – на очень качественно отпечатанных картинках. И за время учебы два раза поднимался в воздух на дельтаплане.

Про У-2, да и вообще про самолеты с двигателем внутреннего сгорания, даже мельком упоминать категорически запрещалось. Зато можно было сколько угодно и с любыми подробностями рассказывать про дирижабль, три раза в год прилетающий на аэродром из Подольска.

Отпуск пролетел быстро, и уже двадцать девятого июля (с запасом, чтобы не дай бог не опоздать) Чеботарев прибыл в распоряжение летной школы. После чего трое суток маялся в общежитии, ожидая прилета дирижабля. Кстати, это казался не старый знакомый «Пегас», а какой-то новый – большой, четырехмоторный, с алюминиевой обшивкой и с необычным названием «Z-4».

– Совместное с Германией производство – объяснил словоохотливый бортмеханик воздушного корабля. – Корпус немецкий, моторы и вся начинка наши.

– А куда мы полетим, если не секрет?

– Пока не взлетели, действительно секрет. Вот как наберем высоту и ляжем на курс, подходи ко мне, расскажу.

Эскадрилья, где предстояло служить прапорщику Чеботареву, базировалась на южном Урале, неподалеку от городка Ишимбай. Полет туда продолжался семнадцать часов, то есть, взлетев с рассветом, дирижабль достиг места назначения поздним вечером.

Бывших курсантов встречал сам командир эскадрильи Зайцев, который за время их отпуска лишился звездочек на погонах, то есть стал просто капитаном, без приставки «штабс».

– Так, ребята, – сказал он, когда прибывшие представились, – видите вон те домики? Второй со стороны аэродрома ваш, комнаты сами поделите. Так что хватайте свое барахло и идите заселяться, а к восьми утра приходите в штаб, это вон то зеленое строение рядом с вышкой. С началом службы вас, орлята!

Алексею очень хотелось спросить «а где же самолеты?», но он сдержался, ибо знал, что ответ будет типа «не волнуйтесь, когда надо будет, вы их увидите». Хотя, конечно, интересно – где их ухитрились спрятать? Ангар еще не достроен, на летном поле и около ничего нет, неужели под землей? Правда, за штабом стоят две большие палатки, но самолеты там все равно не поместятся. Или они очень маленькие?

Ответ на свой невысказанный вопрос Алексей получил следующим утром. Оказалось, что самолет все-таки стоит в палатках. Один сразу в двух. Крылья отдельно, фюзеляж отдельно. А моторы только что привез дирижабль, на котором прилетели бывшие курсанты. Так вот, значит, что было в тех четырех здоровых ящиках! Но неужели этот таинственный самолет четырехмоторный?

– Нет, всего двух, – ответил капитан. Два – запасные, ведь их ресурс существенно меньше, чем у планера. Вот общий вид, смотрите. Самолет называется «МО-Ш», то есть разработка конструкторского бюро имени Можайского, штурмовой. Неофициальное название – «мошка». Моторы очень похожи на те, что стоят на У-2, но их объем немного увеличен, и повышена степень сжатия, поэтому мощность каждого не сто, а сто тридцать пять сил. Схема самолета – подкосный высокоплан, а не биплан, что позволило снизить лобовое сопротивление. Максимальная грузоподъемность – полтонны, с полным запасом горючего – двести пятьдесят кило. Максимальная скорость двести десять, крейсерская – сто пятьдесят. Вооружение – два курсовых пулемета системы Мосина и бомбы. Отсек для них находится точно под лонжероном крыла. Кстати, парни, кто скажет, почему именно там? Ведь его люк создает немалые трудности для обеспечения должной прочности нижнего крепления подкосов и шасси.

– Чтобы бомбы располагались точно по центру тяжести, и их наличие или отсутствие не влияло на центровку, – тут же ответил Алексей.

– Правильно. И вот что я вам еще скажу, орлята. До сих пор российский военно-воздушный флот был чисто учебным, но наконец-то те, кто пришел в летное дело первыми, более или менее выучились. И конструкторы, и пилоты, и механики. Наша отдельная эскадрилья – первая по-настоящему боевая часть будущего могучего воздушного флота. Самолет пока только один, да и то вам же его придется сначала собрать под руководством заводской бригады. Он двухместный учебный, а первые три боевых будут готовы к ноябрю. В общем – вперед, орлы! Вам есть чем гордиться, ведь вы – пионеры не только российской, но и мировой военной авиации.

Глава 4

Меньше чем через месяц после возвращения Риты из Германии нам с ней пришлось ехать туда уже вдвоем – на похороны ее матери, вдовствующей императрицы Виктории. Вообще-то болела она уже давно, но померла как-то неожиданно, почти сразу после того, как врачи две недели назад заявили о существенном улучшении ее здоровья.

Вопросов о том, ехать нам или не ехать, не возникало. Для Риты это какая-никакая, но все же мать, для меня – теща, во время всех наших редких личных встреч старательно делавшая вид, что одобряет брак своей младшей дочери. Да и с дипломатической точки зрения проигнорировать такое событие было бы просто неприлично, так что я вздохнул и приказал срочно готовить борт номер один к первому международному перелету, благо у Вильгельма недавно появился нормальный аэродром для приема дирижаблей. Тащиться на поезде не хотелось – во-первых, долго, а во-вторых, эсеры, несмотря на множественные аресты, пока своей взрывной активности не снижали. Впрочем, императорский поезд все равно поедет в Берлин – с нашими сопровождающими лицами, потому как не в дирижабле же их везти! Там есть места только для восьми пассажиров, причем спальных всего четыре. Я, конечно, могу лететь вторым пилотом, сэкономив таким образом одно место, но зачем? Даже в таком варианте на борту не поместится и десятая часть сопровождающих.

Несмотря на то, что этот визит не планировался заранее, дворцовая полиция успела к нему подготовиться, и в Германии нас с женой встречал не только кайзер, но и лично генерал-майор Ширинкин. Его ведомство вновь вернулось в подчинение начальнику императорской охраны – сразу после того, как полтора года назад Черевин по пьяни простудился, а потом, несмотря на усилия Боткина, помер от воспаления легких, и его место занял Евгений Никифорович.

Встреча произошла в аэропорту Темпельхоф. Кстати, само слово – аэропорт – в этом мире ввел в оборот кайзер. У меня использовались понятия «летное поле» и «аэродром», но кайзер решил, что, раз уж у него будет воздушный флот, то и базироваться он должен в портах, только особых – воздушных.

– Рад видеть вас вдвоем, хотя, конечно, жаль, что встреча происходит по столь прискорбному поводу, – жизнерадостно заявил Вильгельм. По нему что-то не замечалось, чтобы он так уж безутешно скорбел об усопшей

матери. Все правильно, она с самого начала его царствования находилась в оппозиции сыну. Почти как моя мать, только ей хватило ума понять реальный расклад сил и по-быстрому сменить сторону, а Виктории – нет. Поэтому они с Вилли так и не помирились.

– Автомобили для вас поданы, – продолжал кайзер, – а вообще жаль, что все произошло так неожиданно. Явись вы сюда через месяц, увидели бы то чудо, которое готовит для меня герр Даймлер. Колоссаль! Но его надо видеть в натуре, на чертежах он смотрится не столь внушительно.

Да уж, гигантизм всегда был отличительной чертой Вилли, так что ему автомобили, до сих пор покупаемые у меня, быстро начали казаться слишком маленькими. А чертежи его будущего шестиколесного монстра я видел, когда они были еще эскизами. Ну что тут скажешь, движок мощностью шестьдесят сил на шесть с половиной тонн сухого веса этого чуда техники обещает массу «приятных» ощущений водителю. Да и пассажирам, наверное, тоже. Впрочем, для езды по хорошему дорогам и такое сойдет.

Кстати, по аналогичной причине Вильгельм стал ярким сторонником дирижаблей. Ведь дельтаплан нельзя сделать хоть сколько-нибудь крупным, а дирижабль – еще как можно! Лишь бы денег хватило.

В ответ на вопросительный взгляд Риты я слегка покачал головой, что означало – ей, похоже, нет необходимости прямо сейчас начинать изображать великую скорбь по безвременно усопшей матери. Супруга не раз рассказывала мне о своем детстве, и мне еще тогда подумалось, что я бы, пожалуй, такой родильнице мог и помочь усопнуть пораньше, не дожидаясь милостей от природы. Нет, у гроба, конечно, Рита будет стоять с застывшим лицом, с трудом сдерживая слезы, но сейчас это не нужно, Вильгельм и так прекрасно обойдется.

– Так что прошу в автомобили, – закончил тем временем кайзер, – в Потсдаме нас ждет скромный обед, где мы сможем поговорить... гм... о наших невеселых делах.

– Ты имел в виду Францию? – шепнул я ему перед тем, как загрузиться в лимузин своего же собственного производства – правда, не третьей, а всего лишь второй серии.

– Да, дорогой Алик, именно ее, – вздохнул Вилли.

Ну да, сведения о том, что французы заметно усилили заигрывание с моим ближайшим окружением, до кайзера наверняка дошли. И я, разумеется, уже знал, под каким углом все это надо осветить Вильгельму.

До обсуждения французских дел беседа дошла к десерту, и, так как я

не очень люблю сладкое, то появилась возможность прекратить жевать и послушать, о чем беспокоится кайзер.

– Ну ты же не будешь отрицать, что сейчас они предлагают условия займов более выгодные, чем могут предложить германские банки?

– Во-первых, буду, выгода тут не такая уж бесспорная. Да, процент по кредитам в численном выражении несколько ниже, но чем придется отдавать? Золотом! Если бы у меня был его неиссякаемый источник или хотя бы месторождения, сравнимые по объемам добычи с южноафриканскими, откуда, кстати, мою русско-американскую компанию скоро выживут, то тогда да. А реально – нет, для России во всех отношениях лучше отдать чуть больше, но товарами и услугами. Но тут есть и второй аспект, который я сейчас тебе постараюсь изложить.

Итак, допустим, что Россия таки не устояла и взяла предлагаемые кредиты. А знаешь, в чем они будут номинированы? Во франках!

– Точно?

До Вильгельма, кажется, начало потихоньку доходить, и я подтвердил:

– Еще как. И вот теперь представь себе, что я развесил уши, поверил их сладкому пению и в грядущем неизбежном противостоянии Германии и Франции выбрал Париж – в таком случае, согласишься, его победа обретает хоть какие-то черты реальности. Так как основные потери в этой гипотетической войне понесет Россия, то франк, скорее всего, сильно укрепится по отношению к рублю. То есть отдавать мне придется с сильно возросшими процентами, ведь мои доходы-то в основном рублевые.

«Как валютному ипотечнику в будущем», подумал я, но вслух, разумеется, ничего такого говорить не стал. А продолжил:

– Какой-то не очень выгодный бизнес получается, согласен? Да меня за него собственная жена живьем сожрет!

– Сожру, – кивнула Рита, не отрываясь от пирожного. Умница, она почти никогда не спорила со мной на людях.

– Вот видишь? Теперь давай рассмотрим противоположный случай. Я взял кредит, но от военного союза с Парижем сумел отвертеться. А потом мы с тобой когда-нибудь обязательно придем к выводу, что французскую проблему надо решать радикально – чтоб, значит, она не всплывала с завидной периодичностью, как сейчас. И что ожидает страну после сокрушительного военного поражения и неизбежных в таком случае беспорядков наподобие Парижской коммуны? Простой инфляцией тут дело не ограничится, разовьется гиперинфляция, когда количество франков, за которые можно купить один рубль или марку, станет измеряться килограммами. И для того, чтобы полностью расплатиться по кредитам,

мне достаточно будет выгрести мелочь из карманов.

– Все это, конечно, смотрится привлекательно, – покачал головой Вильгельм, – но ведь у тебя вопросы взятия кредитов курирует министр финансов Витте. Думаешь, он допустит подобное?

– Ты совершенно прав, дорогой Вилли! Уважаемый Сергей Юльевич занимается взятием, и он делает это хорошо. А заниматься отдачей будут другие люди. Разделение труда, оно ведь способствует прогрессу не только в технике.

Кайзер хмыкнул, но от комментариев воздержался, а Рита посмотрела на меня с легкой укоризной. Правда, физиономист из меня тот еще, но жена обещала, что брат обязательно поймет ее скрытое неодобрение. Мы подозревали, что из ближайшего окружения Вильгельма все-таки иногда происходит утечка, вот и вели себя соответствующе. То есть ни слова лжи, минимум умолчаний, но все это надо постараться подать так, чтобы у собеседника сложилось не самое точное представление о наших планах вкупе с удовлетворением своей проницательностью. Хотя в целом реальности не противоречащее.

Ведь что мог подумать после моих слов не только кайзер, но и любой другой слушатель? Что Витте, как только перестанет быть нужным, заболит каким-нибудь тифом, причем летально. Или, на худой конец, против него будет возбуждено уголовное дело, и он, например, застрелится, не перенеся позора. Ну или еще что-нибудь в это духе. Так вот, ответственно заявляю – ничего подобного мы не планировали! Ведь не зря в свое время Фрунзик Мкртчян устами своего героя – водителя товарища Саахова – заявил:

«Кто нам мешает, тот нам и поможет!»

Золотые слова! Вот если бы все, кто мне мешал, вдруг кинулись помогать, это была бы не жизнь, а сказка. Однако в отношении конкретно Сергея Юльевича была надежда, что провернуть подобное получится. Она опиралась на два свойства характера Витте, в которых я уже успел убедиться.

Первое – он отлично видел малейшие чужие ошибки и умел виртуозно ими пользоваться. А вот свои замечал только в исключительных случаях.

– И второе – он хорошо разбирался в людях, но, однажды составив мнение о человеке, почти никогда его не менял. А ведь сами люди меняются, это я знал совершенно точно.

То есть неоднократно предавая друзей, покровителей и просто подвернувшихся под руку, Сергей Юльевич был совершенно не готов к тому, что кто-то, кому он верит, однажды предаст его.

Кроме того, мне должно помочь то, что Витте считает меня трусоватым. И если я пойду на вполне осознанный риск, то он, скорее всего, посчитает, что я просто не разобрался в ситуации. Во всяком случае, у меня есть основания на это надеяться.

Но, наверное, пора спуститься с высот глубоких и обширных планов на грешную землю. Что это Рита такое рассказала братцу, что он взоржал, аки конь? Наверное, перевела один из тех анекдотов, что ее агенты и агентессы потихоньку начали внедрять в высшем свете. Ну да, у моих дорогих родственников же похороны матери, вот они и ведут себя соответствующе, ибо меня можно не стесняться. И ведь такие отношения в большинстве царствующих домов Европы!

Впрочем, и у меня есть повод глядеть в ближайшее будущее с оптимизмом. Раз траур, то Рита не потащит меня в Берлинскую оперу – вот уж куда мне совершенно не хочется. Не понимаю я этого высокого искусства. Точнее, наоборот, понимаю, благодаря чему оно возникло и какие цели преследует, вот меня и не тянет вкушать его плоды, ибо они с душком. Если неумеренно потреблять такую духовную пищу, то можно обожраться до духовного поноса. Вон, Вилли уже пострадал – как начнет толкать речь, причем по любому поводу, так хрен его остановишь.

Уже после похорон, в предпоследний день нашего пребывания в Берлине, я поговорил с Вилли о том, что он посчитал действительной причиной моего приезда в Германию. В общем, почти так оно и было.

– Наконец-то ты понял, Алик, что знакомить нас со своими изобретениями надо не тогда, когда их пора выпускать массово, а в самом начале! Тогда все пойдет гораздо быстрее и обойдется дешевле. Ибо, если соединить гениальные озарения русских инженеров с германской обязательностью, аккуратностью, ответственностью и высочайшей квалификацией, то...

В общем, Вильгельма опять понесло. Правда, сейчас его очень интересовали подробности, поэтому речь продолжалась недолго, всего через три с половиной минуты прозвучало финальное «и тогда нашему союзу не сможет противостоять никто и ничто в мире!».

Я кивнул и выложил на стол проект договора о совместной разработке корабельной паровой турбины высокой мощности.

Ее начали практически одновременно Чарльз Парсонс в Англии и я в России. Так как я был знаком с подобными устройствами лучше

англичанина, то поначалу моя разработка шла быстрее. Мой турбинный катер, испытанный на Ладоге, был готов почти на год раньше, чем «Турбиния» Парсонса, и смог развить скорость шестьдесят пять километров в час, то есть примерно тридцать пять узлов. Но, в отличие от английского коллеги, я его широкой публике не показывал. Правда, заранее запатентовал силовую установку в России и Германии, но патенты были оформлены так, что понять, о чем там вообще идет речь, мог далеко не каждый. Это повышало риск возможных судебных тяжб с англичанами, но я был готов к такому развитию событий.

А вот дальше дело пошло хуже. Для изготовления мощной турбины в России не было ни специалистов, ни оборудования, и передо мной встала дилемма – или уже сейчас привлекать немцев, или уступить лидерство Парсонсу.

– Можешь не сомневаться, – воскликнул Вильгельм, – я возьму под личный контроль все работы, связанные с этим проектом!

Будем надеяться, подумал я, что это их не очень сильно затормозит. А то ведь я еще в прошлой жизни воочию видел, к чему может привести руководство эффективных менеджеров без какого-либо технического образования. Впрочем, Вилли хоть воровать и тянуть откаты не будет, что внушает определенный оптимизм.

Вообще-то я, если честно, вряд ли так быстро отдал немцам документацию по паровым турбинам, если бы на данном этапе собирался делать ставку на крупные корабли. Нет, конечно, крейсера – истребители торговли – это очень неплохо, особенно если их будет много, но России много было пока не карману, а мало не имело особого смысла. Поэтому за границей я ни крейсеров, ни броненосцев не заказывал, а у нас они делались в умеренном количестве, только чтобы не простаивали судостроительные мощности. Основные же усилия были направлены официально на строительство миноносцев, а не совсем официально – еще и торпедных катеров, плюс первых, еще весьма убогих подводных лодок. Для широкой публики они тоже строились, но конструкции Джевецкого (пятой, якобы сильно улучшенной модификации) и всего шесть штук.

Для всего этого требовались не турбины, а дизели. Эти моторы у меня так и назывались, ибо Рудольф Дизель уже четвертый год трудился в конструкторском бюро Луцкого вместе с выпускником Технологички Густавом Тринклером.

В общем, пусть в Германии развивают производство паровых турбин, тем более что и нам с этого наверняка немало обломится.

Глава 5

Пожалуй, пора рассказать, с чего бы это мы Ритой начали делать Вильгельму многообещающие намеки в ответ на его беспокойство о том, что Россия наконец-то вроде бы поддалась на уговоры и собирается брать приличный займ во Франции.

Ну, скажем прямо, я на эти уговоры поддался не просто так, а в предвкушении весомой доли от комиссионных, частично уже выданных, а частично обещанных несравненной Матильде с великим князем Сергеем Михайловичем. Но, разумеется, одного этого для изменения моей позиции заведомо не хватило бы. Сработали еще и соображения, которые я озвучил кайзеру, однако и они не были решающими. Но вот то, что первый раз в прошлой жизни я сломал руку уже на шестом десятке лет, позволило сейчас превозмочь мои сомнения.

Казалось бы, чего тут общего? Не спешите с выводами, ведь перелом был довольно сложным, поэтому я сидел дома и изнывал от безделья. А интернет у меня тогда уже был, и вот, значит, я решил от скуки посмотреть, не скажет ли Гугл чего-нибудь интересного про мою ситуацию. И, тыкая в клавиши одним пальцем левой руки, ввел запрос «сломал правую руку, что делать?».

В ответ я тут же получил кучу ссылок на описания инновационных методов онанизма, но, кроме их, еще на книгу «Правая рука Витте». И прочитал ее, потому как заняться все равно было нечем. Нельзя сказать, что я эту книгу запомнил дословно, но в память все-таки что-то отложилось, причем не забылось и в новой жизни. В результате Алексей Дмитриевич Оболенский познакомился с Витте на два года раньше, чем в другой истории, но, как и в ней, быстро завоевал его доверие и стал ближайшим сподвижником. Правда, тут была одна тонкость – за год до этого с ним познакомился Михаил Рогачев, а потом, в обстановке глубокой секретности – и я. И теперь Оболенский был не только той самой правой рукой Витте, но еще и человеком, вхожим в ближний круг императора, что он ценил существенно больше, чем близость к министру финансов.

В общем, я посчитал, что дорогого Сергея Юльевича надо слегка подтолкнуть к активным действиям, во исполнение чего заявил, что собираюсь лично проинспектировать Транссиб сразу после его сдачи в эксплуатацию, до которой оставалось полтора месяца.

Тут, конечно, кто-то может и слегка удивиться. Ведь в другой истории Транссиб начали строить на год позже, а первые поезда по нему прошли уже в октябре тысяча девятьсот первого года. И где же здесь можно увидеть положительный вклад Алика Романова?

Смотреть надо лучше, сварливо отвечу я критиканам. Во-первых, в той истории Россия уже была опутана французскими кредитами, а мне этого удалось избежать и брать только тогда, когда они уже не смогут быть путами – то есть сейчас. Во-вторых, как эти самые первые поезда шли по Транссибу при том Николае и как при мне?

В другой истории они до пятого года переправлялись через Байкал на паромках или по льду, и до середины третьего – преодолевали перевал Большой Хинган по системе тупиков лесенкой, пока не был готов тоннель. Судя по читанным мной описаниям, это было то еще удовольствие.

Ну, а ныне дорога будет введена в строй полностью, без этих временок. Правда, и без южной ветки КВЖД, но про это я уже рассказывал. Так что можно будет сесть в вагон в Питере и вылезти из него уже во Владивостоке, что я и собирался проделать весной. Этот путь, считая туда и обратно, займет больше месяца, на которые дорогой Сергей Юльевич останется якобы без присмотра, и мне не верилось, что он не попытается этим воспользоваться. Ведь наверняка французы материально поддерживают не только Малечку с Сережей, с которым мы уже перешли на «ты» и вообще казались хорошими друзьями, но и Витте. И вообще они последнее время активизировались.

– В Питер прибыл сам Папюс, – сообщил мне Рогачев сразу после рождественских праздников.

– Рад за него, – кивнул я. – Или надо за нас радоваться? В общем, не помешало бы объяснить, кто это такой и чем знаменит.

– Это известнейший французский оккультист, основатель ордена мартинистов и великий маг – во всяком случае, так он себя называет. Я думал, ты про него знаешь.

– По-твоему, я должен знать всех жуликов мира? Обойдутся.

– Ну, конкретно этот не только мошенник, но, похоже, еще и связан с французскими спецслужбами.

– Тогда другое дело. И чем же он собирается нас осчастливить?

– Вызовом духов Александра Третьего и Николая Второго.

– Миша, – грустно сказал я своему соратнику, – признаюсь тебе как на исповеди. У меня от этой новости проснулись какие-то совершенно атавистические, недостойные настоящего императора желания – пойти и от

души дать этому Папюсу в рыло. Ну или по крайней мере поручить это кому-нибудь.

– У меня тоже, – кивнул Рогачев. – Но все-таки пусть он сначала погастролирует маленько – интересно же, по какому делу его сюда послали. А насчет рыла... я тут уже озадачил наших юристов подумать, нельзя ли будет его деяния провести по статье об оскорблении величества. Там же не сказано, что оскорбляемые должны быть обязательно живыми. А тут он собирается вызывать духи самодержцев, словно каких-то мелких чиновников на выволочку.

– И сколько примерно за это можно дать, если постараться?

– До восьми лет.

– Также неплохо. Место его выступлений уже определено?

– Да, Владимирский дворец в Царском селе.

– Это значит, что нейдет не столько дяде Володе, сколько тете Михень?

– По-моему, обоим, хотя, конечно, тете все-таки больше.

Ага, подумал я. Надо спросить у Петра Маркеловича, в каком состоянии личные дела их сыночка Кирилла. Скоро ли он женится на своей двоюродной сестре, которая, кажется, со дня на день разведется? Вот тогда можно будет под шумок хорошо прижать не только самих новобрачных, но и их родителей, а то что-то, действительно, эта тетя Михень стала много выступать не по делу. И не помешает намекнуть матери, что выступление столь яркой звезды, как сам Папюс, будет неплохо смотреться и в Аничковом дворце. Пусть пригласит, а то в вотчине тети Михень его деяния будет труднее должным образом запротоколировать, чем во дворце матери. Потому как нельзя же сейчас брать за жабры французского шпиона и провокатора за то, что он шпион! Это могут неправильно понять в Париже. А вот если мое величество оскорбится его непотребными потусторонними выходками и уже за них законопатит мерзавца в кутузку – совсем другое дело. Ну, а уж в Шлиссельбурге он все расскажет как на духу, тут сомневаться не приходится. Да, но тогда, пожалуй, сначала не помешает...

– Миш, а ведь у этого проходимца в России могут появиться последователи, ученики там всякие, адепты и не знаю кто уж еще.

– Вполне возможно, и что с ними делать?

– Попытаться кого-то завербовать или просто внедрить туда нашего человека. Во-первых, так быстрее прояснятся цели мага-прохиндея, отличные от мистических, а во-вторых, сейчас всякий спиритизм действительно набирает популярность, так что лучше с самого начала держать руку на пульсе. Ну куда это годится, когда вызванные духи гордят

хрен знает что! Нет уж, лучше пусть выступают по идеологически правильным методичкам, их, я думаю, Зубатов составит без особого труда, да и ты тоже что-то сможешь.

– Понятно, сделаю. Сроки с твоим отъездом как-нибудь увязывать?

– С приездом. Желательно, чтобы этот прохиндей успел все рассказать как раз к моему возвращению. Тогда я, будучи впечатлен искренностью раскаяния, помилую паскуду.

– Он должен раскаяться публично?

– В призыве духов людей, чьи имена ему и упоминать-то все не по чину – обязательно. А во всем остальном – нет.

Если бы мой грядущий отъезд был вызван какими-нибудь техническими или там организационными причинами, и даже если бы мне просто захотелось прогуляться, то все, напрямую не участвующие в подготовке вояжа, узнали бы о нем постфактум. Во всяком случае, до сих пор, как правило, было именно так. Но сейчас требовалось сделать все наоборот, что сильно осложнило задачу моей охране. Генерал-майор Ширинкин аж весь извелся.

– Ваше величество, – в который раз сообщил он мне, – обеспечить хоть сколько-нибудь тщательную охрану путей на всем протяжении всей магистрали невозможно.

Хм, подумал я. В другой истории какому-то Киму – не то Ир Сену, не то Чен Иру – очень даже обеспечили во время его визита в Россию. А я, наверное, рылом не вышел? Ну не той оно у меня ширины.

– Вы, Евгений Никифорович, главное, охрану тоннелей и мостов обеспечьте, а уж с остальным как-нибудь в рабочем порядке разберемся.

– Но ведь мина, заложенная, например, на высокой насыпи, да еще там, где дорога поворачивает, тоже может привести к непоправимым последствиям.

– Не сможет, если поезд поедет со скоростью десять километров в час, а впереди него будет бежать собака, натасканная на взрывчатку.

– Э... вы серьезно?

– Почти. В общем, главное – это тоннели и мосты. Если останутся силы еще что-нибудь контролировать, то хорошо. Но главное – чтобы это не было в ущерб первым двум пунктам! А с остальным как-нибудь разберемся в рабочем порядке.

– Ох, ваше величество, позвольте еще раз выразить свое мнение – зря вы собрались ехать именно сейчас.

– Буду иметь в виду, но пока мое решение неизменно. Да не

волнуйтесь вы так! Как-нибудь выкручусь, ежели что.

Разумеется, в таком важном деле, как обеспечение своей безопасности, я не собирался складывать все яйца в одну корзину, то есть надеяться только на людей Ширинкина. Помимо них будут привлечены немалые силы по линии КГБ. И, кроме того, у меня было несколько, так сказать, домашних заготовок на самый крайний случай, причем одна из них образовалась сама собой и довольно неожиданно. В один прекрасный вечер ко мне зашел великий князь Сергей Михайлович – ныне уже просто Серж, потому как нельзя же обращаться по имени-отчеству и на «вы» к своему якобы самому близкому другу!

– Алик, – сказал он, – ты же понимаешь, что такое путешествие именно сейчас представляет немалую опасность?

Еще один оракул явился, мысленно вздохнул я. Как будто их без него мало.

– Конечно, понимаю, но это необходимо.

– Да, теперь я вижу, что ты действительно ставишь долг выше личного.

Блин, ну до чего же мои родственники любят пафосные речи! Особенно Михайловичи этим страдают. Но все же – чего ему, интересно, надо?

– Я ведь тебе не чужой, и чувство долга у меня тоже есть, – начал объяснять Серж. – И поэтому предлагаю тебя заменить. Пусть в императорском поезде вместо тебя поеду я, мы ведь довольно похожи, и почти полного сходства будет достичь нетрудно. И в самом крайнем случае моя гибель не станет для России такой потерей, как твоя.

Вот те хрен, в штаны не лезет, в некоторой растерянности подумал я. С чего бы это его так на героизм-то пробило?

– Я уверен, что тогда ты позаботишься о Матильде и обеспечишь достойное будущее нашего ребенка – продолжал потенциальный герой.

– Даже так? Разумеется, об этом можешь не волноваться, я никогда не забываю добра.

Кажется, ситуация проясняется. Вряд ли он сам все это придумал, а вот Малечка вполне могла. Кстати, не помешает уточнить...

– Я так понимаю, что она с тобой не поедет?

Вот тут Серж немного замялся.

– Знаешь, я ее изо всех сил пытался отговорить, ведь она в положении, но не получается. Она говорит, что должна быть со мной и в радости, и в печали, и уж точно не может остаться дома, когда мне угрожает опасность.

Может, ты ее сможешь урезонить?

Если она действительно хочет ехать, то надо не урезонивать, а выяснять, зачем ей это понадобилось. А если все это спектакль для милого Сережи, то Маля сама урезонится с полуслова. Даже, пожалуй, с полувзгляда, ведь она очень хотела, но император не разрешил.

– Попробую. Скажи Матильде, чтобы она зашла ко мне завтра вечером.

А ведь действительно, подумал я, если Сергею сбрить бороду, слегка укоротить усы и надеть парик, а мне, наоборот, бороду приклеить и побрить башку налысо, да после этого обоих слегка подгримировать, может получиться достаточно убедительно. Интересно, что мне скажет Маля?

Причины, побудившие молодую жену Сержа к проявлению неумеренного героизма на грани самопожертвования, оказались просты, незатейливы и несколько меркантильны.

– Ротшильды гораздо станут более уверены в моих возможностях влиять на вас, если получат основания думать, что мы иногда кое-что себе позволяем в личном плане, – объяснила она. – Сергей будет изображать из себя вас и поедет в императорском поезде. А со мной ничего изображать не придется – тесные встречи с ним у нас и так будут, но многие подумают, что я сплю с вами.

– С первого взгляда неплохо, но только с чего это тебя так резко потянуло на самопожертвование? Риск, хоть и не очень большой, все же есть, причем он максимален именно в том составе.

– Так я же в императорском поезде не поеду! Мне такое не по персоне, буду Сережу на остановках навещать. И, раз уж вы будете его играть, то мне вполне логично ехать рядом с вами. Во-первых, как молодой жене. Во-вторых, рядом с вами будет самое безопасное место, я в этом убеждена. А в-третьих, если вдруг выяснится, что в поезде для свиты едет не Сережа, а вы под видом него, то подозрения, что мы с вами любовники, от этого только усилятся.

– Хм... на первый взгляд убедительно. Но ведь это еще не все причины?

– Александр, ну конечно. Просто, когда французы убедятся в моей полезности и подкинут еще денег, можно, я оставлю себе на тридцать процентов больше, чем в прошлый раз? А то мы в Стрельне все никак отделку завершить не можем.

– На двадцать пять. А хочешь тридцать – тогда езжай вместе с Сергеем в императорском составе, повод придумаем.

– Не надо, двадцать пять тоже очень хорошая цифра.

Рита против Малечкиной затеи ничего не имела, и я, естественно, на следующее же утро познакомил с ней Петра Маркеловича.

– В принципе неплохо, – кивнул канцелярист, – но, Александр, позвольте вам сказать откровенно. Я убежден, что из вас выйдет не самый лучший великий князь Сергей Михайлович. Найдем и поубедительней, а вам лучше ехать под личиной господина Шумахера в поезде обеспечения. Тогда в легенде появляется третий слой, что повышает ее устойчивость. Ну, а что Шумахеру придется ехать не в столь комфортных условиях, как великому князю, вы, я надеюсь, переживете.

– Да, переживу, не барин. А вы на всякий случай подготовьте документы еще и для Ржевского. Вот только, пожалуй, пусть он теперь будет не гвардейцем, а жандармом. И подрастет в чине до штабс-капитана.

Вообще-то мы все считали, что вероятность покушения на меня не очень высока – хотя, конечно, она есть. Но вот вероятность того, что в Питере во время моего отсутствия начнут происходить весьма интересные события, оценивалась как близкая к ста процентам.

Глава 6

Даже как-то странно – за всю свою вторую жизнь я ни разу не вспомнил песню злостных алиментщиков из первой юности – «мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз». Хотя на поездах пришлось поездить не так уж и мало. Не как Вильгельму, конечно, который иногда проводил в своем поезде по четверть времени в году, но все же. И в самом начале поездки на Дальний Восток тоже ничего особенного не замечалось – ну еду себе и еду, не в первый же раз. А вот когда кавалькада из пяти поездов (правда, довольно коротких, по шесть – восемь вагонов) проехала Ярославль и взяла курс на юго-восток, в голове сразу назойливо зазвучало «диктуют колеса вагонные, где срочно увидеться нам...».

Я помотал головой. Вот же зараза! Будь моя воля, я бы за весь путь вообще ни с кем не увиделся – имеется в виду из начальства городов, которые мы будем проезжать. Но так не получится, к сожалению. Сходить, что ли, в вагон – узел связи?

Как я уже упомянул, направляющийся во Владивосток караван состоял из пяти поездов.

Первым ехал поезд охраны. За ним – свитский, третьим шел императорский, потом следовал поезд обеспечения, в котором я ехал, и замыкал строй еще один состав с охраной. Причем людей в нем было несколько меньше, чем в первом, зато имелся десяток хороших лошадей.

В поезде обеспечения в качестве транспорта находились пять велосипедов, три мотоцикла, багги, легкобронированный автомобиль и два двухместных дельтаплана. И это кроме тех двух автомобилей, что ехали императорским составом. В общем, в случае возникновения серьезной опасности у меня будет большой выбор, на чем убежать. Ну, а пока бежать рано, следовало, пожалуй, лично убедиться, что в радиовагоне все в порядке. И заодно узнать новости, если они есть.

Вагон – узел связи – находился через один от того, в котором ехал я, то есть, пардон, Михаил Рольфович Шумахер. Там царила рабочая обстановка, причем, как только я туда зашел, в голове тут же всплыло «вы, точки-тире телеграфные, ищите на стройках меня. Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня». Вот интересно, рифмоплет, сочиняя эту бредятину, ржал в голос или у него хватило силы воли делать это только мысленно?

– Что-нибудь, кроме сведений о готовящихся встречах, есть?

– Нет, Михаил Рольфович.

Разумеется, связисты знали, кто это такой на самом деле. И автомеханики, и личный состав маленькой поездной авиагруппы. Не в курсе была только прислуга, едущая в двух последних вагонах.

Со встречами была, конечно, задница. Я еще в прошлой жизни неоднократно видел, как к приезду высокого начальства завешивали облезлые стены домов тряпками с нарисованными на них восхитительными фасадами, без всякой подготовки спешно клали новый асфальт поверх старого и вообще чуть ли не красили траву в зеленый цвет. Несколько раз даже самому приходилось участвовать в строительстве таких потемкинских деревень, и вот снова приходится с этим же сталкиваться. Правда, теперь с другой стороны, ведь это я – высокое прибывающее начальство, но сути дела это не меняет совершенно. Вон, в Красноярске, как мне доложили, собрались спешно строить какую-то триумфальную арку. Блин, зачем – им что, денег некуда девать? Ладно бы я ехал именно в Красноярск, но ведь наша кавалькада задержится там всего часов на семь-восемь. Времени хватит разве только на то, чтобы с толком, без суеты повесить на этой арке всех инициаторов ее возведения! Хорошо хоть об этом строительстве удалось узнать заранее, и в Красноярск уже отправлена телеграмма, сообщающая, что мое величество такой бессмысленной расточительности очень не одобряет.

Тут по основному каналу прошел вызов, и дежурный радист начал прием. Причем его наушники были сдвинуты на затылок и пищали так громко, что даже я смог на слух разобрать текст. Радиogramма была от «Второго», то есть председателя КГБ Медникова, и предупреждала, что в Челябинске отмечена активность террористов. Аресты уже идут, но нет гарантии, что до моего приезда удастся выловить всех.

Радист попытался всучить мне текст, но я отмахнулся:

– Слышал уже. Что это оно у вас пищит аж на весь вагон – а вдруг тут по углам прячутся шпионы? Вон же регулятор громкости, на самом видном месте торчит!

– Так ведь, Михаил Рольфович, если его часто крутить, он быстро из строя выходит. Первый уже накрылся, это второй, из ЗИПа.

– Да? Спасибо, не знал. Постараюсь принять меры. Ладно, я пошел. Спокойного вам дежурства!

Шумахер, будучи все-таки не какой-то совсем уж мелочью, а старшим механиком гаража его величества, ехал в отдельном купе, примерно соответствующему СВ более поздних времен. Площадь, кажется, чуть

побольше, окно несколько меньше, а так те же самые два дивана и столик между ними. Меня оно вполне устраивало, в прошлой жизни доводилось ездить не то что в плацкартном, но даже в общем вагоне, и ничего.

Так как Алик Романов еще не бывал в этих краях, то есть к востоку от Москвы, то я большей частью смотрел в окно и сравнивал увиденное с тем, что помнил Сан Саныч Смолянинов.

Вокзалы и станции, конечно, заметно отличались, а вот все остальное – не очень. Даже телеграфных проводов вдоль путей было почти столько же, сколько в моих воспоминаниях из иной истории. Правда, там я ездил на поездах только в двадцатом веке, в двадцать первом же обходился автомобилем, электричками и самолетами, так что сравнение было несколько ограниченным. Но, с моей точки зрения, лес вокруг дороги, а в основном там был именно он, за минус сто лет сильно не изменился. Изменилась скорость, с которой он пролетал мимо окна. Сейчас она была где-то километров пятьдесят в час, не больше.

В Челябинске меня, естественно, изображал Серж, а его – подобранный Петром Маркеловичем практически неотличимый двойник. Во всяком случае, я в виде Шумахера с десяти метров поначалу никаких отличий от оригинала углядеть не смог. Зато, присмотревшись, обнаружил, что при желании можно заметить и некоторое сходство со мной. В общем, этот человек изображал из себя не только великого князя Сергея, но, для особо внимательных, еще и меня, переодетого великим князем. Да уж, и где это Петр Маркелович откопал такого талантливой исполнителя? Надо будет предложить ему постоянную работу. Наверняка он сможет изобразить и меня, никем не переодетого и во всем блеске императорского величия.

Охрану вокзала осуществляли местные жандармы, дворцовая полиция и люди из Комитета госбезопасности, причем на виду были только первые. Никаких покушений ни на кого не произошло, но один небольшой инцидент все же случился.

Само собой, все, следующие во всех пяти поездах, кроме персон совсем уж высокого ранга, были предупреждены о недопустимости каких-либо несанкционированных контактов по дороге. Но, несмотря на это, официант из вагона-ресторана императорского поезда был пойман при попытке отправить телеграмму. Разумеется, он утверждал, что хотел всего лишь поздравить невесту с днем ангела, но дворцовые полицейские такой нелепой отмазке не поверили и, естественно, арестовали халдея. Но, что интересно, первым мне об этом доложил местный гэбист – как о вопиющем

непрофессионализме дворцовой полиции. Нужно же было дожидаться, пока он вручит телеграфисту текст, а не спешить, как голые на случку! Кто теперь из этого экземпляра будет выбивать, кого и о чем он собирался предупредить?

Я не только не препятствовал, но даже слегка поощрял соперничество между спецслужбами, поэтому гэбист с чувством глубокого удовлетворения делал бяку конкурентам.

– Вы, господин майор, и будете, – пожал плечами я. И, увидев оттирающего неподалеку знакомого ротмистра из дворцовой полиции, сделал ему знак подойти.

– Что же это вы так поспешили, господин Сазонов?

– Виноват, ва... Михаил Рольфович! Слишком велики зоны ответственности, вот и пришлось привлечь стажеров.

– Все равно нехорошо, так что передайте арестованного господину майору, а то как бы ваши стажеры снова не напортачили.

– Есть, – без всякого энтузиазма в голосе подтвердил ротмистр. Да уж, фитиль от генерала Ширинкина ему теперь обеспечен знатный.

Первая непредвиденная задержка случилась уже после того, как мы проехали Нижнеудинск. Пришла радиограмма, что на участке от Иркутска до Слюдянки, в Верхнем Прибайкальском тоннеле – обвал. Рукотворный он или нет, выясняется, но на ликвидацию последствий ориентировочно требуется трое суток, но никак не больше четырех. И перед моим караваном встал вопрос – или встать где-нибудь тут, дожидаясь, пока завал разберут, или доехать до Иркутска и стоять уже там, или двигаться с такой скоростью, чтобы оказаться на месте как раз к концу восстановительных работ. Почесав в затылке, я принял компромиссное решение – ехать потихоньку, но все же так, чтобы оказаться в Иркутске несколько раньше завершения работ в тоннеле. Мне хотелось немного посмотреть город, потому как года через три тут начнет строиться крупный авиазавод.

В результате поезда натуральным образом ползли. Я даже подумал, что мой экспромт с собакой – он не такой уж безумный. Скорость вполне позволяет пустить впереди составов какую-нибудь колоритную псину – например, породы чихуахуа. Чтوب, значит, она яростным лаем и впечатляющим видом распугивала террористов.

Это самое, одернул я себя, пора заняться чем-нибудь полезным, а то этак от безделья у меня завтра перед поездами побегут отряды боевых хомячков. И, вздохнув, выложил на стол схему зажигания нового авиационного мотора, разрабатываемого в КБ Луцкого. Это была попытка

сделать что-нибудь вроде М-62, разработанного в конце тридцатых годов и даже в двадцать первом веке продолжавшего эксплуатироваться на самолетах Ан-2, но, похоже, замахиваться на подобные изделия было еще рановато. У Бориса Григорьевича получался скорее предок этого мотора – М-25, то есть мощностью всего в шестьсот, максимум шестьсот пятьдесят сил. Для начала двадцатого века все равно неплохо, но вот его электрическое хозяйство мне не очень нравилось. Так, прикинем, что тут можно сделать...

За работой время пролетело быстро, и к тому моменту, как я смог сочинить более приемлемую схему и даже прикинуть ее реальную конструкцию, уже стемнело, и мне принесли ужин. Ресторана в поезде обслуживания не было, имелся вагон, половину которого занимала кухня, а вторую половину – склад. Народ попроще ходил за пайкой сам, но старший механик был все же фигурой, достаточно значимой для того, чтобы не утруждаться. И не светиться лишний раз на публике, потому как не все знали, кто скрывается под его личиной, и этим «не всем» лучше бы продолжать оставаться в неведении.

Несмотря на почти суточную задержку в Иркутске, по которому я, то есть господин Шумахер, прокатился на мотоцикле, пока Серж, изображающий меня, и его двойник, изображающий самого Сержа, надували щеки перед местным губернатором и его свитой, перед самым тоннелем все равно пришлось постоять часа три. Но, наконец, когда уже темнело, поезда один за одним начали вползать в его вход, а минут через пятнадцать, ибо ехали они медленно – выползать из выхода.

В Чите наш караван настигла весть о кончине в Китае Ли Хунчжана. Я вообще-то не очень понимал, отчего он был до сих пор жив, ведь в той истории он помер почти одновременно с открытием движения по Транссибу, то есть осенью тысяча девятьсот первого года. Оказалось, что и в этой он поступил точно так же! Стоило открыться движению, и старый хапуга сыграл в ящик. Так и не получив от России ни рубля взятка, хотя жаждал он их больше десяти лет. Вот что животворящее воздержание-то делает! Небось из-за него он тут и проскрипел лишние полгода. Пожалуй, надо подумать, как намеркнуть нашим чиновникам, что скромность в запросах очень способствует долголетию. А нескромность, наоборот, не способствует.

Сразу после Читы путь свернул не на северо-восток, как я помнил по своим прошлым путешествиям, а южнее, к границе с Китаем, до которой

оставалось километров триста. А потом начнется уже Китайская Восточная железная дорога, про которую я много читал, но, естественно, пока своими глазами не видел. Вот и хорошо, посмотрю в окно, так как горящих технических задач пока вроде нет, а над экономическими, идеологическими и уж тем более организационными ломать голову неохота.

Манчжурия действительно заметно отличалась от российской территории. Во-первых, тут уже кое-где распустились листья на деревьях, а в Чите еще и снег-то не везде сошел. И вообще земли производили благоприятное впечатление даже на такого дилетанта в сельском хозяйстве, как я. А во-вторых, тут было гораздо больше солдат.

При движении по России они маячили только на мостах и перед въездами в тоннели, а тут попадались на ровном месте через каждые десять-двенадцать километров. Кроме того, вдоль путей постоянно патрулировали конники, а перед нашей кавалькадой ехал бронепоезд – один из двух, имеющих на КВЖД. Похоже, тут или не очень спокойно, или начальство решило подстраховаться по максимуму, дабы со мной чего-нибудь не случилось. Ведь большинство были моими выдвиненцами, понимающими, что при другом императоре их карьера очень даже может скатиться обратно вниз.

Цицикар мы проехали, задержавшись в нем всего на час с небольшим, а вот в Харбине планировалось стоять более суток.

В числе прочих императора встречал командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Евгений Иванович Алексеев. Зная о слухах, что он внебрачный сын Александра Второго, я еще в прошлом году поручил Рите их проверить.

– Вряд ли, – таково было резюме супруги. – Полностью исключить нельзя, мало чего ни случается в жизни, но такое очень маловероятно.

Но меня он интересовал не как возможный родственник, а в качестве кандидата в наместники Дальнего Востока, включая, естественно, и Манчжурию.

Мы с ним неоднократно встречались и в Питере, и даже в Гатчине, так что он с некоторым удивлением приглядывался к Сержу, изображавшему меня. Пришлось подать голос:

– Не волнуйтесь, Евгений Иванович, я вот он. И познакомьтесь с великим князем Сергеем Михайловичем, если ранее не имели такой чести.

– Но... ваше величество... зачем этот маскарад?

– Чтоб враги не догадались. Прошу в автомобиль. Садитесь рядом, будете показывать, куда ехать.

С этими словами я занял свое место за рулем. Мы неспешно, чтобы не

отставал конный эскорт, проехали по Вокзальной площади мимо помпезного здания Русско-китайского банка и минут через пятнадцать остановились у здания штаба Маньчжурской группы войск. Именно здесь, а не в поезде и не на вокзале, я собирался основательно побеседовать с Алексеевым и командующим группой войск генерал-лейтенантом Гриппенбергом.

Оба считали, что Япония готовится к войне с нами, причем Алексеев даже высказался в том духе, что, мол, не помешало бы обдумать возможность превентивного удара.

– Думать всегда полезно, – кивнул я, – вот только надо позаботиться о том, чтобы результаты ваших раздумий ни в коем случае не стали достоянием гласности раньше времени. Может получиться не очень хорошо, если Россия будет выглядеть агрессором. Тут, конечно, многое зависит от прессы и прочих механизмов манипулирования настроениями в обществе, но не все. Впрочем, у нас с вами будет возможность обсудить этот вопрос более подробно, потому как я приглашаю вас составить мне компанию до Владивостока.

Собственно, в этом и был смысл того, что Алексею с моей подачи намекнули – императора лучше встретить в пути. Например, в Харбине. Я действительно хотел поговорить с ним без посторонних и без спешки, и, кроме того, составить о нем более аргументированное мнение, чем у меня уже было. А совместная поездка в одном купе этому наверняка поспособствует. Кроме того, не было секретом, что Евгений Иванович любит комфорт и роскошь. Ладно, то, что он там любит или не любит, это его личное дело. Но проверить, сильно ли ему мешают заметно более стесненные условия, чем те, к которым он привык, явно будет не лишним. Хотя, конечно, здесь далеко не общий вагон, а по советским меркам, насколько я себя помнил, поездка в двухместном купе спального вагона воспринималась как роскошь чуть ли не на грани разврата.

Глава 7

Такое впечатление, что во Владивостоке сбежалось посмотреть на императора не менее чем полгорода. Серж привычно держал себя очень внушительно, но со встречающими общался без малейших признаков высокомерия и вообще весьма доброжелательно. Ну, а старший механик Шумахер скромно сидел на водительском месте императорского лимузина, ожидая, пока подданные выразят свой восторг от лицезрения царственной особы. Ну и удовлетворят любопытство – ведь это не Гатчина, тут просто так царя не встретишь.

Кроме местных, среди встречающих были и иностранцы – например, Чарльз Крамп и Хиробуми Ито, недавно переставший быть премьером, но сохранивший место в императорском Тайном совете.

С Крапом мы до сих пор не встречались, поэтому у него не вызвали ни малейшего подозрения как вид того, кого все приветствовали как императора, так и его манера поведения. А вот Ито наверняка заметил подмену, но, естественно, внешне этого никак не выразил.

Крамп прибыл во Владивосток по моему приглашению. Я решил, что надо все-таки сделать исключение из правила, согласно которому корабли для военно-морского флота строились исключительно на российских верфях, в силу чего Крампу был предложен заказ на два броненосных крейсера по типу неплохо себя зарекомендовавшего «Петра Титова», но в улучшенном варианте. Вот, значит, для личного обсуждения заказа он сюда и явился.

Зато Ито никто не приглашал, он приплыл как частное лицо, влекомое желанием повидаться с мой величеством, раз уж я подобрался так близко к Японии. Во всяком случае, так он объяснил свое прибытие во Владивосток.

На следующее после моего прибытия в конечный пункт Транссиба утро из Питера прошла пространная радиограмма. Мы договорились, что важные и секретные сведения по проводам будем передавать только в крайнем случае, больно уж велика возможность их перехвата. А на коротких волнах в настоящее время могут работать только мои радиостанции, остальные пока обходятся длинными и средними. Правда, не стоит исключать, что адресованное мне послание может услышать и кто-то посторонний, ибо приемники Маркони и Телефонкена обладали чудовищно низкой избирательностью, в силу чего при благоприятных

условиях могли как-то принять и передаваемое на коротких волнах. Но поди по с трудом принятому обрывку разберись, кому он передается! Однако на всякий случай адресованные мне важные радиogramмы шифровались.

Как раз сейчас условия приема были не очень, так что послание передавалось и принималось полдня, с повторами, а потом еще столько же расшифровывалось, но я не волновался. Радиogramма предварялась кодом «ЗБС», а это означало, что в столице все идет хорошо. И пока послание принимали и расшифровывали, я успел не торопясь побеседовать с Ито.

– Ваше величество, неужели у вас все так плохо, что вы вынуждены принимать столь неординарные меры? – спросил он, имея в виду, что на торжественном приеме император был несколько не тот.

– Нет, у меня все хорошо, но это еще не повод отменять меры предосторожности, которые не стоят ничего или почти ничего. От меня не убыло оттого, что я некоторое время побыл великим князем Сергеем, и ему тоже не повредило временное пребывание в моей шкуре.

О том, что вообще-то я в поездке был не великим князем, а вовсе даже старшим механиком императорского гаража, я, естественно, бывшему премьеру не сказал. Потому как надеяться на то, что он непременно сохранит такие сведения в тайне, было бы идеализмом.

Ну, а дальше Ито признался, что с первой нашей встречи почувствовал ко мне большое расположение, из-за чего сейчас хочет меня кое о чем предупредить, невзирая на негативные последствия, могущие последовать для его карьеры.

– Ваше величество, – открыл мне глаза этот благороднейший человек, – в правящих кругах нашей страны есть как сторонники прочного и взаимовыгодного мира с Россией, так и убежденные в желательности войны с ней. Я принадлежу к первой группе, но, к величайшему моему сожалению, последнее время вверх берет вторая.

Вообще-то все это тайной для меня не было – ну кроме разве величайшего сожаления, испытываемого по этому поводу собеседником. Да и то не факт, что оно было таким уж большим. И то, что Ито мог пострадать из-за данного разговора, тоже было чистой правдой. Он, разумеется, действовал не сам по себе, а в интересах своей группировки, считающей, что слона надо есть по кусочкам. То есть сначала полностью разобраться с Кореей, потом окончательно унасекомить Китай, а уж только потом решать, куда расширяться дальше. Но эти интересы входили в противоречие с устремлениями «ястребов», к тому же явно подкармливаемых из Лондона, и они вполне могли организовать бывшему

премьеру одну-другую неприятность.

– Позвольте мне на правах вашего друга, коим я, как мне кажется, имею честь быть, предостеречь ваше величество, – продолжал свои откровения маркиз. – К сожалению, непрерывное усиление группировки в Манчжурии льет воду на мельницу сторонников войны. Особенную тревогу вызвало появление тут бронированных и вооруженных артиллерий поездов, в чем многие усматривают угрозу безопасности японской зоны влияния. К тому же, насколько я слышал, вы не собираетесь ограничиться двумя такими поездами.

Ага, подумал я, вот тут он слегка проговорился. Ведь совершенно ясно, что без рельсов бронепоезда далеко не уедут, а рельсы и близко не подходят ни к Корее, ни к Квантунскому полуострову. А вот если японцы начнут наступать в Манчжурии, то эти поезда могут им сильно испортить жизнь.

Однако вряд ли Ито проговорился случайно, а это значит, что его группировке выгодно поставить меня в известность о том, что война уже почти решена. А также предупредить меня о наиболее вероятном направлении наступления противника. О чем это может говорить? Да о том, что на самом деле оно начнется совсем не там! Как бы хорошо Ито ко мне относился, в чем, кстати, при желании тоже нетрудно усомниться, он не предатель и ради сиюминутных выгод выбалтывать планы кампании не будет. Ну что же, это надо обязательно иметь в виду.

– Вы предлагаете мне сократить маньчжурскую группировку? – прямо спросил я. – Чтоб, значит, зря не дразнить гусей.

– Предлагал бы, если бы не был уверен, что вы никогда на это не пойдете, – со скорбным выражением лица ответил Ито.

– Тогда что?

– Было бы неплохо, если бы вы еще раз подтвердили неизменность вашего курса на невмешательство в дела Кореи и той части Китая, что находится вне зоны железной дороги. Это может несколько ослабить позиции сторонников войны.

С одной стороны, подумал я, еще раз подтвердить мне нетрудно. Но кто это сказал – «назревшую войну нельзя предотвратить, ее можно только отсрочить к выгоде противника»? Кажется, Макиавелли, а ведь это был умный мужик, так что не будем пороть горячку.

– Я обязательно обдумаю все то, что имел честь сегодня услышать от вас, – кивнул я.

На этом наша беседа с экс-премьером была завершена.

Перед самым ужином мне принесли расшифрованную радиограмму из Гатчины. Она состояла из трех частей – за подписями Риты, Рогачева и Столыпина.

Жена сообщала, что имела беседу с маман, которая собиралась выступить с инициативой о смягчении участи только что арестованного за оскорбительные потусторонние выходки Папюса. Вообще-то таких желающих и без нее было достаточно, но вдовствующая императрица посчитала, что такой образ действий поднимет ее акции в глазах Ротшильдов, а это будет неплохо. Рита писала, что посчитала инициативу вполне уместной и от моего имени одобрила ее. А потом супруга уточнила, что, как ей кажется, моей матери было глубоко начхать как на Папюса, так и на Ротшильдов, а интересовало ее – насколько широкими полномочиями сейчас обладает она, Рита.

Самым коротким был пакет от Столыпина. Он писал, что подготовка к подписанию договора с Францией о дружбе и торговле идет штатно, но Витте, отвечающий за его часть, связанную с пошлинами, в рамках своих полномочий слегка изменил три статьи в нем. Причем в чью пользу – пока неясно.

Это вам, Петр Аркадьевич, неясно, а вот у Миши Рогачева никаких сомнений нет, подумал я, приступая к чтению третьего пакета. Поправки небольшие, но в случае вступления России в войну условия погашения кредитов могут измениться. А могут и нет, это уж как французы решат.

Михаил писал, что сейчас он пытается выяснить – сколько же и конкретно с кого Витте взял за такую коррекцию. Но волноваться нет повода, ибо техническую подготовку документов осуществлял Алексей Дмитриевич Оболенский. Он, взяв пример со своего шефа, переставил в документах несколько запятых, убрал один предлог, добавил два и в двух местах заменил «и» на «или». И теперь право изменять условия погашения, если присмотреться, теоретически появлялось не только у Франции, но и у России. Витте пока ничего не заметил, французы тоже. Подписание назначено на двадцать второе апреля.

То есть послезавтра, подумал я, поднося зажигалку к бумаге с текстом радиограммы. Да, пока все идет по планам. Витте уже подставился настолько, что при необходимости мне не придется долго искать повод, чтобы шугануть его с поста министра финансов. Вообще-то, конечно, я, будучи самодержцем, мог снять его и просто так, ничего никому не объясняя, но мне не хотелось злоупотреблять подобным, я же не Николай Второй из другой истории.

Кроме того, насколько я успел изучить характер Сергея Юльевича,

снятие втихую для него будет не более чем огорчительно, да и то не очень, а увольнение с формулировкой «за злостное неисполнение служебных обязанностей» его натурально взбесит. И он, скорее всего, в запале наделает ошибок, которыми мы постараемся воспользоваться.

Следующим пунктом повестки дня моего пребывания во Владивостоке был осмотр строящейся ветки к Хабаровску. Она пока была построена примерно наполовину, дотягиваясь только до городка Иман, который во времена моей первой жизни назывался Дальнереченском.

От императорского поезда отцепили четыре вагона, вместо которых прицепили три теплушки с охраной, и в сопровождении бронепоезда он двинулся на север. Почти вся свита осталась во Владивостоке, а императора, естественно, по-прежнему изображал из себя Сергей. А вот я сменил аватару, перевоплотившись в Ржевского. Бывший поручик, перейдя в жандармы и подрастая в чинах, вылечился от застарелого алкоголизма и стал абсолютным трезвенником – почти как я. Ехал он на бронепоезде, потому что на вопрос «Роман Исидорович, а как тут вас с хунгузами?» Кондратенко, вдохнув, честно ответил:

– Иногда шалят, Александр Александрович. Мы их, конечно, гоняем, но все же нет-нет да и случается стрельба. Особенно там, где идут дорожные работы. Такое впечатление, что их кто-то науськивает как можно сильнее затруднить строительство пути до Хабаровска.

Мне тоже стало интересно – это англичане, французы или японцы? Не помешает попытаться узнать, но без особой спешки, ибо дорогу все равно нужно как можно быстрее достраивать. Ведь полностью окружить Владивосток не так просто, а вот отрезать ему снабжение по КВЖД – это уже реально. Так пусть будет резервный путь по Амуру до Хабаровска и далее по железке. Он хоть неудобный, но все же это лучше, чем вообще никакого.

И, наконец, по возвращении во Владивосток осталось совершить последний из запланированных инспекционных вояжей – на Сахалин. Я собирался плыть на «Петре Титове» – зря, что ли, на стадии постройки он считался императорской яхтой? А сопровождать меня должны были два его систершипа – «Аврора» и «Паллада». Вообще-то их было заложено три, но «Диану» все еще никак не могли достроить. В этой истории их уже не называли «сонными богинями», потому как они могли развивать скорость в двадцать два узла, а «Диана» – и вовсе двадцать четыре благодаря более мощным машинам. Собственно говоря, из-за их постоянных поломок ее до

сих пор так и не сдали в эксплуатацию.

Мы прибыли в форт Корсаков рано утром. Изображающий императора Серж прогулялся по поселку, но недолго и без особого интереса, а потом вместе с местным начальством вернулся на борт «Титова», где они, мягко говоря, слегка выпили. А штабс-капитан Ржевский в сопровождении капитана Деникина и десятка казаков верхом прогулялся до Владимировки, во второй половине двадцатого века ставшей Южно-Сахалинском, и задержался там на сутки.

– Ну что же, Антон Иванович, вы справляетесь очень неплохо, – сказал я ему на обратном пути. – Продолжайте в том же духе, господин подполковник, указ о производстве в чин будет завтра.

– Служу России! – козырнул Деникин. Да, теперь уставной ответ на поощрение со стороны начальства звучал именно так. Всякие там «рад стараться, ваше высество» были отменены еще в тысяча девятисотом году.

Второго мая караван из пяти поездов, сопровождаемый бронепоездом, тронулся в обратный путь. Правда, куда-то потерялся старший механик Шумахер – ну мало ли, вдруг человек загулял во Владике и опоздал на поезд? Освободившееся купе занял жандармский штабс-капитан Ржевский, по служебным делам направляющийся в столицу. И где-то между Иркутском и Красноярском ему принесли только что принятую радиограмму с грифом «ХЗ», что означало – отправитель сомневается, хорошие это новости или не очень. В ней сообщалось, что, во-первых, десятого апреля скончался глава и основатель компании «Де Бирс» Сесил Родс – один из самых ярых сторонников войны с Трансваалем и Оранжевой. А во-вторых, два дня назад английские войска без объявления войны перешли границу Оранжевой республики и начали наступление на Спрингфонтейн.

Ох и ни хрена же себе, почесал в затылке бравый штабс-капитан. Я же помнил, что Родс действительно должен был умереть весной этого года, но считал, что после его смерти риск спонтанного начала боевых действий сильно уменьшится. А оказалось наоборот! Так что же, его воинственные вопли на самом деле были всего лишь прикрытием подготовки, проводимой куда более серьезными людьми? Выходит, что так. И это означает, что начал реализовываться какой-то план, детали которого мне неизвестны. Например, недавнее резкое возрастание лояльности Франции и заигрывания Ротшильдов с Витте тоже могут быть пунктами того самого плана. Кстати, и переезд Марины с Георгием в Россию тоже! Интересно, как они там? По идее должны были уже явиться, но мне никто ничего не

сообщал. Хотя, с другой стороны, не такая уж это и важная новость, особенно с точки зрения Риты.

Я с трудом подавил желание приказать колонне поездов увеличить скорость. Нет уж, слететь под откос будет совсем некстати. Да и вообще не следует показывать, будто императора что-то волнует. Наоборот, он спокоен, как удав – и для жены, и для внешних наблюдателей. А вот написать указ о производстве полковника Максимова, главы нашей военной миссии в Трансваале, в генерал-майоры – самое время. Надеюсь, он поймет аванс правильно, и англичан в Южной Африке будет ждать отнюдь не увеселительная прогулка.

Глава 8

К моменту моего возвращения домой в Гатчине натуральным образом выстроилась небольшая очередь из желающих доложить, что же такого интересного произошло за время моего отсутствия. Правда, Ширинкин успел раньше других, так как ехал со мной в одном купе и всю дорогу развлекал рассказами о том, сколько эсеров и анархистов его людям удалось обезвредить за время моего путешествия. Из его слов следовало, что даже если бы никакой другой пользы от вояжа не было, он все равно себя оправдал. Тем, что показал, насколько, оказывается, далека от идеала моя охрана. Из слов Евгения Никифоровича следовало, что предотвратить террористические акты по дороге удалось не столько благодаря высокому профессионализму сотрудников дворцовой полиции и комитета госбезопасности, сколько из-за дилетантства и общей криворукости революционеров.

– В основном они из студентов гуманитарных направлений, – пояснил генерал. – Однако не стоит надеяться, что так будет всегда. Где-то во Франции, по моим сведениям, эсеры уже организовали школу боевиков.

У меня сведения были чуть более полные. Во-первых, не где-то, а в пригороде Тулона. А во-вторых, там скоро должен был произойти несчастный случай – или даже сразу несколько таковых. Эти идиоты совместили школу с лабораторией по производству взрывчатки, и Рогачев обещал, что такое вопиющее нарушение техники безопасности обязательно приведет к трагедии. Надо только подождать, пока там соберется побольше народа. А вообще меры уже принимаются, то есть господину Ефимову поставлена соответствующая задача и выделены средства. Но расслабляться, конечно, ни к чему, тут мой собеседник прав.

– Численность охранных структур ныне достаточна только для обеспечения вашей безопасности в Гатчине и сложившейся практики, когда большую часть выездов оттуда вы производите инкогнито и внезапно, – убеждал меня Евстратий Павлович. – Она почти достаточна для визитов в Берлин, но в основном благодаря серьезной помощи от служб кайзера. Завершающееся же путешествие через всю Россию показало реальные границы наших возможностей, и они не радуют. Кроме того, ваши фокусы с переодеванием и гримом, хоть и в урезанном варианте, стали известны в достаточно широких кругах, а это означает, что скоро нельзя будет эффективно использовать личины Шумахера, Ржевского, да и все прочие

тоже.

– Ваши предложения?

– Штаты дворцовой полиции необходимо расширить как минимум на тридцать процентов. Кроме того, я посоветовал бы создать особый охранный отряд высокой мобильности, подчиненный непосредственно вам.

– Настолько заботитесь о деле, что готовы своими руками способствовать рождению еще одного конкурента?

– Да, Александр Александрович. Ведь если с вами что-то случится, то моя карьера будет кончена в любом случае. Это если отбросить более высокие соображения, но и они тоже присутствуют.

– Спасибо за совет, я подумаю.

Или, если быть точным, закончу думать, потому как начал-то я это еще до поездки на Дальний Восток, и приступлю к практической реализации идеи об особом отряде. Тем более что и в другой истории он был создан под руководством полковника Спиридовича, но Николай Второй пошел на это только после революции пятого года. Однако он мне не указ, я подсуечусь пораньше. Правда, Спиридович пока только ротмистр, но мне уже радировали, что несколько дней назад он смог поймать давно разыскиваемого Гершуни, так что с чинами у него все будет в порядке, вряд ли ему придется долго ходить в подполковниках.

Ну, а в Гатчине первой, естественно, со мной встретилась жена. Примерно полминуты ушло на утверждение, что за время поездки я похудел, а это мне не идет, потом Рита перешла к делу, но начала почему-то с Папюса.

– Я его позавчера сама помиловала, не дожидаясь тебя, – объяснила она, хотя по моему лицу и куда менее опытный физиономист, чем Рита, мог бы прочитать, насколько мне в данный момент начхать на всех Папюсов в мире. Мой брат Георгий где? Правда, на этого тоже начхать, если откровенно, но у него же есть жена.

– Мне показалось, что тебе этого делать не стоит, – продолжала моя благоверная. – А то это может выглядеть как метания – сам посадил, сам выпустил... какая-то непоследовательность, право слово. Зато теперь все в порядке. Суровый император твердой рукой пресек спиритические безобразия, а добрая, мягкая и подверженная чужому влиянию императрица воспользовалась отсутствием мужа, чтобы облегчить участь страдальца.

– Сама придумала?

– Разумеется, только дождалась, когда меня об этом попросит Мария Федоровна.

– Хорошо, но к более интересным вещам ты переходить собираешься?
– Милый, ну конечно! У меня с собой финансовый отчет за второй квартал и уточненные заявки на третий и четвертый. А также предложения по улучшению отчетности, ибо...

– Рита, имей совесть!

– С удовольствием, если ты мне объяснишь, каким образом она здесь должна участвовать. Кроме того, глагол «иметь» в русском языке довольно многозначительный, и я даже слегка смущаюсь.

– Хм!

– Ладно, успокойся, приехал твой любимый братец, и его супруга тоже. Я их пока отправила в Приорат, под присмотр Петра Маркеловича. Что, прямо сейчас бросишь постылую жену и помчишься к любовнице?

– Нет, – я с некоторым сожалением помотал головой. – Я по тебе соскучился, а в таком состоянии идти к... э-э... старой знакомой не самая хорошая идея. Лучше потом, завтра перед обедом, например. А ты пока расскажи, если есть что, о связанных с их появлением нюансах. Наверняка ведь со времени моего отъезда у тебя появились новые сведения, не вошедшие в радиোগраммы.

– Да, Алик. Я уже имела три беседы с Мариной и одну – с Георгием. Если вкратце, то твоя любовь...

– Бывшая любовь.

– Не ври жене, это у тебя все равно плохо получается. Так вот, твоя, скажем так, условно бывшая любовь сразу поставила своих нанимателей в известность, что пытаться хоть как-то форсировать возобновление ваших прошлых отношений она не будет, а вместо этого постарается подружиться со мной. Так как многие уже в курсе моего отношения к твоим бывшим любовницам, особого удивления такое развитие событий не вызовет. Ее задача состоит в том, чтобы потихоньку вызвать симпатию к Франции и антипатию к пруссакам сначала у меня, а потом, если повезет, то и у нас с тобой вместе. Никаких специальных шагов в связи с текущими займами ей не предписано. Более того, рекомендовано по своей инициативе вообще не поднимать эти вопросы в беседах ни с кем. То есть по твоей терминологии она должна стать типичным агентом влияния с прицелом на перспективу.

– Они что, совсем рехнулись? Пытаться вызвать у германской принцессы любовь к Франции и неприязнь к родной стране – это же идиотизм. И вообще что-то тут не сходится, первые сведения были несколько иными.

– Однако с русской высшей знатью нечто похожее у них получилось – по-моему, не меньше половины считают Францию прекрасной страной, а к

России относятся как дойной корове. И, кроме того, именно наниматели предложили госпоже Семенковой – или она уже Романова? – самой признаться в том, что ее отправили по возможности способствовать сиюминутным французским инициативам и не скрывать, что деньги за это уже получены. Очевидно, люди посчитали, что у меня это вызовет доверие. В общем, не такая уж глупость, если смотреть на ситуацию с их колокольни. Кстати, как Марине быть с деньгами?

– А много дали?

– Триста тысяч франков.

– Жмоты, что с них возьмешь. Ладно, эту мелочь пусть оставляет себе, мы не обеднеем. Но, разумеется, в будущем подобные вопросы всякий раз будут решаться индивидуально.

– Я ей так и сказала.

– И еще вопрос – насколько Георгий в курсе тайных дел супруги?

– Она ему поведала, что сразу по приезду призналась – Ротшильды ей заплатили за попытку влияния на меня. Ну вроде как хочет жить на родине с чистой совестью. О том, что тайная служба жены в любом случае будет продолжаться, он, по моим сведениям, не в курсе.

– И чем они тут собираются заняться? – поинтересовался я. – Имеется в виду для публики.

– Марина поначалу будет работать в дворцовой парикмахерской, а со временем, возможно, заменит Людмилу.

Да уж, бедная мышка так и не научилась обуздывать свой аппетит, и сейчас, когда ее вес перевалил за восемь пудов, она и ходит-то с трудом, мысленно согласился я.

– А у Георгия какие-то идеи, связанные с дельтапланами, – продолжала Рита. Он мне прямо так и сказал, что видит в их совершенствовании большой потенциал и хочет, чтобы он работал на пользу России, а не Германии, хоть она в данное время и почти союзник.

– Эх его на патриотизм-то пробил!

– Конечно, не отпускать же такую жену одну в Россию. Так вот, он уже успел встретиться со своим давним приятелем, Сандро, и даже заручился его поддержкой. Наверное, эти двое скоро придут к тебе с какой-то сногшибательной идеей из области военно-морского воздухоплавания. Больше ты меня ни о чем не хочешь спросить?

– Да вроде нет. Однако надеюсь, что ты сама хочешь рассказать мне о личном письме от брата.

– Ну наконец-то! А то я уже начала волноваться, что тебе не донесли. Письмо как письмо, и в нем интересны только завуалированные намеки на

твою якобы любвеобильность.

– Почему это «якобы», – даже слегка обиделся я.

– Потому что я тебя знаю уж всяко лучше, чем Вильгельм. Так вот, он советовал мне закрывать глаза на твои мелкие недостатки, ибо они перекрываются выдающимися достоинствами. И не надо так ухмыляться, Вилли имел в виду вовсе не то, о чем ты сейчас подумал. Мне кажется, что тут тоже как-то отметилась Марина, но точных данных у меня нет. И даже хоть сколько-нибудь подтвержденных предположений пока не появилось.

– Может, это он из-за Малечки? Во время поездки она так и льнула к обоим ипостасям Сержа, а ведь одной из них считался я.

– Знаешь, а мне почему-то такое очевидное объяснение даже в голову не пришло. Вот уж действительно, не следует забывать принцип Оккама. А письмо – вот оно, читай, если интересно.

– Рита, за столько лет супружеской жизни ты уж могла бы заметить, что мне интересно все, хоть как-то к тебе относящееся. Ибо я до сих пор не могу понять, чего во мне нашла такая умная женщина, как ты.

– А меня что, разве кто-то спрашивал? Помнится, ты, даже не додумав до конца предложение руки и сердца, полез обниматься. Ну, а я, робкая и неопытная девушка, такому напору противостоять не смогла.

До встречи с Петром Маркеловичем и Рогачевым дело дошло только на следующее утро, причем на ней присутствовал и председатель КГБ Медников.

– Господа, мне кажется, что настала пора уделить более пристальное внимание вопросам связи, – начал я. – Причем имеются в виду не только и даже не столько технические, сколько иного плана. Например, рассмотрим недавний инцидент в Челябинске. Вот, значит, как я представляю себе идеальное развитие событий, а не то, пардон, безобразие, что имело место в реальности.

Итак, пусть халдей пошел отправлять телеграмму. Телеграфист ее принял, постаравшись не вызвать подозрения, но отправил не по адресу, а в промежуточный центр, снабдив кодовым маркером, почему он это сделал. В данном случае – потому, что с маршрута царского поезда так следовало поступать вообще со всеми депешами. В центре решат, отправлять послание по адресу в неизменном виде, или слегка подкорректировать, или вообще придержать. То есть я считаю, что идеалом был вообще бы полный контроль над всеми телеграфными отправлениями в империи, но идеал, как известно, недостижим. Однако контроль за всей зоной Транссиба нам нужен, и он должен появиться в ближайшее же время. Жду письменных

предложений от всех присутствующих через неделю. И, наконец, может мне кто-нибудь внятно объяснить, что у вас тут произошло с Секеринским? Соответствующая радиограмма, скажем прямо, была не очень вразумительной.

– Он пропал, Александр Александрович, – вздохнул Медников. – Как позже выяснилось, за день до того, как было утверждено решение о его аресте. Поиски пока не дали результата, хотя ищут как и самого полковника, так и его труп.

– Если найдете и то, и то, сообщайте сразу, – усмехнулся я. – И это не шутка, у таких ушлых господ, как Петр Васильевич, может при необходимости образоваться не один безупречно выглядящий труп, а сразу несколько. В общем, ясно, что тут ваша общая недоработка. Кого мне ставить на его место, как думаете?

– Александра Васильевича Герасимова, – тут же отреагировал Медников.

Я вопросительно посмотрел на Михаила и Петра Маркеловича.

– Не возражаем, – кивнул Рогачев. – Тем более что Герасимов займет пост с уже сформировавшейся командой, где есть люди как от нашего комитета, так и от КГБ.

– Ладно, согласен, но все же, господа, вынужден сообщить вам вот что. Ошибки, само собой, случаются в любом деле, и к этому я отношусь с пониманием, но они бывают разные. Пропал Секеринский – не очень приятно, конечно, но по большому счету и хрен с ним. Однако если у вас, не приведи господь, Витте пропадет – вот тут уж, извините, я без оргвыводов обойтись не смогу, причем весьма серьезных. Всем все понятно?

Глава 9

Как и предполагала Рита, заявка на аудиенцию от Сандро и Жоржа была подана на следующий после моего приезда день, и через пару дней, в субботу, эта пара уже сидела в нижнем кабинете.

– Алик, – без предисловий взял быка за рога Сандро, – тут Жорж, по-моему, дело предлагает. Дельтаплан для разведки в море может стать незаменимым, но все упирается в способы его запуска и приема обратно. Если снабженный поплавками аппарат спускать на воду краном и так же поднимать на борт, то оперировать он сможет только при волнении не более трех баллов. Ситуация немного облегчится, если корабль-носитель всякий раз будет становиться по отношению к волне так, чтобы затенить зону, достаточную для взлета и посадки, но это мало что дает. Для посадки хватает, но для взлета полностью загруженному аппарату на поплавках нужно метров триста, а столь длинных кораблей не бывает. Так вот, Жорж придумал довольно компактное устройство для запуска дельтапланов с борта корабля.

Сандро протянул мне чертеж, и я подумал, что во времена моего первого детства таких изобретателей было по несколько штук в каждом дворе. Потому что на эскизе была изображена обычная рогатка, только большая, установленная перед полозами, по которым, насколько я понял, должен был разгоняться взлетающий дельтаплан.

– Эту идею кто-нибудь проверял?

– Я проверял, лично, – вступил в разговор Жорж. – Правда, не на корабле. Взлетал с изображенной здесь катапульты на земле, а садился в пруд. Все в порядке, только смазку для желобов пришлось подобрать, чтобы не протирались поплавки. Пока наилучшие результаты показал бараний жир.

– Неплохо. Для начала, по-моему, надо последовательно изготовить штук пять таких швырялок, чтобы отработать конструкцию. Естественно, на суше, а только потом оснащать этим устройством корабль. Тут как раз «Дмитрий Донской» пришел в Кронштадт на ремонт, так что, скорее всего, попробовать можно будет на нем. Ну, а потом будем решать, что делать дальше. Я убежден, что дельтапланы во флоте ждет великое будущее.

Кажется, мне при этих словах удалось сохранить серьезное выражение лица, хотя поначалу хотелось заржать. Однако, когда визитеры уже ушли, я подумал – а почему бы и нет?

В другой истории дельтапланы на кораблях не прижились, ибо появились они тогда, когда все давно забыли о базирующихся на борту легких разведывательных гидропланах. Здесь же они появились раньше, а в смысле компактности дельтаплан куда предпочтительнее самого маленького самолета, так что подобная мысль наверняка не останется прерогативой только одного Жоржа. А значит, реализовывать ее можно, не очень сильно отвлекаясь на поддержание секретности – все равно скоро она станет всеобщим достоянием.

Вообще-то я еще в самом конце прошлого, девятнадцатого, века встал перед нелегким выбором. Если считать русско-японскую войну неизбежной, то какое средство противодействия японскому флоту считать приоритетным – подводные лодки с торпедными катерами или авиацию? Наш флот я даже не рассматривал, потому что, во-первых, знал, какова была его реальная эффективность в другой истории. А во-вторых, здесь он заметно слабее, потому как деньги шли на Транссиб, железную дорогу до Мурманска и на оборудование там нормального порта.

Поначалу я склонялся к авиации, и в основном потому, что самолеты мне были знакомы куда лучше катеров и лодок. Однако со временем появлялись аргументы не только «за», но и «против», причем последних было много.

Итак, какие типы самолетов пригодны для борьбы против тяжелых кораблей? Пикирующий бомбардировщик и торпедоносец. А что у нас может появиться до тысячи девятьсот четвертого года?

Торпедоносцы – очень даже вряд ли. Для такого самолета нужен мотор мощностью как минимум шестьсот сил, а лучше так вообще ближе к тысяче. Ничего подобного у меня нет и в обозримом будущем в пригодном к серийному выпуску виде не появится. На этом фоне то, что самих авиационных торпед тоже нет, выглядит мелочью.

Пикирующие бомбардировщики? Вот тут уже теплее, но, если присмотреться, то ненамного. То, что уже есть, то есть МО-III, он же «мошка», на самом деле, разумеется, никакой не штурмовик, хоть и называется этим словом. Однако какой, блин, может быть штурмовик вообще без всякого бронирования? Защищать же броней самолет с двумя моторчиками по сто тридцать сил – это почти в ноль свести его грузоподъемность.

Вот в качестве бомбардировщика его использовать можно. Или, если точнее, то недобомбардировщика, причем полупикирующего.

Пикировать отвесно он вообще не мог, даже пустой. Максимум – это с

углом в шестьдесят градусов, бомбовой нагрузке в двести пятьдесят кило и не более чем в течение десяти секунд. Потом следовало в любом случае сбрасывать бомбу и начинать выход, потому что иначе скорость превышала предельно допустимую. Так вот, при таких условиях четвертьтонная бомба пробивала пятьдесят миллиметров брони, будучи сброшенной с высоты не менее километра. Именно такую толщину имела бронепалуба японских броненосцев и линейных крейсеров, однако практика показала, что с километра мои летчики могут попасть в мишень размером с корабль только случайно. А ведь эта мишень была неподвижной! То есть в реальности дело будет обстоять еще хуже. Нет, конечно, если атаковать каждый броненосец многими десятками, а то и сотнями самолетов, то может получиться неплохо, но где же их столько взять-то?

И вот тут обязательно проявится тот факт, что любое секретное оружие перестает быть таковым после первого же его удачного массированного применения. То есть, если самолеты покажут хоть какую-то боевую эффективность, о моей монополии на них можно будет сразу забыть. А учитывая, что в Англии и тем более в Штатах промышленность более развита, чем в России, то и самолетов они смогут наклепать существенно больше нас. Многочисленная же авиация у противника опасна не только на море, но и на суше. В общем, если допустить, что вскоре после русско-японской начнется мировая война, то самолеты лучше заранее никому не показывать.

С подводными же лодками все обстоит как раз наоборот. Предположим, они покажут свою эффективность против японских линейных кораблей, и все, кому это по карману, наперегонки кинутся их строить. Да на здоровье! Нам они если и помешают, то совсем немного – просто потому, что у России нет жизненно для нее важных морских торговых путей. И у Германии, если только она сдуру не рассорится с нами, тоже не будет. То есть подводные лодки опасны в основном для Англии, вот пусть она и ломает голову, как с ними бороться.

В свете подобных соображений Вильгельм вел себя идеально, то есть с упорством, достойным лучшего применения, пытался стоять тяжелые боевые дирижабли, и у него даже что-то получалось. Во всяком случае, англичане забеспокоились и попытались созвать конференцию наподобие той, что в другой истории состоялась в тысяча восемьсот девяносто девятом году в Гааге. Однако сейчас доверчивого простака наподобие того Николая Второго не нашлось, так что идея конференции умерла, не успев даже толком родиться.

Тогда же в Париже задумались о концепции зенитной пушки. Но, так

как основными целями предполагались немецкие дирижабли, то в конце концов орудие получилось довольно своеобразным. Калибр семьдесят пять миллиметров, скорострельность три выстрела в минуту, единственный боеприпас – шрапнель. А главное – станок не позволял хоть сколько-нибудь быстро менять прицел, так что для самолета такие пушки были почти безопасны. Пока расчет, матерясь и потея, развернет ствол в сторону небесного гостя, он успеет прилететь, отбомбиться и улететь.

Все это, конечно, хорошо, но вот только создание хоть сколько-нибудь приемлемых подводных лодок оказалось весьма недешевым делом. С авиацией было не так, я всегда знал, какие решения следует поддерживать, а какие тормозить на стадии предварительного осмысления, да и мог сам в любой момент начертить или просто описать узел, который моим конструкторам почему-либо не давался.

Вот только про подводные лодки я знал прискорбно мало. Ясное дело, для меня не было тайной, что такое легкий корпус, что такое прочный, как устроен и зачем нужен шноркель. Но в основном мои знания базировались на нескольких номерах «Моделиста-конструктора» с описанием лодок типа «Щ» и «М». Да и то я помнил изложенное там отнюдь не дословно, а через пень-колоду. Ну и какой-то опыт у меня появился во время возни вокруг лодок Джевецкого – вот, собственно, и все.

Поэтому авиаконструктор Гаккель, возглавивший КБ Можайского после кончины Александра Федоровича, был куда более стеснен в неоправданных растратах средств, чем подводники Бубнов, Беклемишев и Щенснович. Я просто не мог их предупредить о тупиковости многих инженерных решений, ибо сам про то не подозревал, из-за чего средства вынуждены были расходоваться в очень приличных количествах – и время, к сожалению, тоже. Правда, ситуация улучшилась, когда в компанию подводников влился Крылов на правах главного теоретика, но ненадолго.

А вот морской министр Тыртов отнесся к подводным лодкам без всякого энтузиазма. То ли сыграло свою роль близкое знакомство Павла Петровича с подводными мопедами Джевецкого, то ли еще что, но в боевые возможности лодок он совершенно не верил. Что меня в общем-то устраивало, ибо я не допускал, что английская и французская разведки не в курсе подобных настроений адмирала.

Худо-бедно, но лодка «М», то есть «Малютка», уже практически прошла испытания, и сейчас ее готовили к выпуску малой серией. Хотя, конечно, получилась не совсем та лодка, что была описана в «Моделисте».

Предельная глубина погружения составляла всего тридцать метров, подводная скорость – шесть узлов, надводная – двенадцать, в промежуточном положении, то есть под шноркелем и перископом – девять. Предельная дальность плавания под водой – сорок километров, в надводном положении – восемьсот. Вооружение – два носовых торпедных аппарата, причем перезаряжаться они могли только на берегу. В общем, не лодка, а воплощенное убожество, но зато, как и прототип, она могла в разобранном состоянии перевозиться по железной дороге.

К сожалению, второй образец, который здесь назывался не «Щ», а «К», то есть «крейсер», пока наличествовал в виде недостроенного остова. И, глядя на него, я подозревал, что, когда это устройство все-таки будет спущено на воду, до настоящего подводного крейсера ему окажется даже дальше, чем до Пекина раком.

С торпедными катерами пока дело обстояло так себе из-за отсутствия достаточно мощного бензинового двигателя, но он был уже близок к серийному производству – ведь на него не накладывались такие жесткие весовые ограничения, как на авиационный. В общем, у меня потихоньку теплилась надежда, что в случае чего мы сможем достойно встретить японцев не только на суше, но и на море. Если, конечно, эти встречи будут происходить не очень далеко от наших берегов. Вот только деньги, деньги – где на все это брать? Я ведь не из-за хорошей жизни принял решение влезть в историю с французскими займами.

Разумеется, вышеописанная возня никак не могла обойтись без, так сказать, родоначальника русского подводного флота, то есть Джевецкого. Правда, Степан Карлович уже девятый год жил во Франции, появляясь в России только наездами, но ему это нисколько не мешало. Тут я был полностью согласен, ибо, с моей точки зрения, свою задачу он выполнял безукоризненно. Состояла она в том, что его поделки служили неплохим объяснением для публики – а что за устройства в обстановке высокой секретности строятся на Ладоге?

Да уж, идеями господин Джевецкий просто фонтанировал, причем иногда даже не тратя времени на дорогу, прямо из Парижа. А воплощал их в жизнь его ученик и последователь мичман Сергей Янович.

Очередная идея, присланная из Франции, была проста, как мычание, и столь же прекрасна. В свое время Джевецкому так и не удалось сделать нормальную электрическую часть для создаваемых лодок. Там постоянно что-то отказывало, дымилось и горело. Так вот, Степан Карлович решил – а ну его в пень, это электричество! Больно уж сложная вещь, не для простых

умов. Обойдемся одним бензиновым или нефтяным двигателем.

И, значит, с одной из старых лодок сняли все электрооборудование, а на освободившееся место был кое-как впихнут нефтяной движок от компрессора из тех, что работали на строительстве Транссиба. Причем, что интересно, Янович без всяких подсказок с моей стороны самостоятельно изобрел шноркель! Все правильно, без него такая лодка вообще существовать не могла.

Так вот, на корпус присобачили две трехметровых трубы – спереди перископ, сзади шноркель. И она, значит, могла полностью погружаться в воду, оставляя на поверхности только кончики этих труб. Глубже, естественно, не получалось. Для стабилизации глубины погружения использовали доработанный механизм от торпеды.

Самое интересное, что лодка действительно плавала именно так, как предполагалось! И за все время испытаний не только ни разу не попыталась потонуть, но даже произвела успешные запуски торпед из-под воды. В общем, она вела себя так, как и было задумано – во всяком случае, мной. В том смысле, что этот аппарат гармонично сочетал в себе недостатки миноносца, торпедного катера и подводной лодки, не обладая почти ни одним из их достоинств. То есть у Джевецкого с Яновичем в этом смысле получился буквально шедевр, которым уже заинтересовались во Франции. А я подписал бумаги на изготовление опытной партии в количестве пяти штук, благо стоимость их была копеечная.

Но, к сожалению, про все остальные работы ничего даже отдаленно похожего сказать было нельзя, и на меня периодически накатывали грустные мысли – а где бы раздобыть еще денег? Причем лучше сразу много, мелочь вроде той, что заплатили Марине при вербовке, тут не поможет.

Как часто бывает, решение пришло с неожиданной стороны.

Владимир Ильич закончил свой проект отмены черты оседлости в России и передал его Столыпину, а тот составил список желательных коррекций и явился ко мне на доклад.

– Расскажите вкратце, Петр Аркадьевич, что вам тут не нравится, – предложил я.

– Недостаточная проработанность финансовой части проекта.

Я был несколько удивлен. С моей точки зрения, ее там вообще не было! Финансирование от Ротшильдов шло будущему Ленину, а расходы по претворению проекта в жизнь должен был определить сам Столыпин.

– В чем же?

– Не предусмотрено механизма ускорения процесса, а также изменения порядка очередности по регионам.

До меня начало потихоньку доходить.

– Так вы что, собираетесь брать за это деньги?

– Разумеется. Не задаром же раздавать ваши милости! Не поймут-с, особенно евреи.

– Так ведь богатых черта оседлости все равно не затрагивает, а с бедных нечего взять.

– Зато богатым нужно повышение авторитета в общинах, и они готовы за это заплатить. А ускоренная или даже внеочередная отмена черты оседлости вызовет настоящий взрыв энтузиазма. В очередь выстоятся господа банкиры, чтобы успеть дать деньги раньше соседей.

– Хм... возможно, и получится. Вы это собираетесь проводить через комитет министров?

– Да, императору лучше быть выше подобных мелочей, к тому же могущих вызвать неоднозначную реакцию. И позвольте вопрос – в отношении старообрядцев что-нибудь похожее планируется? Среди них тоже немало довольно зажиточных людей, болеющих душой за дела общины. Есть даже банкиры.

– Пожалуй, не будем повторяться, шаблоны не всегда полезны. Пусть лучше они сами проявят разумную инициативу. У вас среди старообрядцев знакомые есть? Тогда прикиньте, что почем, и сообщите им, что они могут готовить делегацию к моему величеству с прошением. С расценками разбирайтесь сами, я в этих делах не очень компетентен. Вот только, небось, в Синоде поднимут вой... ничего, им конкуренция пойдет на пользу, а то вконец зажирили на монопольных хлебах, совсем мышей не ловят. Короче, Победоносцева я беру на себя. Как намекну, что деньги, если их не дадут евреи и староверы, я вытрясу из него, мигом начнет мыслить в правильном направлении. Да, чуть не забыл – пять процентов от полученных сумм кабинету министров в неподотчетные фонды, три – лично вам. Хватит или мало?

– Хватит, Александр Александрович.

В общем, укрепление веротерпимости оказалось довольно прибыльным делом. Кроме платежей Столыпину, еврейская община Москвы пожертвовала на развитие флота триста тысяч рублей, а небезызвестный Савва Морозов – еще двести. Возможно, это было просто совпадение, но после щедрых пожертвований достройка лодки типа «К» заметно ускорила.

Глава 10

К сожалению, среди лиц, желающих сразу после моего возвращения сделать развернутый доклад, не было главы разведуправления Редигера. Просто потому, что более или менее достоверные сведения о том, что же сейчас происходит в Южной Африке, у него пока отсутствовали. Однако мне такое положение дел не очень нравилось, поэтому я вызвал Александра Федоровича в Гатчину и задал два вопроса – почему и доколе?

– Ваше величество, вы же сами запретили использование радиостанций в местах, где они могут попасть в чужие руки. Южная Африка – это как раз такое место, вне всяких сомнений.

– Мой запрет касался русских радиостанций. Что мешало приобрести для Максимова немецкую? «Телефункен» делает не сказать чтобы совсем уж хорошие, но все-таки работоспособные радиостанции.

– В бюджете управления не предусмотрено средств на покупку радиостанций за границей и обучение персонала для работы на них.

– А где ваши возмущенные докладные записки на эту тему? Эх, Александр Федорович, я ведь собирался вам генеральские погоны преподнести, но теперь меня что-то обуяли сомнения. Ладно там юг Африки, но ведь если из Кореи сведения будут неделю доходить до Владивостока, во весь рост станет вопрос о вашем служебном соответствии. Сколько вам понадобится времени для исправления нынешней совершенно нетерпимой ситуации?

– Месяц, ваше величество.

– Долго. Значит, через три недели жду вас с докладом. Постарайтесь меня не разочаровать, это в ваших же интересах.

Да, немцы уже научились делать более или менее работоспособные радиостанции. Они использовали в приемниках не вакуумный когерер Маркони, а кристаллический детектор по патенту Попова – Герца. Это несколько повышало чувствительность, но затрудняло настройку. Работали радиостанции «Телефункена», как и все остальные в мире, кроме наших, на длинных волнах. Мы же использовали средние, а недавно, когда у Колбасьева наконец-то получился супергетеродинный приемник, начали переходить на короткие. Правда, надежность ламп оставляла желать лучшего, но пока проблема решалась их легкой заменой и большим количеством в ЗИПе. В общем, для оснащения зарубежных резидентур

немецкие радиостанции вполне подходили. А с нашими я решил не спешить, а то ведь иначе к войне, не дай бог, и у противника появится ламповая радиоаппаратура.

Итак, я ждал дополнительных сведений от Редигера, но первым принес их министр иностранных дел Ламсдорф.

– Ваше величество, – сообщил он, – король Великобритании Эдуард Седьмой в неофициальной беседе с российским послом выразил мнение о желательности личной встречи с вами для урегулирования возникших в последнее время острых вопросов.

– Пусть приезжает, я в Лондоне уже был, а он в Питере – еще нет.

– А вы, значит...

– Да, не хочу. Даже если англичане соберутся снова повесить мне какой-нибудь орден, все равно не поеду. Скажусь больным, кто-нибудь его за меня получит.

– А как вы относитесь к встрече на нейтральной территории?

– В принципе не против, но только где вы ее в Европе-то найдете, нейтральную? Все уже давно к кому-нибудь тяготеют. Разве что на каком-нибудь необитаемом острове в Тихом океане можно встретиться, но туда плыть далеко. В общем, доведите до короля, что я приглашаю его в гости.

Увы, моя позиция, в которой при желании можно было усмотреть элементы хамства, имела под собой в качестве основы не убежденность в собственной правоте, а некоторую растерянность. Я не пойми с чего подумал, что до короля дошли сведения о наших действиях в Ирландии. Кстати, поначалу меня не понял даже ближайший сподвижник – Рогачев, которому предстояло эти самые грядущие действия курировать.

– Ты собираешься бороться с сепаратизмом в России и одновременно поощрять его в Ирландии? – удивился он.

Мне пришлось провести небольшой импровизированный ликбез.

– Диалектику надо учить, – пояснил я. – Зря, что ли, Гегель старался, ее придумывая? Количественная и качественная оценка любого явления существует не сама по себе, а исключительно в комплексе со временем и местом оного. Например, сто волос на голове – это очень мало, а в супе – очень много. Плюс пять градусов в июле в Ялте – холодно, а минус пять в январе в Якутске – тепло. Взятчик в России – это мерзавец, которого надо повесить сразу после конфискации имущества, во Франции – потенциальный объект для вербовки, которого следует всячески обхаживать, а в Америке – наш надежный деловой партнер. И вообще, их агент у нас – это шпион, а наш у них – отважный разведчик.

– Что-то тебя на высокие материи с утра потянуло, – усмехнулся Михаил.

– Материя – это объективная реальность, данная нам в ощущениях, – добил его эрудицией я. – И лично у меня давно сложилось ощущение, что англичане чувствуют себя в Ирландии слишком комфортно. А в Штатах, например, много ирландских эмигрантов и их потомков, коим такое положение дел совсем не нравится, и это объективная реальность. В общем, через пару недель жду предварительный план работы. Можешь обратиться за помощью к Колбасьеву, у него там осталось много знакомых.

Так вот, первой моей мыслью было – Миша где-то прокололся. Однако, слегка подумав, я сообразил, что инициатива Эдуарда связана, скорее всего, с недавним обострением в южной Африке, и даже хотел было известить Ламсдорфа, что согласен на встречу где-нибудь в Стокгольме или Копенгагене, но английский посол меня опередил, сообщив, что его королевское величество Эдуард Седьмой с благодарностью принимает мое приглашение. Значит, пора начинать готовиться к приему дорогого гостя. А как, если до меня новости из Претории доходят в лучшем случае с недельным опозданием? Нет, это не годится. Раз уж там нет нормального телеграфа, радио должно появиться как можно быстрее. Думаю, Вилли не откажет мне в такой мелочи, если обратиться прямо к нему. Хотя, конечно, опять начнет намекать, что господа из «Телефункен» не пожалеют никаких денег за секреты русской радиосвязи. Может, действительно, продать им лицензию на лампу-диод? Тем более что изобрел ее не я и не Колбасьев, а Эдисон, причем почти тридцать лет назад. Правда, где диод, там и триод, до него немцы вполне могут додуматься и сами. Но это когда еще будет, мы тоже все это время не собираемся стоять на месте. Значит, решено – учиняем бартер... нет, пожалуй, все-таки сделку с участием денег. Немцы нам – срочно две своих радиостанции в Преторию и одну в Сеул, а мы им – документацию на ламповый диод, причем недорого. Сколько именно это будет – надо прикинуть, чтобы не продешевить. А вообще, конечно, дело пахнет керосином. Ведь это я собирался подгадать вооруженный конфликт на юге Африки под начало войны с Японией! А тут, получается, все сделали сами англичане. И теперь осталось только понять – эта война означает скорое начало русско-японской или, наоборот, она будет отложена на неопределенное время?

Однако как бы там ни было с войной, настала пора вплотную заняться двумя давно назревшими вопросами. Первый из них – ликвидация

безграмотности, то есть, в идеале, всеобщее начальное образование. Вообще-то я уже издал на эту тему несколько указов, но дело пока шло очень даже так себе. Причем не только и даже не столько из-за косности и воровства чиновников, сколько из-за консервативности самих крестьян. Рабочие еще как-то отдавали своих детей в школы, да и сами иногда проявляли интерес к учебе, а вот на селе процесс шел со скрипом. Доплачивать, что ли, тем, у кого дети грамотные? Так ведь я тогда точно по миру пойду! И без того денег хронически не хватает.

Второй вопрос – выкупные платежи. Отменить их нужно до начала войны, ибо иметь в тылу нищую и возмущенную крестьянскую массу чревато, может повториться тысяча девятьсот пятый год другой истории. Но, с другой стороны, это же приведет к серьезной дыре в бюджете! Да и повод нужно придумать какой-нибудь. Чтоб, значит, государь император явил свою милость не просто так, а в связи с тем-то и тем-то.

Первым, с кем я решил посоветоваться на эту тему, был Владимир Ильич. И, что интересно, он сразу предложил вполне приемлемое решение сразу обоих вопросов. Я, честно говоря, опасался, что начнет агитировать меня за изъятие земли у помещиков и безвозмездную передачу ее крестьянам, но уж кем-кем, а идеалистом господин Ульянов никогда не был, так что он не стал тратить время на неосуществимые в теперешних условиях предложения.

– Александр Александрович, – усмехнулся Ильич, – вы же сами всегда выступали за постепенное, эволюционное движение по пути социального прогресса, а теперь вам почему-то захотелось устроить сразу две революции. Зачем те же выкупные платежи отменять сразу для всех? Не лучше ли будет начать с тех, кто достиг хоть каких-то успехов в обучении своих детей и сам хоть чего-достиг в смысле образования? Например, возьмем крестьянскую семью, в которой, скажем, десять человек старше десяти лет. Если среди них вообще нет грамотных, они платят выкупные платежи в полном объеме. Если грамотные все – не платят вовсе. А если читать, писать и считать умеют только трое детей, платежи уменьшаются на тридцать процентов.

– Так ведь это практически то же самое, что доплачивать крестьянам за грамотность их детей.

– Э, Александр Александрович, батенька – то же, да не совсем. В-первых, если доплачивать, то придется сразу закладывать несколько большие суммы, ибо что-то обязательно разворуют. А главное – ведь многие крестьяне выкупные платежи вообще не платят! Просто потому, что нечем. Особенно те семьи, где много маленьких детей. То есть ртов много,

а работников мало. И вы, освободив их от обязанности платить, на самом деле почти ничего не потеряете, а крестьяне вздохнут хоть немного свободнее. И, естественно, будут помнить, кому они всем этим обязаны, а ведь это тоже ваша цель, что бы вы ни говорили.

– Так я и не стану отпираться – да, такие соображения тоже присутствуют. Скажите лучше – вы сможете быстро подготовить проект соответствующего указа или мне поручить это кому-нибудь другому?

– Смогу, но только... как быть с авторством?

– Хм. Насколько я понял, вы хотите, чтобы инициатива отмены платежей исходила якобы от РСДРП, а привязка к количеству грамотных – от меня?

– Э-э... да.

– Двести тысяч.

– Ч-чего?

– Рублей, естественно. Из тех денег, что вы уже начали получать за отмену черты оседлости. Таковую сумму ваша партия вложит в развитие народного образования, и после этого может хоть на каждом перекрестке вопить о том, что это именно она первой предложила отмену выкупных платежей и смогла убедить императора в необходимости такого шага. Я возражать не буду.

– Не боитесь потерять какую-то часть своей популярности?

– Нет, потому что рабочих данная мера вообще не коснется, а девяносто процентов крестьян ничего про РСДРП не знают и знать не хотят.

– К сожалению, вы правы. Даже, пожалуй, тут не девяносто процентов, а все девяносто девять. Явно настала пора поднять вопрос о работе с крестьянством на очередном съезде партии.

– Так поднимайте! И, кстати, не желаете ли пригласить на съезд меня? Разумеется, инкогнито.

Ну да, в прошлой жизни я не только ни разу не присутствовал на съезде КПСС, но даже от просмотра этих торжественных соборщ по телевизору всячески увиливал. Однако почему бы в новой жизни не восполнить такой серьезный пробел? Будет потом о чем вспомнить. Да, и в цирк сходить не забыть! А то ведь в нем бывал только Сан Саныч Смолянинов, а Алик Романов – ни разу.

Вскоре у меня появились первые достоверные сведения о начале и дальнейшем ходе боевых действий в Южной Африке.

Буры уже давно рвались послать англичан куда подальше и отменить

даже те урезанные права, которые они все-таки вынуждены были предоставить уитлендерам, то есть иностранным золотодобытчикам. Кстати, их возмущение носило явно искусственный характер – во всяком случае, моей компании имеющихся прав вполне хватало. Налог на добычу золота, за уменьшение которого столь яростно боролись англичане, вообще составлял пять процентов! Да Британия только на подготовку военных действий истратила раз в двадцать больше, чем должны были заплатить уитлендеры в следующие десять лет.

Вот ввозные пошлины – да, они были довольно высокими, доходя до пятидесяти процентов. Но, с другой стороны, их было совсем нетрудно уменьшить. Достаточно было ввезти в Трансвааль современное оружие и продать его – между прочим, с неплохой прибылью – как ввоз товаров на вдвое большую сумму становился беспошлинным. Однако такой простой метод англичан почему-то не удовлетворил. Наверное, потому, что они пытались всучить бурам винтовки Пибоди-Мартини – нечто вроде нашей берданки, только еще более древнее. И какие-то допотопные пушки – хоть и нарезные, но заряжающиеся с дула. Естественно, буры, получающие из Германии винтовки Маузер-98 и полевые гаубицы Круппа, а из России – пулеметы Мосина и пистолеты-пулеметы МРВ, такое убожество современным оружием считать отказывались, вследствие чего освобождение от пошлин англичанам не светило. Будучи таковым положением дел возмущены, они, собрав достаточно сил, заявили, что буры, не являясь суверенной державой, нарушают то-то и то-то из договора от тысяча восемьсот восемьдесят третьего года. В Претории, тоже решив, что оружия накоплено достаточно, поставили англичан в известность, что они, как и Оранжевая республика, никакого сюзеренитета Великобритании не признают и просят ее отвести войска от границ. Если же данная просьба не будет удовлетворена, то обе республики посчитают это объявлением войны и оставляют за собой полную свободу действий.

А дальше обе стороны решили нанести противнику упреждающий удар. Но, так как англичане были более организованны, то они двигались быстрее, и столкновение армий произошло уже после того, как англы километров на пять продвинулись вглубь бурской территории.

Англичан было больше, двадцать восемь тысяч против девятнадцати у бурского генерала Кронье, но они были хуже вооружены, да и стрелять умели весьма посредственно. И, как следствие, сосредоточенного огня буров они не выдержали и побежали. Кронье перешел границу и, сходу взяв городок Мафекинг, продолжил движение, явно собираясь атаковать Кимберли.

Почесав в затылке, я дал отмашку началу кампании в прессе в поддержку буров. Мол, мирные потомки голландских переселенцев потихоньку пахали землю и молились богу, ни о чем более не помышляя и никого не трогая, но тут понабежали алчные англичане, перекопали полстраны в поисках золота, а теперь вообще решили установить там свои законы силой оружия. Как уже было заранее обговорено, в Трансвааль срочно выехал Немирович-Данченко. Не тот, имени которого театр, а его брат Василий Иванович, известный писатель и журналист. Пожалуй, недели через две можно будет объявлять набор добровольцев, желающих помочь бурам в их борьбе за свободу.

В общем, подготовка к визиту английского короля шла полным ходом – даже, пожалуй, несколько активней, чем это поначалу задумывалось. Ну да ничего, каши маслом не испортишь.

Глава 11

А жизнь тем временем текла своим чередом, и однажды Рогачев скорбным голосом сообщил, что с выполнением одного моего поручения возникли определенные трудности.

– Это ты про что? – без особого интереса спросил я, ибо про действительно важные вещи он таким тоном не докладывал.

– Про твою сестру, а точнее, про пару для нее. В сторону доктора Боткина она и смотреть не хочет, зато сама нашла какого-то корнета. Лейб-гвардии Кирасирского полка корнет Николай Куликовский. Недавно с отличием закончил Николаевское кавалерийское училище. По службе замечаний не имеет, в пьянстве и хождении по бабам не замечен, собой красив и статен.

Ага, начал припоминать я, это не тот ли кавалерист, за которого Ольга в конце концов вышла замуж в другой истории? Только поздно, не то после революции, не то незадолго до нее. Если так, то это ее судьба, и не мне ее ломать. Но выдавать императорскую сестру за какого-то корнета, причем тогда, когда скандал с женитьбой великого князя Сергея на Малечке еще не улегся? Не поймут-с. Значит, что? Надо к этому корнету присмотреться и, если он окажется перспективным кадром, в темпе начать его двигать вверх. Причем так, чтобы всем, в том числе и ему, казалось, что резким взлетом он обязан исключительно своему таланту и прилежанию, ну и совсем немного везению.

– Ладно, корнет так корнет, Боткину еще кого-нибудь найдем. А может, он и сам сподобится. Значит, ты пока собери более подробные сведения об этом Куликовском и через пару недель доложи мне.

– Есть, – кивнул Рогачев.

На всякий случай я дал такое же задание и Рите – мало ли, вдруг от Михаила что-нибудь ускользнет. Кроме того, она наверняка сможет точнее узнать, насколько глубоко чувства моей сестры – и есть ли они вообще.

Ничего хоть сколько-нибудь неожиданного мне не накопили ни Михаил, ни Рита. Ольга явно неровно дышит к корнету, а он в ее присутствии вообще ничего, кроме объекта своего обожания, не видит. Естественно, отношения у них возвышенно-платонические, это вам не Малечка с Сержем.

– Они, кажется, даже еще не целовались, – уточнила Рита. – А вообще, как мне девочки сказали, наблюдать за такими – одно удовольствие. Филера

они могут заметить, если только на него случайно наступят.

– А в полку как его чувствам относятся?

– Большинство жалеет, некоторые злорадствуют. И все пытаются угадать, где он будет в ближайшее же время продолжать службу – на Сахалине или в Петропавловской гавани на Камчатке?

– Придется мне разочаровать и тех, и других. Сможешь его пригласить в Гатчину, чтобы об этом не узнали в полку?

– Станный вопрос, ты не находишь?

– Не странный, а просто риторический. В общем, послезавтра утром я его жду.

Корнет, мягко говоря, на встрече со мной изрядно волновался. Он, конечно, старался этого не показывать, но получалось у него плохо. Впрочем, Ольге, которая ждала результатов нашей беседы на первом этаже, хоть сколько-нибудь спокойный вид удавался еще хуже. Мне уже доложили, что она места себе не находит.

– Николай, будьте добры, расскажите, какие чувства вы испытываете к моей сестре? – предложил я.

– Ваше императорское величество, я ее люблю!

– М-да... и давно это у вас?

– Мы познакомились тридцать два дня назад. Но полюбил я ее сразу, как только увидел. Вы мне не верите?

– Почему же, – вздохнул я. – Такое бывает.

Ага, помнится, как раз такое случилось с великим князем Аликом пятнадцать лет назад. Увидел он тогда Марину Некрасову и уже секунд через пятнадцать ни о чем, кроме нее, думать не мог. Даже сейчас, хоть мне идет уже четвертый десяток, пульс подскочил ударов до ста в минуту, когда я впервые после многолетней разлуки с ней встретился.

– Да, такое бывает, – повторил я. – Надеюсь, ваши намерения достаточно серьезны?

– Ваше величество, мы...

– Корнет, неужели трудно прямо ответить на такой простой вопрос?

– Да, ваше императорское величество.

– Однако вы, думаю, понимаете, что я не могу просто так разрешить брак сестры императора с простым корнетом? И если да, то какой из этого следует вывод?

– Ваше величество, мы надеемся, что когда-нибудь, пусть и нескоро, вы убедитесь в искренности и глубине наших чувств, и явите...

– Вы меня разочаровываете, корнет. Единственное, что вас извиняет –

это то, что от любви и не такие люди катастрофически глупели (это, если кто не понял, я вспомнил себя в молодости, причем не только во второй, но и в первой тоже). Вам озвучено простое условие – свадьба корнета и императорской сестры невозможна. Что должно произойти, чтобы она все-таки смогла состояться? Либо сестра должна перестать быть сестрой, либо корнет должен перестать быть корнетом. Первый вариант меня категорически не устраивает, и, значит, остается только второй. Вам все понятно?

– Так точно, ваше...

– Ох, да что же вы так орете-то? У меня пока еще нормальный слух. Так вот, если хотите стать достойным Ольги, вам придется сделать быструю карьеру. Причем без моей протекции, максимум, на что я согласен – это дать вам совет. Давать?

– Слушаю, ваше величество.

– Единственный род войск, где сейчас возможен быстрый карьерный рост – это военно-воздушный флот. Причем для этого служить надо не в наземном, а в летном составе. Если вы согласны, то вот вам бланк рапорта с просьбой о переводе в ведомство великого князя Александра Михайловича. Заполняйте прямо сейчас, коли не передумали.

– Ваше величество, я...

– Да вы пишите, пишите, а то там Ольга внизу уже вся извелась. Подпись тут и тут, и еще здесь дату поставьте. Готово? Давайте рапорт и идите успокаивать свою ненаглядную, пока она от волнения не разревелась прямо в приемной.

Я вполне сознательно собирался отправить Куликовского не в летную школу в Бежецке, а в Залесье, под команду Сандро, то есть в публичный воздушный флот. Дело было в том, что он, с моей точки зрения, нуждался в героях. Ведь ерунда же получается – авиация есть, а героев-авиаторов нет! Вообще-то, конечно, они есть, но их героизм проходит под грифами «секретно» или даже «совершенно секретно».

Поначалу я думал, что отважным героем, коего можно будет выставить на всеобщее обозрение, станет Сандро, но он как-то туда не очень рвался. Да, летать мой двоюродный дядя научился, но полетами не злоупотреблял, сосредоточившись на административных делах. А если летал, то даже повороты проходил блинчиком, а хоть как-нибудь фигурять даже не пытался. И пилоты в Залесском авиаотряде были ему под стать, ибо всех перспективных я забрал в Тверь, в Бежецк и на Урал.

Потом я решил, что героем станет братец Жоржи, но тут, похоже,

образовался еще один кандидат. Ну и ладушки, два героя – это даже лучше, чем один.

Однако практически сразу возник вопрос – а как будет учиться бывший корнет, а ныне прапорщик Куликовский? Если как все, то есть сначала на дельтаплане, а потом на учебном паровом самолете Можайского, то это будет долго и, скажем прямо, не очень эффективно. Ведь тяжелый двухмоторный летающий паровоз требует совсем иных навыков управления, нежели маленький и легкий дельтаплан.

То есть лучше бы учиться летать сразу на самолете, но тут было одно «но». Этот самый самолет, хоть и назывался учебным, был очень строг в управлении. Пока курсант летает с инструктором, еще ничего, но риск разбиться если не в первом, то во втором-третьем самостоятельном полете не так уж мал. Однако Куликовскому надо спешить, так что пусть рискует. В конце концов, он хочет жениться не на купчихе и даже не на балерине! Значит, решено – он пройдет обучение на самолете М-2У по индивидуальной программе.

В середине августа Российскую империю почтили своим присутствием оба английских величества – король Эдуард Седьмой и королева Александра Датская – родная сестра моей матери.

Вообще-то визит планировался на начало июля, но у короля вдруг воспалился аппендикс и потребовалась срочная операция, так что наша встреча отложилась на месяц. Кроме того, теперь Эдуард приехал с женой, чего поначалу не предусматривалось. Я думаю, дело было не столько в том, что Александра хотела повидаться с сестрой, сколько в особенностях характера его величества. К его постоянным изменам Александра уже привыкла, но ведь этот бабник мог пуститься во все тяжкие, толком не оправившись после операции! Благо уж кого-кого, а привлекательных и готовых на все дам в высшем свете Питера всегда хватало. Вот, наверное, королева и надеялась, что ее присутствие в какой-то мере удержит короля от опасных телодвижений.

Пока Эдуард болел, генерал Кронье нанес англичанам еще одно поражение, после чего осадил Кимберли и со дня на день должен был его взять, предварительно полностью разрушив артиллерийским огнем. Ведь у него сейчас было не три десятка разномастных пушек, как в иной истории, а почти полтора десятка прекрасных гаубиц Круппа.

А с другой стороны девятитысячная армия де ла Рея, наступая на юго-восток, обошла Ледисмит, оставив небольшой отряд для его осады, и быстро продвигалась по провинции Наталь. Если де ла Рею удастся

захватить Дурбан, то у буров появится выход к морю с нормально оборудованным портом. Эх, почему же папаша Крюгер, президент Трансвааля, упрямством и умственными данными более похож на ишака, чем на полководца! Де ла Рею надо было подчинить основные силы, а вовсе не чрезмерно осторожному Кронье, и сделать восточное направление главным, а западное – отвлекающим, а не наоборот, как сейчас. А то ведь у них скоро подойдут к концу снаряды, и как их прикажете туда доставлять? Главное, ведь именно так советовал Крюгеру Максимов, но его советы были проигнорированы.

Впрочем, англичанам и того, что получилось, было вполне достаточно – вон как Эдуард поспешил в Россию, даже до конца не долечившись! Ничего, у меня найдется что предложить дорогому Берти, который, кажется, приходится мне сколько-то юродным дядей.

Высокие гости разместились в резиденции моей маман – Аничковом дворце, и мне тоже пришлось на все четыре дня визита перебраться туда, чтобы не ездить каждый день из Гатчины в Питер и обратно.

Наша беседа (тет-а-тет, естественно) с королем началась с того, что поведал мне, сколь рад возобновлению личного знакомства с таким выдающимся государственным деятелем, как я, к тому же сильно возмужавшим за то время, что мы не виделись. И предложил общаться без церемоний, напомнив, что близкие зовут его Берти. В английском языке разделения обращений на «ты» и «вы» нет, но по смыслу это было приглашение именно к переходу на «ты».

– А меня – Алик, – кивнул я. – Рад, дорогой дядя, что ухудшение твоего здоровья оказалось временным, и надеюсь, что это далеко не последняя наша встреча.

Потом я подумал, что надо бы как-то вернуть комплимент про мое возмужание, и сообщил королю, что у него со времен нашей первой встречи прибавилось солидности. Что да, то да – брюхо у дорогого Берти выросло довольно заметно. Ну, а после обмена любезностями мы перешли к делу.

– Я, конечно, понимаю твои деловые интересы, – начал король, – но неужели тебе не жалко английских солдат, которых убивают русские пулеметы?

– Жалко, – не стал отпираться я, – но и моих денег мне жалко не меньше. Наверное, ты в курсе, что я предоставил бурам довольно большой кредит на покупку вооружения. И кто мне вернет мои деньги, если Трансвааль потерпит поражение?

– Так это вполне решаемый вопрос! – обрадовался Эдуард, после чего мы минут сорок оживленно торговались. Консенсус выглядел так: я вместо оружия поставляю бурам оборудование и сырье на те же деньги, а Берти поспособствует мне в получении льготного связанного кредита на постройку еще одного ледокола в Англии. Правда, король не стал уточнить, какого рода оборудование и сырье будет поставляться, а зря. Дело в том, что под сырьем я подразумевал очищенный хлопок, а оборудование пригодится бурам для производства из него пироксилина. Ну, а оружие и боеприпасы в Трансвааль неплохо сможет поставлять и Вилли.

Кроме того, Эдуард обещал, что в случае победы англичан для моей компании ставка налогообложения не изменится. Как будто я такой дурак, чтобы ему поверить! Кроме того, удушить чужую компанию можно и не обязательно налогами. Однако такое заявление, будучи обнародовано, наверняка поднимет цену африканского отделения Русско-Американской геолого-технической компании, которое я вообще-то собирался в скором времени продать. Ибо совершенно не верил в победу буров. Да, они попортят англичанам немало крови, но в конце концов обязательно проиграют, слишком уж высоки ставки. Это не первая англо-бурская война двадцатилетней давности, когда про золото южной Африки никто не знал, отчего обе тамошние республики были по большому счету нафиг никому не нужны.

И я, значит, собирался, когда неизбежность поражения дойдет до буров, предложить им за мой счет переселиться в Манчжурию, но с одним условием. Перед этим они должны будут взорвать (для этого и понадобится пироксилин) к чертям все, имеющее отношение к золотодобыче, в том числе и принадлежащее моей компании. Правда, это в последнюю очередь, то есть сразу после того, как я ее продам. Пусть американцы радуются – какие, оказывается, красивые развалины они купили за весьма немалые деньги. Ну и, естественно, делятся своими эмоциями с англичанами, ибо они здесь хозяева.

После достижения хоть какого-то консенсуса по южноафриканскому вопросу Эдуард пожаловался, что постоянное наращивание численности нашей туркестанской группы войск вызывает определенное беспокойство в английских правящих кругах.

– Нет, я, конечно, понимаю, что ты не собираешься наносить удар по Индии, но ведь не все так думают! – заливался соловьем миротворец Берти. Кстати, понимал он ситуацию почти правильно – у меня действительно не было и мысли лезть в такое осиное гнездо, как Афганистан, а ведь посуху в

Индию придется топать именно через него. Нет уж, англы один раз там уже неплохо огребли, пусть, если им нейдет, снова лезут. Или американцы со временем подтянутся, а мы лучше ограничимся оказанием помощи братскому афганскому народу. Что же касается беспокойства – так войска в Туркестан для того и направлялись, чтобы его вызывать! А теперь, значит, я могу дать себя уговорить на их частичную передислокацию оттуда. Не задаром, естественно, так далеко мое миролюбие не заходит. Пусть Берти каким-нибудь образом слегка раскошелится, и я начну потихоньку перекидывать части под Хабаровск, как изначально и задумывалось.

В общем, встреча, как говорится, завершилась к взаимному удовлетворению высоких договаривающихся сторон.

Глава 12

Еще с прошлой жизни я помнил, что на заре становления российской военной авиации значительная часть пилотов была выходцами из кавалерии. Уже став Аликом Романовым и в соответствии с изменившимся статусом научившись ездить на лошади, я понял, что общее в управлении ей и примитивным летательным аппаратом действительно есть. И там, и там свое пространственное положения надо чувствовать пятой точкой. А если она к тому умеет предугадывать неприятности, то такая способность ей только в плюс. Но эти знания оставались теорией, потому как первыми пилотами были мы с Ники, а потом их численность начала расти за счет сначала офицеров, а потом и нижних чинов особого воздухоплавательного отряда. По мере увеличения числа летательных аппаратов кадры начали подбираться среди выпускников Михайловского артиллерийского училища. Ну и иногда вообще чисто случайным образом.

Однако первым летчиком с кавалерийским прошлым стал Куликовский. И получилось у него очень и очень неплохо. Не сказать, чтобы он демонстрировал совсем уж невозможные успехи, но отучился все-таки довольно успешно и быстро почти до самого конца курса. И только тогда я понял, из-за чего в другой истории кавалеристы массово ломались в авиацию. Просто потому, что среди артиллеристов или выпускников реальных училищ такие безбашенные встречаются гораздо реже!

За несколько дней до окончания курса обучения Куликовский совершал обычный полет по программе отработки виражей, и вдруг сорвался в штопор.

Надо сказать, что, в отличие от того же У-2, М-2У мог довольно легко сорваться в штопор, зато выходил из него весьма неохотно. В общем, это был тот еще «учебный» самолет, пригодный разве что на экспорт, и в Залесье два таких сохранились только потому, что они неожиданно оказались довольно надежными машинами и никак не желали не только разваливаться от старости, но даже и подозрений в таких желаниях не вызывали.

Так вот, Куликовский сорвался в штопор. Причем почти никто не верил, что это получилось случайно.

Во-первых, за его полетом внимательно наблюдали с земли.

Во-вторых, Куликовский начал отрабатывать виражи на высоте два километра, тогда как в полетном задании было написано «тысяча двести метров». То есть он заранее знал, что ему понадобится запас высоты.

В-третьих, Ольгин ухажер за две недели до этого полета начал интересоваться, почему М-2У столь склонен к сваливанию в штопор и не склонен к выходу из него, приставая с вопросами чуть ли не ко всем, с кем встречался на аэродроме.

И, наконец, дежурный наблюдатель утверждал, что пилот перед сваливанием почти наверняка двинул на себя и ручку управления, и оба РУДа, что однозначно говорило о заранее обдуманном намерении.

О том же самом говорили и совершенно правильные дальнейшие действия Куликовского. Он дал максимальный пар на оба движка, до предела отжал ручку и вывернул руль поворота в противоположную вращению сторону. Самолет опустил нос, штопор постепенно перешел в крутую спираль, а она – в пикирование, из которого курсант почти благополучно вывел машину на высоте около четырехсот метров. Почти – потому, что летающий паровоз Можайского был совершенно не предназначен для пикирования. Ни покойному Александру Федоровичу, ни мне даже в голову не приходило, что какой-то альтернативно одаренный индивидуум додумается загнать его в такой режим.

В общем, дальнейшее было закономерно – от сильнейшего встречного потока воздуха оба винта раскрутились настолько, что правый двигатель развалился еще в воздухе, а левый мог развить от силы треть номинальной мощности. Куликовский совершил вынужденную посадку в паре километров от аэродрома и сломал шасси. Правый мотор восстановлению не подлежал, левый – может, и подлежал, но явно того не стоил.

Узнав об этих художествах Ольгиного воздыхателя, я велел немедленно представить его пред мои светлые очи.

– Вредительством занимаетесь, господин прапорщик? – насколько мог грозно спросил я. – Такой хороший был аэроплан! Ему бы еще летать да летать...

– Никак нет, ваше величество, не вредительством! Мне показалось, что отсутствие отработанной методики вывода М-2У из штопора может в будущем привести к жертвам! Ведь на войне возможно все, а я имею честь служить в Военно-воздушном флоте.

– На войне, говорите? Хм... значит, так. За воздушное хулиганство назначаю вам трое суток гауптвахты, и то потому, что не стали врать, будто сорвались в штопор случайно. Кстати, вы поняли, какую ошибку совершили при выводе?

– Так точно! Убирать давление пара до минимума следовало не при выходе из пикирования, а сразу после того, как машина из штопора перешла в спираль!

– Ну хоть что-то, хотя я на вашем месте вообще дал бы контрпар, однако продолжим. Мне почему-то кажется, что, пока вы будете сидеть, вас наверняка обуяет сочувствие к справедливой борьбе буров за свою свободу. Вы хоть знаете, кто это такие?

– Э-э-э...

– Понятно. Подозреваю, что в камере случайно найдется брошюрка о положении дел в Южной Африке. Вы ее прочтете и решите записаться в добровольцы. Запись производится на Гороховой улице, номер дома узнаете сами, это нетрудно. Но поедете вы помогать бурам не с пустыми руками, а выкупив за свои деньги оставшийся М-2У и тот, который вы расколотили – на запчасти. И пару дельтапланов с запасными моторами.

– Ваше величество, но у меня нет таких денег!

– Вы их выиграете в карты. Сразу после вашего освобождения к вам подойдет пехотный капитан, с ним и сыграете.

– Ваше...

– Не волнуйтесь, вы обязательно выиграете.

– Ваше величество, я же не умею играть!

– Ничего, капитан заодно и научит, это недолго. И поедете вы в Трансвааль, пожалуй, не один. Подговорите двух-трех механиков из авиаотряда и, наверное, еще двоих на роль пилотов дельтапланов. Не обязательно из летного состава, можно и кавалеристов, потому что летать на дельтаплане можно научить любого максимум за две недели. Все понятно? Тогда желаю вам с пользой посидеть и подумать. И заодно вспомнить английский язык, который вы вроде изучали, пригодится.

К сожалению, императорские обязанности даже и близко не исчерпывались авиационными делами. Приходилось заниматься и куда менее приятными вещами – например, делать вид, что я начал разбираться с тем, что за время моего вояжа на Дальний Восток наворотил в русско-французских отношениях господин Витте. Именно делать вид, потому как досконально разобрались в этом более квалифицированные люди, чем я, и они же должны были скоро предоставить мне повод возмущенно заявить что-нибудь вроде «я же ничего такого не повелевал, что это за неуместная самодеятельность, уволить мерзавца!». Да, Витте уже явно слегка пересидел в министрах финансов. Жалко, специалист-то он отличный, организатор тоже, но вот только служит он не России и даже не мне, а

крупному банковскому капиталу, причем верно и, я бы даже сказал, беззаветно. Так что поспособствовал Сергей Юльевич получению займа во Франции, и хватит с него. Хотя, конечно, было бы неплохо занять еще в Англии, но с это, пожалуй, лучше поручить другим людям. И после того, как закончится Англо-бурская война.

Тут, конечно, некоторые могут удивиться. С какой это стати я вдруг решил влезть в долги, хотя раньше сам же этого всячески избегал? Ответ будет прост – долги долгам рознь. Бывают такие, которые обязательно придется так или иначе отдавать, а бывают такие, которые, скорее всего, отдавать не придется. Во всяком случае полностью. Дело было в том, что к лету тысяча девятьсот второго года я убедился – мировая война неизбежна. И теперь представим себе, что Россия должна Германии, Англии и Франции. Так вот, ситуация, когда в грядущей войне все эти страны будут нашими союзниками, совершенно невозможна. С кем же тогда воевать-то? Кто-то обязательно окажется противником, а его надо множить на ноль, а вовсе не отдавать ему долги. Кстати, эти же соображения можно распространить и на иностранные предприятия в России. Сейчас их столько, что при любом раскладе часть окажется принадлежащей нашим противникам, и, значит, для их конфискации все должно быть готово заранее.

На этом фоне отправка нескольких человек и трех летательных аппаратов в Трансвааль выглядела сущей мелочью, этакой разминкой для ума. Возможно, ее следовало оформить несколько менее оригинально, но и так тоже допустимо. В конце концов, разминаться так разминаться!

Никакого особенно ценного опыта применения всей этой техники я не ожидал. Действительно, что может сделать самолет с грузоподъемностью, помимо двух пилотов и запаса топлива, всего в пятьдесят килограммов? Бомбы он бросать не способен, на нем нет бомбодержателей, и никто из отправляющихся с ним людей не имеет понятия, что это такое. Самих бомб, кстати, тоже нет. Даже гранаты – и те отсутствуют! Правда, Куликовский уже интересовался, нельзя ли, кроме всего прочего, взять с собой парутройку пулеметов Мосина с запасом патронов. И конструкция самолета таким мыслям способствовала – курсант и инструктор в нем сидели не друг за другом, а рядом. И бойкий прапорщик, значит, хотел, чтобы с ним летал летчик-наблюдатель, вооруженный курсовым пулеметом на турели. Благо спереди никакого винта нет, они оба на крыльях, причем сзади, так что сектор обстрела ничто перекрывать не будет. Я не стал препятствовать и даже велел во время очередного сеанса связи с Немировичем-Данченко

посоветовать ему не пропустить действия русских авиаторов в Трансваале – в конце концов, героя, за которого я разрешу выйти замуж своей сестре, нужно начинать пиарить заранее. Ну, а насчет пулеметов... по пехоте из одного пулемета много не настреляешь, так что пусть берет, тем более что паровой самолет даже на экономической скорости может держаться в воздухе всего тридцать пять минут, а на максимальной – и вовсе двадцать. По этой же причине использование его в качестве разведчика было довольно проблематично.

Дельтапланы, правда, могли летать два часа, а то и немного больше, если пилот легкий, то есть разведка им вполне по силам. А все остальное – нет, туда не то что пулемет, даже самый плохонький автомат не установишь. Потому что некуда.

В общем, я надеялся, что серьезный доклад, написанный по результатам первого применения авиации в боевых условиях, окажется умеренно пессимистичным. Что мне, собственно, и требовалось. Ага... вот только несколько позже выяснилось, что я недооценил – на что, оказывается, может быть способен авантюрист и сорвиголова, к тому же изнывающий от большой и чистой любви. Впрочем, во всем этом мне предстояло убедиться только будущем тысяча девятьсот третьем году, до наступления которого оставалось еще два месяца.

Но в целом авиацию, к моему сожалению, пока приходилось развивать по остаточному принципу. Львиную долю денег, которые получилось выделить на прогресс в области вооружений, съедали подводные лодки. Интересно, это они только у меня получают такие дорогие или у всех так? Правда, изделия Холланда стоят не так чтобы совсем уж дорого, но их к приемлемым подводным лодкам отнести трудно. Так, что-то ныряющее, причем не очень хорошо. Но у англичан даже такие вызывают беспокойство!

Кстати, вот еще одно соображение, объясняющее временный приоритет подводного флота над авиацией. У России есть четыре вероятных противника, обладающих достаточной силой – это Англия, Штаты, Япония и Германия. Да, и Германия тоже – помрет, например, Вильгельм (или ему помогут), и мало ли, куда развернется вектор немецкой внешней политики. Остальные – это либо не серьезные противники, либо невероятные. Так вот, против первых двух современная авиация и даже ее следующее поколение пока совершенно бесполезна – не достать. А вот подводные лодки могут нанести такому противнику заметный урон. С Японией и Германией все не столь очевидно, тут и самолеты могут

пригодиться, но ведь и подводные лодки тоже. Эх, жалко, что не получится сделать летающую субмарину для объединения достоинств того и другого! Или хотя бы ныряющий самолет. Хотя, может, попробовать организовать утечку о начале разработки чего-то подобного?

Примерно с такими мыслями я читал отчет о недавно закончившемся испытательном походе лодки М-2 (Малютка-вторая) на предельную автономность. Ну, скажем прямо, не совсем походе, лодка почти восемь суток болталась по Ладоге, не удаляясь от базы неподалеку от Кексгольма более чем на пятнадцать миль. В основном она это делала на перископной глубине, раз в сутки сначала погружаясь полностью на час-полтора, а потом всплывая в надводное положение примерно на то же время. Такой режим был выбран по инициативе одного из создателей лодки, Щенсновича, утверждавшего, что для его детища это возможно. И, дабы никто не усомнился, он сам пошел в этот испытательный поход.

В последний день были проведены учебные стрельбы обеими имеющимися у лодки торпедами. Что меня удивило, одна даже попала в старую баржу, используемую в качестве мишени, причем с дистанции в четыре кабельтова, то есть немного больше семисот метров.

Однако экипаж таким походом был измучен до самой крайности. Люди сошли на берег так, будто не курсировали неделю с небольшим неподалеку от базы, а как минимум полгода работали на орбитальной станции. Они даже передвигались поначалу как-то боком. Трех сразу пришлось отправить в госпиталь, да и оставшиеся здоровыми не казались. Щенснович от госпитализации категорически отказался, хотя выглядел простуженным. Не знаю, как оригинальная «Малютка», но наша получилась очень тесной и с обитаемостью, которую экипаж оценил в диапазоне от «не очень хорошей» (командир лодки капитан первого ранга Щенснович) до «отвратительной» (почти все остальные) и даже «невыносимой» (кок).

В нашей первой субмарине было чрезвычайно тесно, на тридцать человек экипажа нашлось место только на пятнадцать подвесных коек, так что спать приходилось по очереди. Вентиляция работала не очень хорошо даже в надводном положении, а под шноркелем – и вовсе безобразно. Вонь в лодке под конец стояла просто адская. Да и с очисткой воздуха от углекислоты тоже было весьма так себе. В общем, ходить в недельные подводные походы она, наверное, сможет. Если не будет совсем никакого другого выхода, и экипаж придется послать на этакий беспримерный подвиг. А во всех остальных случаях лучше двигаться в надводном положении, погружаясь только перед атакой и для того, чтобы уйти после

нее.

Все это было, разумеется, нужно, но в отсутствие понимания главного – не являлось самым важным. Главным же (и неясным) для меня по-прежнему оставался вопрос – когда же начнется война? И кто, хотелось бы знать, будет в ней участвовать? И против кого, что тоже не пустяк.

Глава 13

Небольшая команда русских добровольцев, возглавляемая младшим лейтенантом Куликовским (это звание получил одновременно с пилотским свидетельством и разрешением на отпуск по семейным обстоятельствам), прибыла в Преторию-Филадельфию в начале января тысяча девятьсот третьего года, в самый разгар здешнего лета. Уже третьи сутки подряд шел проливной дождь, но было не прохладно, а жарко и даже душно, однако русские уже знали, что для здешних мест это нормальное явление. Лето тут действительно жаркое и дождливое, а зима чуть прохладней, примерно как лето в Питере, но зато дождей зимой практически не бывает.

Добровольцы привезли с собой не только самолет М-2У с большим количеством запчастей к нему и два дельтаплана, но и полторы тонны керосина, тонну авиационного бензина и триста пятьдесят литров касторового масла. Русский военный атташе в Трансваале генерал Максимов обещал, что керосин тут найдется, а вот с бензином ничего не получится, его никто продать не может. Однако бывший студент Лев Балахов, ныне механик по обслуживанию дельтапланов, сказал, что их моторы после перенастройки карбюраторов смогут работать и на спирту, и единственное, чему нет замены – это касторовое масло, отчего его и привезли так много.

Помимо всего перечисленного, в объемном и тяжелом багаже группы добровольцев были три тепловых воздушных шара. Их запросил у Петербурга Максимов, ибо у англичан один уже появился и довольно успешно использовался для корректировки артиллерийского огня. И в связи с этим звезда балета Матильда Романова, бывшая Кшесинская, вдруг прониклась сочувствием к бурам и пожертвовала на покупку шаров больше половины своего гонорара за бенефис в Мариинке. Куликовский был уверен, что вспышке чувств балерины предшествовал разговор с его императорским величеством, но считал, что так и должно быть. Ей, в конце концов, дали разрешение выйти замуж не за кого-нибудь, а за великого князя, двоюродного дядю императора! Так пусть теперь отрабатывает, небось это у нее не последний бенефис.

Он же, Николай Куликовский, здесь в первую очередь как русский офицер, для которого честь и присяга – не пустые слова. Хотя, конечно, есть и еще причина, имя которой – Ольга. Ну и какое-то сочувствие к бурам, на которых, оказывается, вероломно напали англичане, тоже

имеется. Но слабенькое, больно уж те, с которыми успели познакомиться русские, были несимпатичными, да и мыться они, судя по запаху, тоже не очень любили.

На четвертый день после прибытия в столицу Куликовского принял сам президент, Пауль Крюгер. Был он седым, обрюзгшим, спесивым и с невразумительным подобием бороды на физиономии, зато с несколькими лентами на пузе и десятком каких-то незнакомых Николаю орденов на нем же. В общем, по сравнению с его величеством Александром Четвертым просто какой-то провинциальный клоун, мысленно усмехнулся Куликовский, выслушивая не очень связную речь на неважном английском про братство русского и трансваальского народов. Но, наконец, папаша Крюгер (так его здесь все звали) закруглился и сказал, что предлагает добровольцам отправиться к Кимберли, где воюет доблестный генерал Кронье. Так как это полностью соответствовало приказу генерала Максимова, то Николай поблагодарил его превосходительство президента за оказанное доверие, на чем прием был благополучно завершен.

Генерал Кронье так и не смог с ходу взять Кимберли, как, впрочем, и предполагали почти все, знающие обстановку и его лично. Слишком у осторожен был генерал, у него не получилось даже блокировать город. И сейчас война на западном фронте явно переходила в позиционную фазу, в отличие от юго-востока, где де ла Рей уже взял Дурбан и теперь пытался выдавить англичан подальше на юг, чтобы портом можно было пользоваться без опасения его внезапно потерять.

Ну, а под Кимберли обе стороны укреплялись, однако по-разному. Англичане строили люнеты, реданы и даже редуты, а буры рыли окопы. Практика уже начала показывать, что в условиях применения противником интенсивного артиллерийского огня бурские укрепления предпочтительней, но армейский консерватизм победить трудно, и пока англичане в землю не зарывались, из-за чего несли не такие уж малые потери от крупновских гаубиц трансваальцев.

В тактическом плане генерал Кронье был прав – избранная им оборона без попыток контрнаступления способствовала максимальным потерям у англичан и минимальным – у буров, но стратегически это означало утерю инициативы, что в конце концов могло привести обе южноафриканские республики к поражению. Это понимал не только Максимов, но даже Куликовский, а вот папаша Крюгер – нет.

Для борьбы с бурской артиллерией, наносящей им чувствительные

потери, англичане начали применять корректировку огня своих пушек с помощью воздушного шара, и военный атташе поставил команде авиаторов и воздухоплавателей две задачи:

- Первая – прекратить или как минимум затруднить воздушную разведку англичан.

- Вторая – организовать свою собственную, причем желательно более эффективную, чем у противника.

Ну, со своей все ясно – первым делом надо обеспечить регулярные подъемы одного, а лучше даже двух аэростатов, плюс обеспечить им телефонную связь с артиллеристами. А вот как прекратить полеты англичан? Буры уже пытались обстреливать их шрапнельными снарядами, но получалось плохо. Один раз удалось заставить шар спуститься раньше времени – видимо, у него появились пробоины. Но на следующий день их заделали, и шар начал подниматься снова.

Николай сходил на передовую и в мощный бинокль внимательно разглядел шар, болтающийся примерно в пяти километрах от линии фронта на высоте метров четырехсот. А ведь аэростат-то, похоже, водородный, а не тепловой, как у нас, удовлетворенно подумал младший лейтенант. Не видно горелки или еще чего-нибудь похожего, да и сам шар, если приглядеться и прикинуть размеры, довольно маленький. А это значит, что могут пригодиться особые патроны, пятьсот с небольшим штук которых волонтерам перед отбытием в Африку передал сам генерал Мосин. От обычных они отличались тем, что в пуле было запрессовано какое-то горючее вещество, воспламеняющееся в момент выстрела. Вообще-то это имело целью облегчить прицеливание, ибо такие пули видно в полете, но ведь они, кроме того, могут и поджечь водород в шаре! В отличие от шрапнельных осколков, которые просто дырявят оболочку. Вот с проверки этого предположения и было решено начать.

Куликовский не ожидал, что английский шар столь эффектно взорвется. Первая короткая очередь, данная летчиком-стрелком Нудельманом, прошла выше шара, но благодаря ясно видимым трассам новых пуль он быстро скорректировал прицел и успел всадить еще одну почти в самый центр, прежде чем Куликовский отвернул самолет вправо. Поначалу не происходило вообще ничего, потом ближе к верхушке шара из-под обшивки вырвался язык пламени. Даже, пожалуй, язычок – мелкий такой, неуверенный... и почти сразу исчез. Николай начал было ложиться на курс для второго захода, но тут от шара сначала донесся повышающийся

свист, а потом там как бабахнет! Был бы ближе, могло бы и задеть, подумал пилот, направляя нос самолета в сторону солнца – туда, где в десяти километрах от передовой располагалось летное поле. Слишком близко? А что вы хотели – говорят, когда-то этот аппарат и вправду мог продержаться в воздухе тридцать пять минут, расстроенно думал Куликовский, заходя на посадку. Но сейчас-то старая калоша хорошо коли за двадцать пять минут весь керосин не сожжет! И это только если вообще не выводить двигатели полную тягу, иначе минут пятнадцать – и все. Вот и приходится базироваться чуть ли не сразу за окопами, хоть это и опасно.

На следующий день младший лейтенант вспомнил гимназию, где он узнал, что ежели где-то чего-нибудь убудет, то, значит, в другом месте обязательно прибудет. Имени кого был такой закон природы, Николай не помнил, но в небе сейчас, слегка покачиваясь на слабом ветру, висело убедительное подтверждение. Стоило только убить английскому аэростату, как высь поднялся бывший русский, а ныне трансваальский.

Англичане, ясное дело, тут же начали его обстреливать шрапнелью, но, так как шар висел дальше от их позиций, чем недавно взорвавшийся английский от бурских, да и поднялся он повыше, у них практически ничего не получилось. Только на второй день в шаре появились две маленьких дырочки, которые пилот и заметил-то не сразу. Уже через час после посадки они были заклеены, и на следующее утро шар снова поднялся в воздух.

Эффективность огня буров от корректировки сверху заметно возросла – теперь гаубицы стреляли реже, а жертв и разрушений у англичан стало больше. Вовремя, ибо снарядов тратилось больше, чем подвозилось! И Куликовский считал, что островитяне этого так не оставят. Или они попытаются снова перевести войну в маневренную фазу, обойдя укрепленный лагерь буров, или попытаются как-то уничтожить шар. Причем скорее всего начать они попытаются именно с этого – потому что оно проще. Всегда люди сначала ищут под фонарем, и только если там ничего не находится, расширяют зону поиска. Кронье это тоже понимал и выделил для охраны летного поля еще шестьдесят человек помимо тех тридцати, что этим уже занимались изначально. А вот в возможность флангового обхода он не верил, и Куликовский не мог понять, почему. Ведь местность на север от линии соприкосновения войск вовсе не была непроходимой! Да, так уж просто там не пройдешь и артиллерию сразу не протащишь, но ведь можно же, если всерьез захотеть! Да и с юга при желании тоже можно пробраться, хотя там, конечно, сделать это будет труднее. А пока черт знает что – две армии (небольших, по российским

меркам ближе к дивизиям) уперлись лбами, как бараны на узком мосту, и ни туда, ни сюда.

Куликовский несколько раз отправлял дельтапланы в глубокую разведку мест предполагаемого отхода и даже слетал сам, но ни в одном полете никаких признаков движения войск или даже подготовки к нему обнаружить не удалось. Неужели английский командующий генерал Метьюэн такой же упертый дуб, как наш Кронье? В авиаотряде склонялись именно к такому мнению.

Англичане действительно предприняли попытку уничтожить бурский шар, но не путем диверсии, как это ожидалось, а совершенно иначе.

Однажды утром, когда аэростат еще даже не поднялся на всю длину связывающего его с землей троса, послышался звук, напоминающий тархтение мотора дельтаплана. А вскоре появился и сам дельтаплан.

– Английский, что ли? – удивился Боря Нудельман. – У нас такие сняли с полетов еще в позапрошлом году, сейчас крыло делают другой формы. Ну да, смотрите, как он руки держит! Управление-то у него трапецией, а не ручкой.

Англичанин тем временем снизился, сделал круг над воздушным шаром, и вдруг с него выпало и затрепыхалось на веревке что-то небольшое и блестящее – не то нож, не то серп, не то лезвие косы. И дельтаплан снова развернулся в сторону шара, пытаясь пройти прямо над ним, чтобы поразить своим болтающимся снизу оружием. С первого раза это у него не получилось, но во втором заходе нечто острое на веревке все-таки чиркнуло по верхушке аэростата.

Если бы это был водородный шар, то тут бы ему и конец, но в тепловом имелась возможность вывести горелку на форсированный режим, чтобы как-то компенсировать утечку горячего воздуха, и пилот ей воспользовался. Кроме того, тепловой шар был заметно больше аналогичного водородного, в силу чего имел большее аэродинамическое сопротивление. То есть работал как очень плохой, но все-таки парашют.

Разумеется, шар все же упал, но скорость в момент удара о землю была не очень большой, так что пилот отделался ушибами. А вот оболочка загорелась от пламени горелки, и в результате у авиаотряда теперь оставалось только два аэростата.

– Дня три шар не поднимаем, – озвучил свое решение Куликовский, – пока не я не закончу ремонт левого движка на самолете. А там посмотрим, насколько хорош пулемет Мосина против аппаратов тяжелее воздуха.

– Да как же в него попадешь, Коля, он же вертеться будет, как уж на сковородке?

– С таким управлением и вовсе без руля поворота? Сомневаюсь. Видел, по какому радиусу он второй раз на шар заходил? В общем, разберемся. Думаю, Боря попадет. Не с первого раза, так со второго, а я, пожалуй, и третий заход успею сделать, если понадобится.

Однако, как известно, человек предполагает, а высшая сила – в данном случае начальство – располагает. Максимов по своим каналам разузнал, что к англичанам прибыли новые пушки, и приказал поднять в воздух шар – посмотреть, так ли это и если пушки прибыли, то где их устанавливают.

– Опять этот гад прилетит, – вздохнул пилот-аэронавт фон Экке, – а у меня еще с прошлого раза синяки не зажили. Я, пожалуй, с собой пистолет возьму. Или даже винтовку.

– Ты из нее прямо через шар стрелять будешь? Англичанин же сверху атакует. Нет уж, ты лучше сиди в корзине тихо, без стрельбы, и, как увидишь англичанина, сразу начинай снижаться, причем порезвее. А мы с Васиным попробуем подловить его на дельтапланах. Зря, что ли, из Питера маузеры везли?

В свое время, еще при подготовке, Куликовский отказался от предложенных в качестве личного оружия пистолетов Роговцева, отдав предпочтение немецким «Маузер С-96». Да, они были тяжелее и вчетверо дороже, но зато имели кобуру-приклад и могли стрелять метров на двести. Вот, значит, теперь они и пригодятся, ибо пилот дельтаплана во время полета может освободить только одну руку, то есть винтовка в качестве оружия ему не подходит.

Увы, сбить или даже повредить английский дельтаплан не удалось – получилось всего лишь отогнать.

– Кажется, мы в него все-таки разок попали, – заявил сразу после посадки пилот второго дельтаплана корнет Васин. Он подался в добровольцы из кавалерии, не успев получить авиационного звания, но теперь был настроен на дальнейшую службу в авиации. – Англичанин после нашего огня как-то скособочился, да и за трапецию держался одной рукой.

– Это он просто пытался смотреть назад, не отрываясь от управления, – не согласился Куликовский. – А вообще можно сделать вывод, что атаковать снизу аппарат, имеющий такую же максимальную скорость, как наши, нельзя. Мы вынуждены были идти с набором высоты, а он, наоборот, снижался, отчего ему и удалось оторваться от нас. Вывод – если есть такая возможность, атаковать нужно сверху.

– Ну, от твоего «эм-два» он и со снижением не уйдет, – заметил Васин.

– Этот, может, и не уйдет. А если у англичан появится что-то вроде нашей «эмки»? Дельтаплан же они как-то построили, хоть и слегка устаревший.

Неизвестно, получил ли англичанин хоть одну пулю, но дельтаплан противника больше не мешал корректировке артогня с шара. А вскоре в расположение авиаотряда прибыл русский военный журналист Немирович-Данченко.

– Знаете, как вас называют буры? – спросил он у Куликовского. – «Лейтенант сорвиголова»! Вот я хочу написать про вас, дабы о ваших делах узнали не только тут, но и в России.

Николай чуть не ляпнул «кому положено, и так все прекрасно знают», но вовремя осекся. Кому положено, те, конечно, знают. А кому не положено? Ольге, например. В письмах всего не выразишь, тут талант нужен, так пусть она в газете или журнале прочитает написанное тем, у кого этот талант точно есть. Значит...

– Спрашивайте, Василий Иванович, мне особо скрывать нечего.

Глава 14

Вряд ли кто станет возражать против того, что даже единственный идиот из лучших побуждений может испортить самый красивый замысел. Я это в общем-то тоже знал, а летом третьего года получил дополнительное подтверждение. Правда, поначалу посчитал дураком (а также дебилом и недоумком) не того, кого следовало. Мне потребовалось минут пять, на то, чтобы разобраться, кто тут больше всех напортил своей неумеренной мозговой активностью. И результат был неутешительным – пресловутым идиотом оказался я. Да-да, мое императорское величество Александр Четвертый. А вовсе не бывший лейтенант, ныне уже штабс-капитан Куликовский! Куда ж денешься – пришлось присваивать внеочередное звание. Он-то как раз действовал логично и в рамках поставленной перед ним задачи. Как она выглядела? Иди и совершай подвиги во имя прекрасной дамы, а заодно и к вящей славе российского оружия! И кто такое ему повелел? Да государь же!

Вот только инструмент предоставили не очень подходящий – неудачный, хотя и довольно крепкий самолет, и два одноместных мотодельтаплана. И с чего я решил, что Куликовский, поняв ублюдочность врученного ему оружия и ограниченность рекомендованной тактики, не попытается улучшить ни того, ни другого? Тем более что сам император (то есть я, кусок идиота) сделал ему немаловажную подсказку. Или даже две, просто вторую довольно давно и не ему лично.

Все началось с того, что англичане приволокли на фронт два новых воздушных шара взамен одного сожженного. И, ясное дело, возобновили корректировку артиллерийского огня с аэростата. Столь же очевидно, что наш герой вознамерился этому помешать, вот только с первого раза это у него не получилось. Самолет был встречен залповым винтовочным огнем с земли, а потом в дело вступили еще и три пулемета. Получив несколько дырок в фюзеляже и крыльях и сообразив, что при попытке приблизиться к шару из него сделают решето, Куликовский отвернул. Но, приземлившись, он начал думать. Итак, шар обычно висит на высоте метров триста-четырееста, и с горизонтали к нему не подойти – собьют нафиг. Значит, надо атаковать с вертикали! Тем более что сам император подсказал, как можно избежать чрезмерного набора скорости в пикировании. Надо просто включить реверс моторов, он же контрпар! Этот режим был задуман для торможения аэроплана при пробеге, ведь посадочная скорость была

довольно высокой – семьдесят километров в час. Или для разворота на месте при рулежке, если включить моторы враздрай – один вперед, другой назад. Ну, а сейчас пусть при помощи контрпара самолет притормаживается в воздухе.

К чести Куликовского, он не кинулся тут испытывать только что придуманный прием на противнике, а сначала выполнил три пикирования над летным полем, после чего внимательно исследовал сам самолет и оба мотора на предмет возможных повреждений. Затем у самолета появились две дополнительных растяжки от носа к крыльям, а в моторах были усилены обратные упорные подшипники валов винтов, детали для этого сделали в Претории по заказу Максимова. И, наконец, Куликовский, видимо, вспомнил историю авиации – когда тринадцатилетний великий князь Алик настоял на двойном увеличении давления пара в котле первого самолета Можайского, без чего тот аппарат просто не взлетел бы. И пожертвовал запасным котлом, снятым с разбитого еще в Гатчине самолета, постепенно повышая давление в нем, пока тот не разрушился. После чего предельное давление котла рабочего аэроплана было повышено на сорок процентов. Только после этого состоялся вылет, в котором Куликовский, пикируя с высоты километра, расстрелял шар сверху, не получив ни одной пробоины от огня с земли. Вот тогда-то Куликовский и задумался, а потом начал действовать.

Место для второго пилота было переделано так, что при необходимости снять все к нему относящееся стало возможно за полчаса, а поставить обратно – минут за сорок. Это давало хоть небольшую, но все же экономию веса.

Такая модернизация привела к тому, что полезная нагрузка возросла как минимум вчетверо, с пятидесяти килограммов примерно до двухсот. И время в полете немного увеличилось – теперь летающий паровоз мог реально продержаться в воздухе тридцать пять минут. Ну, а уж наладить полукустарное производство десятипудовых бомб с начинкой из пироксилина особого труда не составило, как и установить на носу самолета примитивный прицел. И у англичан настали черные дни.

Сбить пикирующий самолет ружейным огнем оказалось невозможно, а точность бомбометания оказалась достаточной для попадания в объект размером с небольшой дом с вероятностью процентов пятьдесят. В результате уже в третьем вылете был уничтожен штаб английской группировки вместе с генералом Метьюэном, а потом началось планомерные бомбежки всего, в чем можно было заподозрить хоть какой-то склад. Или артиллерийскую батарею, они тоже вызывали интерес у

неугомонного Ромео-Куликовского. Ну, а личный состав английского корпуса получал свое попутно, особенно сначала, когда у него еще не выработался рефлекс рассредоточиваться и вообще убегать подальше при появлении аэроплана в поле зрения. Именно так, ведь паровозы не тарахтят в полете, и на слух их обнаружить затруднительно.

Вот такие сведения я получил сначала из Южной Африки, а потом и из Лондона, откуда мне привезли подборку газетных публикаций на тему походов русского самолета в Трансваале. Причем почти половина из них была про то, что родился новый вид военной техники – и, значит, Англия должна не хлопать ушами, а начинать развивать свой воздушный флот в добавление к морскому.

А ведь как красиво все было задумано! Казалось, что мне уже удалось убедить мир в мизерной боевой ценности аппаратов тяжелее воздуха. Последний штрих – беспомощная возня русских летающих машин в Южной Африке – и готово. Все по примеру Вильгельма кинутся строить дирижабли. Ну что Ольге стоило влюбиться в какого-нибудь ветеринара или даже библиотекаря? Хотя они-то бывают разные, ведь, например, Сергей Зубатов начинал трудовую деятельность именно библиотекарем. Но это ладно, а теперь-то что делать?

Жизненный опыт подсказывал мне, что, раз уж все пошло наперекосяк, надо постараться найти в происходящем хоть какую-то положительную сторону. И акцентировать внимание именно на ней, объявив, что мелкие недостатки выбранного пути подлежат оперативному устранению, а все остальное так и было задумано. То есть раз уж не получилось преуменьшить военные возможности авиации, их надо преувеличить, только и всего. И начать следует с того, что самому разобраться в реальных возможностях того, что у меня уже есть. То есть дельтапланов, учебных У-2, псевдоштурмовиков и недобомбардировщиков «мошек», и якобы учебных, а на самом деле ублюдочных паровых аэропланов М-2У. Правда, таковой сейчас всего один, да и тот в Африке, но их производство возобновить нетрудно, благо поначалу заложили шесть штук, а достроили только два, но вряд ли ли все заготовленное, но не пошедшее в дело пропало. Значит, можно быстро возобновить серию, причем уже с теми доработками, что Куликовский сделал сам и на коленке. А вот все остальное лучше не выпячивать, с первого взгляда оно не имеет особых преимуществ перед летающими паровозами. И главный фактор тут – мизерная мощность имеющихся в моем распоряжении моторов.

Что можно сделать быстро, я придумал почти сразу. Да просто взять

уже выпускающийся мотор М-11, который и в этом мире я назвал точно так же, и спарить его! То есть позади одной звезды приспособить точно такую же. Слегка повернув, чтобы задние цилиндры смотрели в интервалы между передними. Так как цилиндров всего пять, то первая звезда не будет затенять охлаждающий поток воздуха для второй. Новым будет только общий картер – ну и, пожалуй, карбюраторные коллекторы, все остальное можно не менять. С такой задачей на Невском заводе справятся и сами, без Луцкого, которого лучше не отвлекать от доводки большой девятицилиндровой звезды. А вот авиаконструкторов придется озадачить, решил я и потянулся к телефону.

Яков Модестович Гаккель при жизни Можайского был его правой рукой, а после смерти Александра Федоровича возглавил его КБ. Многие, в том числе и главный теоретик авиации Жуковский, считали, что он слишком молод для такой должности – тогда ему было двадцать пять лет, но я напомнил сомневающимся, что сам сел на трон вообще в двадцать один год, и ничего, как-то вроде справляюсь. В общем, Гаккель занимался конструированием, а Жуковскому было поручено организовать в Москве авиационный институт. Я лично его напутствовал, подчеркнув, что придаю очень большое значение этому учебному заведению. Очень хотелось сказать, что лично мне учеба в МАИ, который теперь предстоит основать Николаю Егоровичу, дала многое. Но я, понятное дело, сдержался.

– Вы предлагаете мне заняться доработкой М-2? – спросил Гаккель после того, как ознакомился с кратким перечнем геройств Куликовского в Южной Африке.

– Нет, это вы кому-нибудь поручите, а сами лучше займитесь «мошкой». Задача – сделать так, чтобы она могла пикировать круто, а не под углом сорок пять градусов, как сейчас.

– Можно попытаться разработать винты, шаг которых будет изменяться в полете в широких пределах, – начал рассуждать Гаккель, – но наверняка это окажется непросто, надежность скорее всего понизится. А главное – у «мошки» винты расположены спереди аэродинамического центра, в то время как у «эмки» – сзади. Такое расположение уменьшает устойчивость в нормальном полете, но, как следует из доклада господина Куликовского, увеличивает ее при торможении двигателями. У «мошки» все будет наоборот. Можно, конечно, развернуть моторы винтами назад, но тогда это будет уже совсем другая машина.

– Которая к тому же нам совершенно не нужна, – уточнил я.

Действительно, такое расположение моторов приводило к заметному усложнению пилотирования, что было совершенно ни к чему. – Но зачем обязательно тормозить винтами? Для этого можно использовать специальные щитки. У вас же почти закончена экспериментальная «мошка» с двухкилевым оперением? Вот на ней и можно опробовать щитки, выдвигающиеся во время пикирования. Один поставить там, где обычного самолета киль, а второй – снизу, для симметрии. Собственно, это, наверное, лучше сделать в виде примерно вот таких решеток.

Я протянул собеседнику эскиз.

– Неплохо, – одобрил Гаккель, – можно отдавать в детализацию.

– Кроме того, вам будет еще одно задание. Подумайте, что нужно усилить в «мошке» для установки вдвое более тяжелых и вдвое более мощных моторов.

– Такая работа уже идет, мы ее запустили инициативным порядком. Спарить «эм-одиннадцатые» – это же очевидное решение.

– Вот и хорошо, а теперь переводите на нормальный режим. Жду от вас предложений по изменению финансирования, срок – два дня. Успеете?

– Да, Александр Александрович.

Если с самолетами у меня была хоть какая-то ясность – раз уж аппараты тяжелее воздуха засветились как сравнительно эффективное оружие, то их боевую мощь надо не прятать, а преувеличивать – то как быть с подводными лодками? Впрочем, я довольно быстро сообразил, что и они тоже успели засветиться. Правда, не мои, но это дела не меняет.

В другой истории, когда у японцев в самом начале войны подорвались на минах сразу два броненосца, то они первым делом подумали про наши подводные лодки и долго палили по воде из всех стволов, за исключением разве что главного калибра линейных кораблей. А у нас тогда, насколько я в курсе, на Дальнем Востоке имелся только недостроенный подводный миноносец «Дельфин»! То есть нормальных лодок ни у кого еще не было, а страх перед ними уже был. У меня же какие-то, пусть весьма несовершенные, лодки уже сделаны, и теперь настала пора распухать панические слухи. Что, значит, вот этакое чудо подкрадется под водой, раз – и утопит, и никак его не обнаружить до самого момента пуска торпед. Эх, было бы у меня чуть побольше времени! В той истории война началась в конце января тысяча девятьсот четвертого года. Если и у нас она начнется тогда же, до нее осталось четыре с половиной месяца. Наверняка успеем собрать не меньше четырех «эмок», но напугать ими хоть кого-то времени уже не останется. Вот лодки – те есть. Две «Малютки» и аж пять штук

полуподводных недоразумений Джевецкого-Яновича. Так много их образовалось потому, что строились они на основе уже имеющихся корпусов для так и не пошедших в серию предыдущих лодок Джевецкого, а стоимость доработки была копеечной. Кстати, для показухи эти лодки подходили прекрасно. Их автономность, примерно сутки, останется за кадром. Скрытность при подходе к цели – почти как у нормальной лодки, а то, что после торпедного залпа это корытце обречено, ведь нырнуть оно неспособно, а скорость позволить уйти только от весельной шлюпки... увы, таковы реалии. Впрочем, героев в России всегда хватало, и экипажи таких лодок не будут чистыми камикадзе, даже если у кого-то хватит ума действительно отправить их в бой. Какой-то шанс уцелеть у них остается – по разным прикидкам, от одной пятой до одной сотой. А экипаж – всего четыре человека! В общем, для показа японцам самое то. Пусть, если уж нападут, теперь постоянно высматривают на воде перископ и нервничают, что могли не заметить.

Кстати, некоторые в Морведе почему-то считали лодки Джевецкого-Яновича более эффективными, чем «Малютки». Наверное, потому, что они были дешевыми, и их можно при желании настроить много. Что же, теперь надо сделать так, чтобы их воззрения перестали быть тайной для возможно большего количества народа. А мне, пожалуй, пора готовить приказ о срочной постройке десяти... нет, даже пятнадцати лодок типа «Кета» – так они назвались в документах. Имея в виду, что на самом деле будут заложены пять, и суждено ли им когда-нибудь вступить в строй – это пока неясно.

И, наконец, осталось прикинуть, когда и как можно будет организовать учения с показом подводных лодок и пикирующих бомбардировщиков, причем с привлечением зрителей из Японии и Англии. Желательно, конечно, еще в этом году, но ведь осенью на Ладоге такая погода, что все, предназначенное к показу, может утонуть или разбиться само, без всякого противника, пусть даже условного. Значит, показ должен быть в Кронштадте. Там, конечно, тоже не Сочи, но все-таки есть вероятность попасть в несколько более или менее ясных дней.

Я взял лист бумаги, ручку и начал соображать, с чего начать пригласительное письмо для Хиробуми Ито, который, хоть уже и не был премьером, все же сохранил вполне достаточно влияния. И, главное, как по сведениям из прошлой жизни, так и полученным в этой, всегда был противником войны с Россией.

Глава 15

Вообще-то я вовсе не был уверен, что война с Японией здесь начнется тогда же, как и там, в покинутом мной мире, то есть в начале четвертого года. Во-первых, потому, что японский флот еще явно не дошел до запланированного количественного состава. Насколько я помнил, тогда у них к началу войны было шесть броненосцев и столько же броненосных крейсеров, а сейчас броненосцев было четыре, а крейсеров – пять. Кроме того, перед самым началом войны они прикупили два крейсера первого ранга у итальянцев, но пригнать их смогли уже после начала боевых действий. Здесь же следов такой операции пока не обнаруживалось, хотя я и специально озадачил Редигера их поиском.

Сейчас японских броненосцев было четыре, и еще один достраивался в Англии, плюс броненосный крейсер, который Германия должна была поставить Японии в начале следующего года. Да еще два крейсера второго ранга строились во Франции, и все. Это, конечно, могло означать, что в нашей реальности японцы не так спешат с началом войны, но могло быть и просто следствием слабости русских морских сил на Дальнем Востоке.

Никакого Порт-Артура у нас там не было, а во Владивостоке базировались два броненосца – «Петропавловск» и «Севастополь», плюс крейсера. Их, впрочем, было больше, чем в другой истории, за счет «Петра Титова» и трех его подобий, недавно построенных на верфях Крампа. Правда, последний еще не успели перегнать.

То есть против наших дальневосточных сил морская мощь японцев была вроде бы достаточной, но без всякого запаса. Если сейчас, как тогда, они в начале войны потеряют два броненосца, преимущество станет не очень серьезным – то есть его не хватит для гарантированной быстрой победы.

На суше признаков массовой переброски войск в Корею не было, но это ни о чем не говорило. В другой истории, если я ничего не напутал, эта переброска началась одновременно с началом боевых действий на море.

Вот такая обстановка сложилась к концу октября тысяча девятьсот третьего года, когда в Кронштадте состоялся показ новейшей военной техники для делегаций Англии, Франции и Японии. Французы были мне незнакомы все, среди англичан присутствовал адмирал Джон Фишер – в другой истории он через год должен был стать морским министром, да в этой, похоже, тоже. Японскую делегацию возглавлял маркиз Хиробуми

Ито. Немцев официально не было – мы так договорились с Вильгельмом. Пусть присутствующие думают что хотят, но на самом деле ничего такого уж интересного немцы тут увидеть не ожидали, ибо активно помогали мне готовить это шоу.

Вот уж что-то, а готовить показухи я неплохо умел и в прошлой жизни – не так уж редко высокое начальство, толком не знающее, чем турбовинтовой двигатель отличается от турбовентиляторного, желало лично увидеть, как обстоят дела на подведомственной ему территории. И в этой тоже не раз приходилось демонстрировать свои и чужие достижения, так что опыт у меня был. Да и у моих подчиненных тоже, так что нам удалось показать замечательную картину морского сражения по новым правилам.

Сначала налетели пикирующие паровозы – аж целых три! – и отбомбились по барже, изображающей из себя вражеский броненосец. Потом, когда баржа утонула, зрители любовались двумя кусками пятидесятимиллиметрового броневых листа – точнее, тем, что от них осталось после попадания авиабомбы, сброшенной с километровой высоты. Два попадания – это был результат почти месячной работы двух «мошек», в среднем делавших по вылету в день каждая. Причем кусок железа, имитирующий бронепалубу, лежал на земле. Если бы он на чем-нибудь плавал, могли бы и вовсе ни разу не попасть. Но выглядело все очень убедительно. Самолеты прилетают и пикируют на цель? Еще как, аж с душераздирающим воем! Кидают бомбы и попадают примерно в двух случаях из трех. А вот результаты попадания бомб в бронепалубу – любуйтесь.

Потом на позицию вышла так называемая «первая дивизия подплава», то есть все пять имеющихся в наличии лодок типа «Кета». И веером выпустили по мишени десять торпед. Вообще-то в мишень, стоящую в двух с небольшим километрах от лодок, попасть можно только случайно, причем с мизерной вероятностью, так я на это и не надеялся. И правильно – ясное дело, не попал никто. Из тех, кого мы демонстрировали. Ну, а то, что в трехстах метрах от мишени с раннего утра лежала на дне «Малютка», заранее сориентированная носом точно в мишень, не афишировалось. Звук под водой распространяется гораздо лучше, чем в воздухе, и, если, например, постучать в рельсу, то слышно это будет за несколько километров даже сквозь корпус лодки. Вот им с берега и постучали условным стуком – пускайте, мол! Пора.

Наблюдатели на мишени услышали удар в днище, а потом у борта из-под воды всплыло облако рыжей краски – есть попадание! Ну, а «Малютка» чуть подвсплыла и, не выпуская перископа, отошла километров на пять мористее. Там она перешла в надводное положение и кружным путем вернулась в Кронштадт.

– Ваши самодвижущиеся мины могут пройти десять кабельтов? – удивился Фишер.

– Даже одиннадцать, – скромно подтвердил я. – Это новейшая разработка, однако она уже запущена в серию.

Сказанное являлось чистой правдой. Парогазовые торпеды у нас пока не получались, но была запущена в производство промежуточная модель – с предварительным подогревом сжатого воздуха. Она могла пройти две с небольшим тысячи метров со скоростью сорок километров в час. Правда, попасть даже в крупный корабль с такого расстояния было довольно проблематично, поэтому в наставлении рекомендовалась дистанция не более восьми кабельтов, то есть полутора километров. Но ведь меня об этом никто не спрашивал!

Тем временем лодки, отстрелявшись, начали отход, то есть развернулись и потихоньку двинулись к берегу. Быстрее пятнадцати километров в час они двигаться могли.

– Это оружие для самоубийц, – заметил Фишер. – В реальном бою их давно бы расстреляли, с такой-то скоростью.

– Она не мешает лодкам незаметно подобраться к вражескому кораблю и поразить его, – возразил я. – Ну, а потом, когда их обнаружат... не знаю, как у вас, а в русском флоте всегда хватало героев, готовых отдать жизнь за веру, царя и отечество. Хватает их и сейчас.

Ито кивнул. Ну да, у японцев-то камикадзе точно найдутся, причем настоящие! И, значит, маркиз вполне может поверить, что мы действительно будем массово применять в грядущей войне такие лодки.

– Да, – вздохнул Фишер, – размен нескольких копеечных посудин, в каждой из которых всего четыре человека экипажа, на один даже легкий крейсер выглядит экономически оправданным. А почему вы не снабдили эти лодки аккумуляторами и моторами для подводного хода?

– Потому что тогда они станут не копеечными, а весьма дорогими. И экипаж им потребуется не четыре человека, а как минимум двадцать.

– Возможно... но это оружие может использоваться только вблизи базы флота. Какая у них предельная дальность?

– Сто морских миль. Оборона баз – это тоже важно, но даже обычный крейсер второго ранга может взять на борт три-четыре таких лодки, а

специально подготовленный транспорт – до двадцати. Так что их можно использовать и в открытом море, причем не только Балтийском.

Ито снова кивнул. Он, кажется, уже понял, что весь этот цирк демонстрируется в основном ему, а англичане с французами тут так, для массовки.

– Разумеется, конструкция лодок позволяет перевозить их на обычных двухосных железнодорожных платформах, и они могут быстро оказаться на любом опасном направлении, – продолжил я (естественно, тоже для японцев). – Сейчас отрабатывается взаимодействие авиации с подводными силами. Первыми налетают самолеты, и их атака позволит подводным лодкам незаметно подойти на дистанцию уверенного поражения самодвижущимися минами. У современных кораблей нет оружия, позволяющего обороняться от самолетов, так что они смогут нападать безбоязненно.

– Мы уже выпускаем пушки, предназначенные для стрельбы по воздушным целям, – встрял один из французов.

– По дирижаблям, да и то летящих днем и не очень высоко. А вы попробуйте попасть из своей пушки по самолету!

– Но их совершенствование продолжается! – не унимался француз.

– наших самолетов – тоже. В частности, сейчас изучается возможность защитить броней наиболее ответственные узлы и экипаж. От прямого попадания снаряда она, естественно, не спасет, но оно крайне маловероятно. А вот защита от осколков вполне реальна.

– Скажите, а отчего у этих ваших самолетов толкающие винты, как у дельтапланов? Там-то понятно, тянущий просто негде расположить, однако у первого аэроплана господина Можайского, который вы, ваше величество, лично подняли в воздух, винты были именно тянущие, – спросил майор из свиты Фишера.

– Хотя это и уменьшает устойчивость аппарата на курсе, однако сбрасываемая бомба не может оказаться в потоке, возмущенном винтом, что заметно повышает точность бомбометания, – ответил очевидной ахинеей я. Впрочем, это она для меня очевидная, англичанин же достал блокнотик и что-то в нем записал.

– А теперь, господа, – снова привлек я внимание зрителей, – посмотрите на летное поле. Там стоят четыре самолета, а участвовали в бомбометании только три. Это не ошибка и не неисправность, четвертый самолет не боевой, а учебный двухместный. Предлагаю желающим совершить полет, дабы лично убедиться в возможностях нового вида боевой техники. Итак, кто первый?

Такового почему-то не обнаружилось. Равно как и второго, третьего и так далее. Ни один человек из трех делегаций не рвался в небо, однако Ито повернулся к одному из своих сопровождающих, и тот сделал шаг вперед.

– Рейтенант императорского флота Хидэки Аояма. Позвольте мне, ваше величество!

С такой траурной физиономией только харакири делать, подумал я и кивнул:

– С богом, лейтенант.

Вскоре мы наблюдали с земли за пилотажем М-2У. Разумеется, таким, который был по силам этому самолету – горки, пологие пикирования, крутые виражи. Ни бочки, ни штопора, ни мертвой петли не делалось, больно уж это была опасная машина для выполнения таких фигур.

После продолжавшегося пятнадцать минут полета японец сошел на землю на своих ногах – правда, они у него слегка подгибались, а лицо приобрело явственный бледно-зеленый оттенок. Он что-то бодро отрапортовал Ито, после чего уже по-русски поблагодарил меня за доставленные незабываемые ощущения. Похоже, ему очень хотелось блевануть, но он сдержался, не посрамил чести самурая.

На следующий день мы неофициально встретились с Ито и побеседовали с глазу на глаз в Зимнем дворце. Просто потому, что мне попасть туда незаметно было гораздо проще, чем маркизу – в Гатчину. Беседа началась с того, что Ито поинтересовался причиной, по которой я вдруг решил показать технику, которая еще недавно считалась совершенно секретной.

«Вот именно, что считалась», подумал я, но ответил несколько по-другому, хотя тоже правдиво.

– Дело в том, что любая техника остается секретной только до того момента, как в заметных количествах поступает в войска. А так как процесс уже пошел, то я счел бессмысленным хранить тайну лишний месяц или два, но упустить при этом немалую выгоду, о чем и хотел бы с вами сейчас поговорить.

– Ваше величество, я вас внимательно слушаю.

Так как я, естественно, готовился к беседе, то запел натуральным соловьем. О том, что заказы оборудования для подводных лодок в Германии, хоть и выполняются с высочайшим качеством, обходятся слишком дорого (что в общем-то было правдой). И что мне хотелось бы того же, но подешевле (чистая правда – не отказался покупать то же самое, но раза в два, а лучше в три дешевле). А особое качество мне не больно-то

и нужно. Опять же лодки «Кета» хорошие, но слишком маленькие. А строить большие для Дальнего Востока в Германии, да потом еще гнать их на другой конец земного шара – это разориться можно. Корпуса делаются в России, но настолько медленно, что мне иногда хочется перевешать всех причастных (ну, вот это уже не совсем правда, но, конечно, нашим работать побыстрее действительно не помешало бы. И что предлагаю Японии лицензию на постройку лодок «Кета» и «Кета большая» в обмен на поставку какого-то количества готовых лодок.

Несмотря на внешнюю невозмутимость Ито, было видно, что он слегка охренел. Впрочем, я и сам еще полгода назад охренел бы, скажи мне кто-нибудь, что я буду предлагать японцам подобное. Однако предлагаю же! Потому что в сложившейся обстановке плюсы от такой коммерции вроде бы перевешивают минусы.

Разумеется, я не рехнулся настолько, чтобы принимать на вооружение то дерьмо, что нам поставят японцы. Уж как-нибудь придумаю, кому его перепродать! В Латинской Америке потребители на такую технику наверняка найдутся. Нам же она будет не очень опасна, даже если японцы сами, без нашей помощи впихнут в большую «Кету» электромотор с аккумулятором. Но если они клонут на это дело, то скорого нападения можно не опасаться – оно произойдет не раньше, чем японцы построят себе хоть какой-то подводный флот. И придумают, как защищаться от нашего, который они будут ошибочно считать точно таким же. А также вооружат свои корабли хоть чем-нибудь зенитным, потому как Ито видел, чем может грозить даже броненосцу атака пикировщиков.

– Кроме того, – продолжал я, – Россия вообще заинтересована в размещении части заказов в Японии, ибо возить все в наши дальневосточные земли из Европы и даже Штатов слишком дорого.

Я имел в виду стройматериалы, простые инструменты и ширпотреб типа тканей. Если удастся дешево покупать все это в Японии, то все человеческие ресурсы Дальнего Востока можно будет направить в судостроение, добычу угля с нефтью и строительство укреплений. Ну мало там сейчас народу, мало!

Однако это было еще не все, и я, мысленно попросив у самого себя прощения за то, что вынужден нести такую ересь, с самым серьезным видом выдал:

– И, наконец, я надеюсь, что предлагаемое мной сотрудничество станет первым шагом к тому, что Япония задумается – а не получит ли она больше с помощью России, чем с помощью Англии и даже Америки?

Филиппины, Гуам, Сингапур, Индонезия и далее вплоть до Австралии – вместо пустого Сахалина, нищего Приморья и узкой полоски Манчжурии между железной дорогой и Амуром?

Дело в том, что ни в какое миролюбие страны восходящего солнца я категорически не верил. В той истории она с помощью Англии и Штатов победила Россию, а потом, набравшись сил, набросилась на своих недавних покровителей. Если сейчас мы поможем ей сначала урвать несколько жирных кусков у англосаксов, то просто станем следующими в очереди на битье, только и всего.

Однако это была только одна сторона проблемы. Вторая же заключалась в том, что и я вполне допускал войну с Японией! Только не сейчас, а когда мы к ней получше подготовимся.

Нет, я, конечно, понимаю, что Петербургский договор тысяча восемьсот семьдесят пятого года, по которому Россия отдала Японии Курильские острова в обмен на право единоличного владения Сахалином, дал нам четверть века спокойствия на Дальнем Востоке. Но теперь-то оно подходит к концу! А Курилы по сути дела являются забором, отгораживающим наш дальневосточный флот от Тихого океана. И от Камчатки, между прочим, тоже, то есть ситуация в общем не самая хорошая, не мешало бы исправить. Кроме того, пока Курилы японские, нет никаких оснований как-то прикрыть их рыболовство в Охотском море, а эта рыба нам скоро понадобится самим. Ну и где-то на Курилах есть крупнейшее в мире месторождение рения. Правда, сейчас никто в мире, кроме меня, не представляет себе, что это такое... разве что Менделеев, который предсказал его существование еще лет тридцать назад. Но ведь так будет не всегда, надо и о будущем позаботиться.

И, наконец, не следовало забывать про Корею. Сейчас японцы вели себя там как оккупанты, выдавливая из корейцев все соки и буквально сдирая последнюю шкуру. Еще немного – и корейцы будут готовы на союз с кем угодно, лишь бы против Японии! А мы их эксплуатировать не будем... почти. Уж во всяком случае не так, как это сейчас делают самураи.

Поэтому совесть меня особо не мучила. Да, я предлагаю японцам вечный мир, имея в виду, что в не таком уж далеком будущем он возьмет и кончится. Так ведь и они, если согласятся, будут иметь в виду то же самое! А история рассудит, чьи планы на будущее были правильными. Я же со своей стороны постараюсь ей в этом слегка помочь, только и всего.

– Честно говоря, я не ожидал, что вы, ваше величество, столь быстро разберетесь в противоречиях между нашими армией, флотом и дзайбацу, и

на основании этого выработаете новую политику, – завершил беседу Ито. – Я не могу вам сейчас ничего сказать, но обещаю максимально быстро и точно довести ваши предложения до божественного тенно.

Я же в этот момент был озабочен не показать – слово «дзайбацу» мне не так чтобы знакомо. Нет, вроде я его слышал или читал в прошлой жизни, но вот что оно означает – не помню. То ли это инструмент для совершения обряда сеппуку, то ли направление в искусстве вроде хентая... в общем, до получения ответа от императора надо будет поточнее узнать, в каких именно противоречиях я ухитрился столь лихо разобраться.

Глава 16

В двадцать первом веке никто особенно не сомневался, что между образовательным уровнем родителей и количеством детей в семье есть связь, причем обратная. Чем выше уровень, тем меньше детей. В среднем, разумеется, исключения бывают всегда. Наверное, даже сейчас, в начале двадцатого века, это уже понимают – если не все, то некоторые. Я, во всяком случае, в их число вхожу, ибо обе моих жизни данный тезис вполне подтверждают.

Там я закончил МАИ, а жена вообще была кандидатом химических наук, и у нас был всего один ребенок.

Здесь же Алик Романов получил, так сказать, домашнее образование, которое на высшее, мягко говоря, не тянуло. У Риты было то же самое, только хуже – до свадьбы она не только не умела извлекать квадратные корни, но даже не знала, сколько в физике существует законов Ньютона! И уж тем более о чем они. Зато у нас к началу тысяча девятьсот четвертого года две дочки и сын, и Рита снова в положении. Причем недавно выяснилось, что она, скорее всего, ждет двойню! Повысить, что ли, наш образовательный уровень? Во избежание перенаселения Гатчинского дворца. А что, мне же не хватает квалифицированных дипломатов, вот и надо организовать не только МАИ, но и МГИМО. Насчет поступления можно не беспокоиться – уж мы-то с женой такие мажоры, что все остальные на фоне нас будут смотреться весьма бледно. И особо напрягаться при учебе не придется по той же самой причине. А потом, чем черт не шутит, можно будет и защититься, для полной гарантии. Вопрос – где найти на все это время – к актуальным явно не относится. Да там же, где его нашли остепененные депутаты и министры двадцать первого века. Я же не говорил, что мы с Ритой должны сами писать диссертации, а защитить их много времени не займет.

От размышлений насчет научно-образовательных методов контрацепции меня отвлекла дочь Татьяна, без стука зашедшая в комнату. Потому как комната была ее, а сейчас у нас по плану будет урок физики. Когда позволяло время, этот предмет я ей преподавал сам. Причем не только ей, а за компанию еще дочери казака из лейб-конвоя и двум младшим сестрам фрейлин Риты соответствующего возраста.

Мы с женой были единогласны в том, что учить наших детей так, как

учили нас – нельзя.

Сидит, значит, такой обучаемый, зевают, а вокруг суется двое преподавателей. Нет, учеников должно быть обязательно несколько. Во-первых, им будет не так скучно, во-вторых, в учебе появится элемент соревнования, а в-третьих – это станет неплохой мотивацией для людей из нашей с женой охраны, если их родные будут учиться вместе с императорскими детьми. Да, разумеется, Ритины фрейлины были ее охраной – а иначе зачем они тогда вообще нужны? Ну не хвост же платья за ней таскать, тем более что Рита таких длинных и не носит.

В этот раз я, похоже, был не очень убедителен, ибо рассказывал о молекулярном строении вещества, но мысленно время от времени отвлекался на проблему – если родятся мальчики, да еще одинаковые, то как потом отличать старшего от младшего? Они же потенциальные наследники престола, и для них это обязательно. Сразу, что ли, пометить того, который появится на свет первым? Да и вообще, Рита и до этого Гатчинский дворцовый комплекс покидала довольно редко и неохотно, а после родов наверняка тут безвылазно засядет как минимум на полгода. Впрочем, это как раз неплохо – меньше вероятностей нарваться на покушение или случайно угодить под чье-то чужое. Эсеры, правда, пока еще не озверели до такой степени, чтобы в качестве главных жертв назначать женщин, но, во-первых, при таких спонсорах, как англичане, ждать придется недолго. А во-вторых, то, что кроме главного объекта теракта, будет убито еще несколько, а то и несколько десятков совершенно посторонних людей без различия пола и возраста, эсеров и анархистов, как и народников до них, не волновало никогда. Именно поэтому я с пониманием и одобрением относился к тому, что Рита всегда была домоседкой. В качестве моря ее вполне устраивало Серебряное озеро, а парк вокруг него в первом приближении сходил за нетронутую природу. Впрочем, случались исключения – это когда в Питере происходила какая-нибудь давно ожидаемая премьера. Балета там, оперы или драмы. Кстати, а почему у нас в России до сих пор нет оперетты? На западе-то она вроде уже появилась. Насколько я курсе, это смесь из вышеперечисленных жанров. То есть если в трагедии Отелло придушит жену, после чего самоубьется, и на этом все кончится, то в оперетте Дездемона в процессе душения споет что-нибудь лирическое, а Отелло, закончив процесс, сначала спляшет лезгинку, и только потом пойдет вешаться. Может, посоветовать Рите подобным образом внести прогресс в искусство? Да ну, лучше помолчать, а то она опять озаботится повышением моего культурного уровня. Жена уже не раз намекала, что он у меня недопустимо

низок для порядочного монарха.

Мысли о высоком искусстве не очень мешали мне вести урок, и вскоре он благополучно закончился. Я убрал в портфель разноцветные шарики на проволочках, изображающие молекулы, попрощался с ученицами и отправился к себе. Так как никаких срочных дел вроде не предвиделось, то я решил заняться одним не очень срочным. А именно – доказать Рите, что моя якобы дремучесть в вопросах культуры – это миф, а на самом деле я ими очень даже интересуюсь. Но не как простой потребитель духовной пищи, который хакает все, что ему подсовывают, а как инженер, то есть предварительно проанализировав предложенное к употреблению.

Задача несколько упрощалась тем, что один раз мне с ней уже пришлось столкнуться – еще в первой жизни. Там жена тоже была не в восторге от моих плебейских вкусов, и я, подойдя к делу серьезно, озаботился сбором сведений, что вообще такое балет с оперой, а также когда и зачем они были придуманы. Но тогда это не пригодилось – жена убедилась в том, что меня не перевоспитаешь, быстрее, чем я успел систематизировать полученные сведения. Ничего, не успел тогда, зато успеваю сейчас. Итак, откуда растут ноги у так называемого высокого искусства?

Да из самого что ни на есть банального снобизма. Рассмотрим сначала балет. Он развился во Франции при Людовике Тринадцатом – том самом, при котором колбасился Д'Артаньян в «Трех мушкетерах». Королю было скучно, и временами хотелось сплясать что-нибудь этакое, но ведь нельзя! Этикет не позволяет, ведь пляски – это простонародное развлечение, приличествующее лишь быдлу, а вовсе не благороднейшему дворянину в хрен знает каком поколении, тем более монарху. Однако Людовик с несчастливым номером, что бы о нем потом не писали, все-таки был умным человеком и применил системный подход к вопросу. Королю неуместно участвовать в простонародных танцах? Значит, надо плясать не простонародные. Их нет? Надо придумать, только и всего. Причем так, чтобы различие было максимальным в каждом элементе.

Народные танцы подразумевают искренние чувства? Решено, в балете на них даже намекать не должно! И каждой естественной эмоции был присвоен формальный признак, с ней ничего общего не имеющий. Нужно изобразить огорчение? Поставьте ноги вот так и слегка растопырьте. Отчаяние? Тогда к позиции ног добавляются соответствующим образом вывернутые руки. Прогрессирующая безнадежность? Следует в позиции отчаяния прыгать по сцене в такт музыке. И так далее, в результате

получается уже почти настоящий балет.

До высшей степени формального совершенства его довел Людовик Четырнадцатый. Но все-таки у него был не совсем тот балет, что сейчас идет в той же Мариинке. У короля-солнце все роли танцевали мужчины.

До классического современного вида балет довели наши соотечественники. Еще при матушке Екатерине баре любили развлекаться созерцанием танцев голых крепостных девок, однако хоть сколько-нибудь образованные дворяне догадывались, что это все-таки разврат. И даже если девок слегка одеть (чуть-чуть, совсем незаметно) – тоже разврат, только прикрытый фиговым листком. Зато если их прямо в таком виде ввести в балет по-французски, то есть добавить декорации и вместо дудочников и балалаечников посадить оркестр, то получится высокое искусство, именуемое русским балетом.

Опера родилась аналогичным образом, только немного пораньше и в Италии. Всяким местным дожам было в падлу слушать уличных скоморохов, да и католическая церковь такое искусство не одобряла, однако совсем без пения под музыку благородные господа изволили слегка заскучать. Как следствие – был изобретен жанр, по возможности противоположный народному. Абы не как у смердов, вот и все его секреты.

То есть, как только в обществе появилась элита, ей понадобилось свое, элитарное искусство. Причем такое, чтобы даже случайно перепутать его с народным было невозможно. Со временем дело дошло до полного маразма – в двадцать первом веке, например, находились индивидуумы, ставившие «Черный квадрат» Малевича выше неподражаемых полотен Васи Ложкина. Да что же у них с головами-то творится?

Однако, в отличие от них, у меня с мыслительным органом все в порядке, то есть я еще не рехнулся настолько, чтобы знакомить Риту с результатами моих умственных усилий просто так. Зато не просто – самое время!

Итак, кто такие монархи?

Мне против воли сразу вспомнилось «Что такое, товарищи, дебют? Дебют – это, товарищи, квазиунофантазия».

Так вот, товарищи – монархи, а также некоторые их родственники – это, образно говоря, сверхэлита. А раз так, то у нее должно быть свое, блин, сверхэлитарное искусство. Причем отличное как от просто элитного, так и от народного. Начать можно с музыки, ну и пения под нее до кучи. Отличие же будет состоять в том, что люди станут петь не просто так, а в микрофон,

а играть будут на электронных музыкальных инструментах. Тем более, что для меня это не совсем темный лес – в первой молодости я делал электрогитары и усилители для школьной рок-группы, тогда стыдливо именуемой «вокально-инструментальным ансамблем». И даже, выучив три с половиной аккорда, играл там на ритм-гитаре, несмотря на полное отсутствие слуха. Правда, как только нашелся нормальный гитарист, меня оттуда попросили, но это уже неважно. Я даже аккорды песни «Венус», более известной под дворовым названием «Шизгара», до сих пор не забыл!

И, значит, пусть Рита станет энтузиасткой сверхэлитарной электрической музыки. Она вообще давно покровительствует всяким искусствам, так что это никого не удивит. В отличие от ситуации, когда подобным ни с того ни с сего заинтересуюсь я.

Мне же, если вдуматься, давно пора. Ведь микрофон нужен не только для того, чтобы в него безголосо петь или шамкать очередной доклад двадцать какому-нибудь съезду. С его помощью можно прослушивать такие разговоры, какие без него не прослушаешь никак. Недаром отец электронной музыки, Лев Термен, плодотворно занимался разработкой прослушивающих устройств для НКВД, МГБ и КГБ. Кстати, его эндовибратор, то есть микрофон, не требующий электропитания и не содержащий электроники, для своего времени был шедевром и лет восемь проработал в американском посольстве, доставив немало приятных минут людям из компетентных органов. Да и система прослушивания с помощью инфракрасного луча, отраженного от стекла в помещении, где идет разговор, совсем не зря стала основанием для присуждения Термену Сталинской премии. Кстати, ему сейчас уже восемь лет, и это весьма способный ребенок, я на всякий случай уточнил. Ну, а пока он не вырос, упомянутыми вопросами придется заниматься другим людям, в том числе и мне.

Опять же на подводных лодках и противолодочных кораблях позарез нужна гидроакустическая аппаратура, которую тоже надо где-то разрабатывать. Вот, значит, пусть этим и занимается какая-нибудь «Академия новейшей музыки» под патронажем ее императорского величества Анны Федоровны (это, если кто забыл, официальное имя Риты). А я, как любящий муж, буду потакать капризам супруги и время от времени оказывать ее детищу техническую и даже финансовую помощь.

Правда, в такой аппаратуре без электронных ламп, а со временем и транзисторов не обойдешься, но они будут проходить под грифом

«совершенно секретно». Для публики же мне придется выяснить, не изобрел ли уже кто-нибудь магнитный усилитель. И, если таки никто не сподобился, сделать это самому, а то я, действительно, что-то давно ничего такого не изобретал. И руками давно не работал, с раскаянием подумал я, после чего резко изменил маршрут в сторону черного хода, около которого всегда стоял готовый к поездке мотоцикл. На нем я за минуту домчался до Приората, где, быстро разыскав буковую палку, рояльные струны и латунную проволоку, в темпе соорудил что-вроде бескорпусной электрогитары о двух струнах. На звукосниматель пошла катушка от недоделанного наушника, а двухламповый усилитель с динамиком у меня уже был. И, значит, после ужина я уединился с женой, по-быстрому прополоскал ей мозги насчет сверхэлитарного искусства, после чего продемонстрировал дражайшей половине первый в мире электромузыкальный инструмент системы «адын палка два струна». Причем не просто показал, а в меру способностей постарался сыграть мелодию песни «Симпати» группы «Рар Берд». Не скажу, что у меня получилось так уж близко к оригиналу, однако Рита заинтересовалась.

– А ну-ка дай сюда, – сказала она. После чего, пару минут осторожно потрогав струны и прислушавшись к звучанию, сыграла то, что я не очень успешно пытался изобразить. Причем у нее вышло ничуть не хуже, чем в оригинале! Даже, по-моему, немного красивей.

– Ты это имел в виду?

– Э... да.

– Ну что ж, вкус у тебя есть. К нему бы еще хоть немножко слуха и самую малость соответствующего образования, и можно было бы музицировать при посторонних. Иногда, естественно, не злоупотребляя. В общем, я согласна заняться электрической музыкой, под прикрытием которой ты будешь разрабатывать свои микрофоны, детекторы и эти... как их... гетеродины. Значит, говоришь, полноценную гитару по такому принципу сделать можно?

– Да.

– Вот и сооруди мне штуки три. И скрипка, пожалуй, тоже не помешает.

Я, естественно, заверил Риту, что максимум через три недели вся аппаратура у нее будет. А сам подумал, что, как это ни странно, вполне могу и в этой жизни услышать в хорошем исполнении «Венус», «Ви шокин ю» и «Невер релиз зе уан ю лав». Ведь Марина поет ничуть не хуже, чем в семидесятых годах двадцатого века пела Маришка Вереш. Слова я в общих чертах помню, а Рита, как только что довелось убедиться, сможет

восстановить мелодии по моим убогим попыткам их воспроизвести.

Глава 17

Похоже, моя наспех задуманная авантюра с показом паровых пикировщиков и полуподводных лодок системы Джевецкого-Яновича удалась, решил я в мае тысяча девятьсот четвертого года. Ведь японцы так и не напали. Правда, совсем не факт, что они обязательно напали бы без моей военно-воздушно-подводной импровизации, но так считать приятней. Значит, его величество Александр Четвертый умеет не только с блеском садиться в лужу. Иногда получается и наоборот, а это греет душу.

В общем, японцы сейчас судорожно строили подводный флот, основательно загрузив заказами Балтийский и Невский заводы в Питере. Причем основную ставку делали не на классическую «Кету», а на ее удлиненную разновидность, в которую к тому же собирались впихнуть электромоторы и аккумуляторы для чисто подводного хода. Они даже попытались пригласить к себе конструкторов лодки, но тут вышел облом.

Джевецкий был снобом, каких еще поискать, он и в Питер-то из своего Парижа приезжал неохотно, а тут вообще в какие-то дикие Йокосуки приглашают! Нет-с, господа, не нужны мне ваши деньги в какой-то дыре, да еще с таким названием. Однако, узнав о неожиданном успехе своих творений, он все-таки приехал в Питер и несколько дней ходил по нему гоголем.

А вот второй разработчик грозного оружия, лейтенант Сергей Янович, вдруг оказался патриотом и заявил японцам, что никуда он из России не поедет, ибо приносил присягу и намерен посвятить жизнь служению отечеству. Узнав об этом, я вздохнул и велел написать мой именной указ о присвоении Яновичу звания старшего лейтенанта. Тем более что он не собирался почивать на лаврах, а хотел модернизировать свою лодку примерно в том же направлении, что японцы, но немного по-другому. Кажется, он, как и его шеф, в глубине души боялся электричества, поэтому решил присобачить на вал двигателя не генератор, а компрессор, и дополнить ее пневматическим мотором. Пока лодка идет в надводном положении или под шноркелем, компрессор закачивает воздух в баллон, а при погружении нефтяной мотор глушится, и лодка движется под пневматическим, как торпеда. Естественно, Янович понимал, что дальность подводного хода при этом получится мизерной, но считал, что ее будет достаточно. Ведь, по его мнению, полностью погружаться лодке придется только для отхода после атаки, а на это хватит и нескольких миль. Зато у

пневматического двигателя мощность будет существенно больше, чем у электромотора таких же размера и веса, а это позволит развить большую скорость и быстрее покинуть опасное место.

Ну что же, подумал я, пусть человек старается. Совсем бесполезными его лодки не окажутся, пригодятся для обучения личного состава. А заодно можно будет правдоподобно легендировать часть заказов, на самом деле предназначенных для лодок серий «М» и «К». Скрытности же при отходе такое решение, увы, не прибавит, ибо лодку будет выдавать значительно более интенсивный, чем у торпеды, след из воздушных пузырей. Только защищенность слегка повысится, вот и все.

Французы тоже заинтересовались подводными лодками, но их интерес, насколько я понял, пока полностью удовлетворял Джевецкий, искренне считавший себя главным конструктором «Кеты», а Яновича – всего лишь способным исполнителем. А вот англичане почему-то повышенным вниманием мои лодки не удостоили, зато устроили шум в прессе по поводу южноафриканских подвигов Куликовского. Что интересно, их наиболее интересно и довольно взвешенно описывал некто Уинстон Черчилль, сейчас ошивавшийся в Южной Африке в качестве военного корреспондента сразу нескольких газет. По его описаниям выходило, что капитан русской армии Куликовский – никакой не грязный дикарь, как большинство буров и некоторое количество тамошних золотоискателей, а самый что ни на есть настоящий джентльмен, сочетающий высокие личные качества с редким бесстрашием и выдающимися способностями в области техники. И единственное, о чем сожалел Черчилль, причем, по-моему, тот самый, что оставил заметный след в мире моей первой жизни – это что такой человек служит не Англии, а России.

Когда же до Лондона дошел отчет об устроенном мной воздушно-подводном шоу, авиационный вопрос был поднят на уровень английского парламента. Я немного этому удивился, но, прежде чем задавать вопросы специалистам, решил посоветоваться с женой.

– На самом деле вопросов у тебя не один, а два, – заметила Рита. – Первый выглядит так – почему англичане не заинтересовались подводными лодками? Мне приходит в голову только один ответ – потому, что на самом деле они им не больно-то и нужны. У Роял Нэви две тесно связанных задачи – обеспечение безопасности английской морской торговли и создание угрозы чужим военно-морским силам в любой точке мирового океана. А эти лодки ни одну из таких задач выполнить не могут. К торговле

они вообще никоим боком, а угроза противнику от них если и есть, то только неподалеку от своих берегов.

Второй вопрос – почему они именно сейчас заинтересовались самолетами – он несколько сложнее, и вероятных причин этого я вижу две. Или их чем-то заинтересовали подвиги Ольгиного ухажера, или англичане усмотрели в самолетах средство борьбы с чужими подводными лодками, скорее всего германскими. Как именно можно бороться – не представляю, это тебе виднее.

В общем-то я и сам думал примерно так, а если похожие мысли приходят в голову довольно разным людям, то, скорее всего, они близки к истине. Значит, надо затребовать возможно более полное описание деяний господина Куликовского в Южной Африке. Тем более что недолго ему там осталось геройствовать если не в одиночку, то на одном-единственном самолете, причем довольно старом. Правда, с кучей запчастей. Его подвиги, воспетые одновременно Черчиллем и Немировичем, вдохновили сразу трех пилотов из авиаотряда в Залесье, причем без всякой моей стимуляции этого процесса. Сразу после шоу они объявили сбор средств для выкупа аэропланов, и единственное, что я себе позволил – это посоветовал Сандро не задира́ть цены. Впрочем, он и не собирался, так что деньги в потребном количестве были быстро собраны, три пилота и шестеро механиков получили отпуск по семейным обстоятельствам и сейчас, по моим сведениям, уже приближались к порту Дурбан, все-таки взятому войсками де ла Рея.

Меня, скажем прямо, не удивило, что сам Сандро никуда не записался добровольцем. Все-таки осторожность всегда была его отличительной чертой, и плыть черт знает куда, причем в тот момент, когда у возглавляемого им воздушного флота появились реальные перспективы значительного расширения, он не захотел. Значит, муж у Ксении не будет героическим летчиком, и это меня даже немного огорчило. Я бы на его месте, пожалуй, все же смотался бы в Южную Африку.

Ну, а на своем месте мне оставалось только сидеть на заднице ровно и смотреть, куда двинут прогресс военной техники европейские державы. И делать выводы, причем желательно сразу правильные, но это уж как получится.

В середине июля в Россию приехал мистер Невилл Чемберлен. Наверное, многие помнят эпизод из «Двенадцати стульев», когда Киса Воробьянинов размечтался о жизни после получения сокровищ своей

тещи, а потом открыл глаза и узрел перед носом кукиш? Так вот, это был кукиш с плаката «Наш ответ Чемберлену». Однако сейчас этот тип был еще не политиком, а бизнесменом, и приехал он с поручением от английского Адмиралтейства о закупке образцов нашей авиационной техники. Именно так, дирижабли его почему-то не очень интересовали. И первым делом он установил контакт с господином Александром Бари.

Пожалуй, тут не помешает небольшое лирическое отступление. Итак, все российские предприятия, учувствовавшие в производстве военной техники, делились на три типа.

Первый – самый малочисленный – предприятия чисто частные, то есть вовсе без участия государственного капитала. Правда, в довольно заметную часть их были вложены мои личные деньги, но не напрямую, а через посредников. Например, таким был Аэростатный завод в Подольске, занимающийся выпуском воздушных шаров и небольших полужестких дирижаблей. Он принадлежал Шухову и Бари.

– Второй – акционерные общества с контрольным пакетом, принадлежащим лично императору, то есть мне. Одно из самых крупных – концерн все тех же Шухова и Бари, на котором делалось больше половины всего, имеющего отношение к самолетам.

И, наконец, чисто казенные заводы. В основном судостроительные и артиллерийские, но в их число входил и Тверской моторный завод.

В общем, я не узрел ничего удивительно в том, что этот Чемберлен обратился именно к Бари, ибо пикирующие паровозы были сделаны на предприятиях их с Шуховым концерна. И на более высокие уровни ему обращаться не придется, потому что Бари и раньше имел мое разрешение принимать посторонние заказы на «эмки», а недавно я его на всякий случай подтвердил.

В общем, в аврале, когда я ждал, что на нас того и гляди нападет Япония при полной поддержке Англии, а, возможно, еще Штатов, наступил технический перерыв. Всем вероятным противникам нужна пауза на то, чтобы разобраться в том, что на них довольно-таки внезапно свалилось.

Правда, остаются две неясности. Первая – как теперь быть с Трансваалем и Оранжевой республикой? С поддержкой России и Германии они вполне могут выиграть войну. Или по крайней мере свести ее вничью. То есть появляется возможность подвигнуть Британию на какие-нибудь серьезные уступки в обмен на прекращение нашей помощи республикам. С виду это довольно привлекательный вариант, но тут есть свои тонкости. Сэры очень не любят, когда их к чему-нибудь вынуждают. И они, суки, злопамятные, прямо как я. Но это еще ничего по сравнению с другим

обстоятельствам. Ведь если я сейчас – скажем прямо – предам своего хоть и далеко не самого ценного, однако все-таки союзника, то кто мне потом поверит? Поэтому, пожалуй, следует поступить несколько наоборот. Требования надо выставять не англичанам, а папаше Крюгеру. Первое – государственная поддержка рабочей силой рудников Русско-американской геолого-технической компании, африканское отделение которой штатовцы вроде как хотят купить, но давать нормальную цену не желают категорически, из-за чего вопрос до сих пор висит. Второе – срочно и за счет республики начать строить железную дорогу Претория-Дурбан. И, наконец, самое главное. Почаще и повнимательней слушать российского военного атташе генерала Максимова, а своих военных советников, наоборот – пореже и вполуха. Если президент согласится с моими предложениями, помощь Трансваалю будет расширена до пределов, обеспечивающих благоприятный итог войны. Если же нет – она будет сокращена, и я смогу с чистой совестью договориться с англичанами, насколько именно.

И, наконец, последнее из того, что пока неясно – это позиция Соединенных Штатов. Я знаю, что они дали в долг японцам, но не знаю, на каких условиях. И не понимаю, почему они предлагают за мою компанию примерно половину ее реальной стоимости, о которой им прекрасно известно. Они знают что-то, неизвестное мне, или мы просто по-разному оцениваем доступные всем сведения?

А в середине августа и вовсе произошло нечто непонятное. Порт Кейптаун подвергся бомбардировке с воздуха! Откуда-то прилетела хорошо знакомая англичанам «эмка» и аккуратно положила десятипудовую бомбу чуть ли не прямо в трубу транспорту с войсками, собиравшемуся встать под разгрузку. Спасти удалось очень немногих из почти полутора тысяч солдат, находившихся на борту. А «эмка» спокойно улетела на восток, в сторону гор.

Если кто не понимает, чего ж тут удивительного, объясняю. Максимальная перегонная дальность самолета М-2 составляет семьдесят километров. То есть если он будет лететь по прямой и на экономической скорости до полной выработки горючего, то пролетит как раз столько. Максимальный радиус боевого применения – двадцать пять километров, это без всякого запаса на непредвиденные обстоятельства. Куликовский никогда не располагал аэродром дальше пятнадцати километров от линии соприкосновения войск. А до самой ближней к Кейптауну точки линии фронта было километров пятьсот! Этот кавалерист – он что, от великой

любви смог в двадцать раз увеличить дальность полета своей небесной каракатицы? Раза в два – я бы еще мог поверить, хоть и с трудом, но в пятьдесят – это далеко за гранью возможного. Скорее можно предположить, что он как-то ухитрился протащить разобранную «эмку» по тылам противника почти до самого Кейптауна, по-быстрому нашел место под тайный аэродром, собрал самолет и отправился бомбить вражескую столицу. Это, конечно, тоже фантастика, а главное – дальше-то что? Он снова разобрал самолет и поволок его по тылам обратно? Потому что англичане первым делом тщательно обшарили окрестности Кейптауна и ничего не нашли. И, наконец, генерал Максимов тоже ничего не знал! Ему было известно, что Куликовский со своим отрядом перебазировался под Дурбан. В настоящее время отряд в составе двух дельтапланов, трех пилотов и пятерых механиков находится месте дислокации, но ни Куликовского, ни его «эмки» там нет. Где они, никто якобы не знает. Насчет пилотов Максимов не уверен, но механики явно врут. Вот, собственно, и все содержание радиogramмы, пришедшей из Южной Африки.

Я ожидал, что англичане довольно быстро отреагируют на произошедшее, и не ошибся – ко мне явился английский посол Чарльз Гардинг. Похоже, у него было два задания – основное и дополнительное. С дополнительным он справился быстро, выразив глубокую озабоченность по поводу действий российских военнослужащих в Южной Африке.

– Давайте все-таки внесем ясность, сэр, – предложил я. – Куликовский – действительно российский офицер, но в настоящее время находится в отпуске по семейным обстоятельствам.

– Какие такие обстоятельства вынуждают его бомбить Кейптаун? – попытался возмутиться посол.

– Я же говорю – семейные. Открою вам тайну – он не только влюбился в мою сестру Ольгу, но и ухитрился добиться взаимности. Я вовсе не считаю, что счастье сестры нужно приносить в жертву династическим интересам, но все же не могу разрешить ей выйти замуж за простого офицера в невысоком чине. Но за признанного героя – совсем другое дело! Вот он и совершает подвиги во имя прекрасной дамы, как какой-нибудь рыцарь короля Артура.

– Но почему именно в Африке?

– А где еще ему развернуться? Боевые действия достаточной интенсивности сейчас происходят только там. Устройте войну еще где-нибудь, и он, вполне возможно, туда переберется.

– Но ведь из России недавно отбыли еще три аэроплана с экипажами!

– Может, они тоже в кого-нибудь влюблены? – предположил я. – Если

вам интересно, могу попытаться узнать.

Однако сэра Чарльза гораздо больше беспокоил основной вопрос из тех двух, с которыми он ко мне пришел, а именно – как вообще паровой аэроплан может пролететь такое расстояние?

– Понятия не имею, сам бы многое отдал, чтобы это побыстрее узнать, – совершенно честно ответил я и с чувством глубокого удовлетворения увидел, что Гардинг мне ни на йоту не поверил.

– Как только я что-нибудь узнаю, могу с вами поделиться.

И это тоже было чистой правдой. Обязательно поделюсь! Но, во-первых, не задаром, а во-вторых, не сразу, а в наиболее подходящее время. Но все же – что этот Ромео ухитрился сделать с бедной «эмкой», отчего она приобрела явные черты стратегического бомбардировщика? Не ядерный же реактор он поставил котел подогревать! Хотя, блин, в ЮАР уран точно добывался...

Глава 18

Давно, когда я еще был не императором, а всего лишь цесаревичем и первым советником при царствующем брате, я озвучил ему планы развития парламентаризма в России. Вот только царствовал Николай очень недолго, и все дела свалились на меня. Даже те, которые при нем особо и не выделялись – например, обеспечение собственной безопасности. И тот самый парламентаризм тоже, но, поглубже вникнув в проблему, я решил не спешить. Это ведь такое дело – вляпаться легко, а поди потом отмойся! Дело в том, что, как совершенно правильно сказал Маркс, труды которого я новой жизни изучал не менее прилежно, чем в прежней – бытие определяет сознание. Или, как задолго до него было постулировано в русском народном творчестве – сытый голодного не разумеет.

Но только став Аликом Романовым, я понял, почему классическая демократия хорошо работать не будет нигде и никогда. Даже если не только сами выборы, но и предвыборная компания пройдут абсолютно честно, хоть это и фантастика – все равно. Нищий не сможет стать депутатом, это требует средств. А у него их нет, и, главное, их в его избирательную кампанию никто не вложит. Потому что он, нищета голоштанная, выглядит плохо, вместо сюртука или фрака на нем черт знает что, да еще в заплатах, а живет он в такой заднице, к которой приличные люди с деньгами и близко не подойдут. Кроме того, любое дело требует определенной квалификации. Человек, не умеющий управлять даже велосипедом, а уж тем более чем-нибудь летающим, не годится на роль капитана воздушного лайнера. В жизни не стрелявший не из чего, даже из рогатки, сразу снайпером не станет. Не умеющий избираться избран не будет никогда, будь он хоть ангел во плоти по свои душевным качествам. А научиться стоит денег, которых у него нет.

Все вышеперечисленное означает, что даже в идеальном случае депутатом смогут стать люди только с доходами как минимум несколько выше среднего. А в неидеальном, как, например, в России двадцать первого века – существенно выше, причем за время депутатства эта разница еще вырастет. Учитывая же, что сознание народных избранников будет формироваться уровнем их доходов, а работать они хотя бы иногда будут сознательно, получаем вывод – никогда так называемые слуги народа в его интересах принимать решения не будут. Максимум, если они кристально честные – в интересах узкой прослойки с примерно такими же доходами,

как у них. Но так как идеал недостижим, реально они будут работать в интересах тех, кто им платит, а это еще повышает имущественный ценз выгодополучателей от работы депутатов всех уровней.

Все это, пусть интуитивно, народ прекрасно понимал, и во времена моей первой жизни мало было людей, относившихся к народным избранникам хоть с какой-то симпатией. Однако для достижения таких результатов органам народовластия пришлось в поте лица работать лет пятнадцать. Сколько за это время было принято дурацких законов и постановлений, просто подумать страшно. А не дурацких, но работающих исключительно в интересах людей с деньгами – еще больше.

И, значит, передо мной стояла не самая простая задача. Нужно было не только учредить парламент, но и сделать так, чтобы слово «парламентарий» сразу стало означать бессовестного коррупционера, да к тому же еще и далеко не гиганта мысли. Сразу, а не дожидаясь, пока эти типы добьются подобного результата сами, то есть нагородят такого, что придется потом разгребать десятилетиями!

В качестве советника я привлек Владимира Ильича Ульянова, ибо товарищ Ленин (он уже иногда использовал этот псевдоним) относился к буржуазной демократии не только не лучше, а даже, пожалуй, хуже меня. И был полностью согласен с тем, что вводить в России такую мерзость надо очень осторожно. А вообще, конечно, уверял меня Владимир Ильич, ориентироваться лучше на диктатуру пролетариата, которая со временем трансформируется в социалистическую демократию, лишенную врожденных уродств демократии буржуазной.

В отличие от собеседника, я не только имел о социализме теоретическое представление, но долго жил в нем, так что у меня столь радужная картина вызвала сомнения.

– Как пролетариат, имеющий в среднем неполное начальное образование, сможет хоть сколько-нибудь квалифицированно осуществлять свою диктатуру? – поинтересовался я.

– Поначалу ему в этом помогут представители других классов, сумевшие осознать историческую неизбежность краха капитализма. Я, например, как и многие мои товарищи по партии, не пролетарий, однако это не мешает нам бороться за лучшую жизнь для трудового народа.

Ленин немного подумал и на всякий случай добавил:

– Как, впрочем, и вам, Александр Александрович. Обозначенная же вами проблема действительно есть. И мы, коммунисты, видим выход во всемерном развитии всеобщего образования. Мы не идеалисты и не

считаем, что сейчас каждая кухарка или подсобный рабочий готовы к управлению государством. В этом мы, как ни странно, согласны с представителями высшего дворянства. Но мы отличаемся от этих господ тем, что требуем немедленного разрыва с предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы готовы бороться за то, чтобы как можно быстрее начать массовое обучение рабочих, солдат, крестьян и прочих трудящихся – в том числе и делу государственного управления. А предлагаемый вами, Александр Александрович, обратный имущественный ценз – это утопия, причем опасная. Тут просматривается широкое поле для злоупотреблений.

– Назовите мне хоть один аспект парламентской деятельности, где оно не просматривается, и я с вами тут же соглашусь. А пока мое мнение таково – распределение депутатских мест по имущественному признаку должно соответствовать таковому распределению по России в целом.

– То есть если, скажем, выяснится, что у нас три процента босяков, то три процента мест в будущем парламенте должны быть зарезервированы для них? – усмехнулся Ильич.

– Да, пожалуй, это будет слишком. И я все больше убеждаюсь, что сейчас всеобщее и равное избирательное право – очень вредная вещь. Нельзя давать право голоса пьяницам – им кто нальет, за того они и проголосуют. Образовательный ценз тоже нужен, ну куда же лезть голосовать, если даже читать не умеешь! Это, разумеется, будут временные меры. Когда-нибудь, когда все станут грамотными, умеренно пьющими и высокоморальными, их можно будет отменить. Однако как быть со вторым врожденным пороком демократии – тем, что, образно говоря, обещать – это еще не значит жениться? Ведь для того, чтобы завоевать сердца избирателей, вовсе нужно уметь ничего, кроме как фонтанировать красивыми обещаниями. Как по-вашему, кого скорее выберут – красавца-болтуна или прекрасного специалиста, но некрасивого и не умеющего вдохновенно вещать с трибуны?

– Александр Александрович, все решаемо, если заранее не опускать руки. Вы верно обозначили проблему, и я сейчас вижу два пути ее решения. Первый – это, не побоюсь такого слова, жесточайшая ответственность парламентариев перед избирателями...

– И перед монархом тоже, – кивнул я.

– Простите?

– Избирателям не так уж трудно задурить головы, – пояснил я. – Мне – труднее. А и им, и мне одновременно – и вовсе почти невозможно.

– Э... не исключая такого, но, с вашего позволения, я продолжу. Наверное, вы в курсе, что сейчас среди либеральной буржуазии пользуется заметной популярностью идея об ответственных перед парламентом министрах. Но тогда эта самая ответственность должна быть всеобщей! То есть пусть сначала парламентарии станут по-настоящему ответственными за свои деяния, тогда можно будет и доверить им контроль за министерствами.

– Ага, – с ходу оценил я идею Ильича, – пусть радеющие за ответственность начнут с себя. И если они зарвутся, а поначалу оно скорее всего так и будет, то мы их к ней и привлечем! Лет по пятнадцать, я думаю, господам хватит. Для начала можно условно, чтобы люди принимали более взвешенные решения. Ну типа проголосовал правильно – пока свободен, а нет – извольте отправляться по этапу.

– Эх, Александр Александрович, – покачал головой Ленин, – до чего же вы, батенька, любите все упрощать и утрировать! Ведь общее-то направление вы подметили правильно, но решения предлагаете архигрубые. Все то самое можно сделать тоньше. Наша партия уже неоднократно поднимала вопрос об организации народного контроля, но вы до сих тормозили эту инициативу как недостаточно проработанную. Так давайте начнем с малого – народного контроля за парламентариями!

– Давайте, – согласился я, – а как инструмент государственного контроля за ними я, пожалуй, создам парламентскую полицию, ведь против обычной у них должен быть иммунитет.

– Все-таки вы, по-моему, преувеличиваете действенность чисто полицейских мер, – вздохнул Ильич.

– Возможно, однако вы ее явно преуменьшаете. И, значит, достигнув консенсуса в этом вопросе, мы с вами добьемся оптимума, то есть золотой середины. В данном конкретном случае – нормально работающей Думы.

– Согласен, но давайте вернемся к принципам избрания приемлемых депутатов. С тем, что вы предлагаете поначалу ограничить избирательное право, я в принципе согласен, но этого совершенно недостаточно. Краснобаи смогут задурить голову кому угодно. Однако инструмент, препятствующий такому развитию событий, есть. Это партия. Если точнее, то Российская социал-демократическая рабочая партия. Внутри нее кандидаты будут выбираться именно по деловым, а не внешним признакам, а ход избирательной кампании покажет действительную степень ее авторитета в народных массах. Однако для этого нужно, чтобы она перестала быть нелегальной, то есть необходимо принять закон о разрешении партий вообще. Вот только, по-моему, спешить с ним не

следует. Это слишком важная новация, чтобы осуществлять ее второпях.

Ага, подумал я, Владимир Ильич своего не упустит. Ведь у него-то партия уже есть! Почти легальная. И если все остальные разрешить за день до начала избирательной кампании, то конкуренты просто не успеют должным образом организовать. Неплохо, тем более что и у меня тоже похожая ситуация. Трудовые союзы Зубатова – это по формальным признакам не партия, но избирательную кампанию они смогут провести на достаточно высоком уровне. А то ведь я хорошо помню, во что вырождаются выборы, когда их проводит компартия без всякой конкуренции. Хотя, с другой стороны, может, это и была настоящая демократия? Сходить в выходной в школу, где мимоходом бросить в избирательную урну бумажку с именем кандидата, про которого ты никогда ничего не знал и знать не желал, потом заглянуть в буфет, где можно затариться умеренным дефицитом и выпить пива. А вот когда пиво на участках продавать запретили, это и стало началом конца советской демократии.

Ладно, ошибок КПСС я повторять не буду. А вот как быть с теми, которые вполне могу сделать уже сам? Отвечаю. Если бы рядом не было Ильича многих ему подобных, которым я прощал довольно многое, то было бы совсем плохо – примерно как у Николая Второго в другой истории, где, похоже, до самого отречения никто ему так и не сказал, что он ведет себя как идиот. А если кто-то даже и сказал, то он не поверил.

Я, если мне такое говорили аргументированно, иногда верил. Вот только почему-то старые соратники видели мои ошибки значительно хуже, чем прикормленные оппозиционеры. Исключений было всего два – это Рита и Петр Маркелович. Но он уже старый, и область наблюдения у него ограниченная, а Рите, наоборот, пока часто не хватает опыта и экономической квалификации. Да и времени тоже, она ведь, кроме всего прочего, воспитывает наших детей.

У меня были планы принять конституцию (или даровать ее, как будет написано в соответствующем манифесте), в начале седьмого года, а учредить Госдуму (жаль, что Петр Маркелович отговорил меня от «Думосрата», все-таки какое емкое слово!) в середине шестого. И первой задачей молодого парламента будет именно подготовка текста конституции. Вот, значит, в связи с этими грядущими событиями и появилась необходимость в очередной личной встрече с Зубатовым. Так как он был в Питере недавно, а я, наоборот, не посещал Первопрестольную довольно давно, то туда отправился бывший студент, а ныне инженер-электротехник

Александр Демьяненко. Ну не под своим же именем туда ехать, как будто мало Москва на ушах стояла в последнее время. Встретились мы у Сергея на квартире, благо он недавно переехал и теперь жил с женой в пяти комнатах.

Так как его текущий отчет я уже читал, то сразу перешел к делу:

– Сереж, ты, по-моему, не совсем верно расставил акценты. Насчет того, чтобы в будущем парламенте оказалось побольше представителей рабочего класса из трудовых союзов, я согласен. А вот много крестьян там пока ни чему, для начала хватит голов десять-пятнадцать. С мерами же по воспрепятствованию попадания в парламент наиболее, как ты пишешь, одиозных личностей, я совершенно не согласен. Как же в Думе без мерзавцев-то? Кто там тогда будет воду мутить? Против кого рабочие и крестьяне должны объединяться, если там все будут белые и пушистые? Поэтому надо, наоборот, выбрать самых отъявленных из потенциальных кандидатов от имущих классов, отдавая предпочтение склочным, невоздержанным на язык и склонным к рукоприкладству господам.

– Ты хочешь, чтобы заседания превратились в балаган? – уточнил Сергей.

– Не совсем так. Я хочу, чтобы у нас была возможность их в него быстро превратить при необходимости. Мало будет балагана – пусть образуется цирк-шапито, а дальше, может, дело дойдет и до боксерского турнира. Чтоб, значит, когда понадобится, ни у кого не возникло сомнений, с чего это царь-батюшка накладывает вето за вето на решения парламента и вообще явно хочет его разогнать.

Пожалуй, настала пора объяснить, с чего бы это я решил проводить почти те же реформы и почти в то же время, что и Николай Второй в другой истории. Да потому, что необходимость-то в них была объективной! А то, что царь пошел на преобразования только под давлением нарастающего революционного движения после проигранной русско-японской войны, говорит только о его умственных способностях. Нельзя ничего делать под давлением! Если, конечно, не хочешь уронить авторитет власти ниже плинтуса.

Вот из таких соображений я назначил предварительные сроки. С одной стороны, уже пора, есть объективные предпосылки. А с другой – никто на меня не давил, это я сам уловил чаяния общества и пошел им навстречу. И, значит, потом можно будет с полным основанием ожидать от того самого общества ответных шагов.

Кроме того, в разделении властей вообще есть немалые плюсы.

Например, если какое-нибудь начинание увенчалось блестящим успехом, то ясно, что это произошло исключительно благодаря неустанным трудам государя императора. А если, наоборот, все пошло «как всегда», то чего ж вы хотели, с такой-то Думой? Ведь император теперь связан ее решениями.

Но, разумеется, такое положение само собой не возникнет, его надо тщательно готовить.

Вот, значит, поэтому я и не жалел времени, объясняя свою позицию Сергею Зубатову, наиболее вероятному кандидату на пост московского генерал-губернатора после того, как Бердяев уйдет на покой по возрасту. А может, со временем Сергей и до спикера верхней палаты дорастет.

Глава 19

Штабс-капитан Куликовский стоял на палубе германского торгового парохода «Драбант», любовался закатом, с легкой грустью вспоминал о своей «эмке» и вообще о том, что предшествовало недавно благополучно завершившейся авантюре.

Началось все еще в Гатчинском авиаотряде, где Николай познакомился с великим князем Георгием, недавно вернувшемся в Россию после того, как император простил его скандальную женитьбу. Сейчас он разрабатывал новый метод старта дельтапланов – с каучуковой катапульты с последующим приводнением в пруд. Куликовский даже совершил один такой полет и убедился в преимуществах подобного взлета. Более того, он считал, что катапульта не мешает и чисто сухопутным аппаратам. Ведь дельтаплану для взлета нужно больше двухсот метров ровной поверхности, а для посадки хватит всего пятидесяти. То есть применение катапульты позволит существенно снизить требования к летному полю, из-за чего в Южную Африку в числе прочего были взяты резиновые жгуты.

Однако они не понадобились – дело в том, что дельтапланы и самолет всегда базировались вместе, а «эмке» для разбега требовалось вообще триста метров. И с такой катапульты, как у Георгия, ее не запустишь, она почти в десять раз тяжелее дельтаплана.

Вот только не так давно Куликовский понял, что, похоже, резина все же скоро пригодится. Или какой-нибудь ее заменитель.

«Эмка» потихоньку умирала, несмотря на все старания Куликовского, золотые руки механика Прохорова и большой запас запчастей, снятых с ее сестры, разбитой в Гатчине. Все-таки двенадцать лет для самолета – весьма почтенный возраст, да и частые вылеты на бомбежки его сохранности не способствовали. Планер из-за постоянных подклеек то одного, то другого имел уже почти двадцать кило лишнего веса, а с моторами приходилось возиться после каждого полета, чтобы получить возможность совершить следующий.

– Кончается наша ласточка, Коля, – вздохнул Прохоров, вытирая перепачканные горелой касторкой руки. – Еще раза три она слетает, а дальше даже и не знаю. Не слышал, нам из Питера новую машину прислать не собираются?

– Собираются, причем не одну, – кивнул Куликовский. – Но эту «эмку»

все равно жалко. Как-то это неправильно, чтобы не в бою, а так... от старости.

– Типун тебе на язык! – возмутился Прохоров. – Надо же, в бою он погибать собрался.

Николай отшутился, но внезапно пришедшая в голову мысль не уходила. Раз уж так вышло, то пусть «эмка» слетает еще один раз – последний. Тем более что пироксилиновая бомба осталась всего одна, а остальные – пороховые, от них только дыма много, а толку мало. Правда, как уже говорилось, с резиновой катапульты «эмку» не запустишь... но это означает лишь то, что ее надо запускать не с резиновой. А какой? Ведь катапульта – это вообще-то древнее метательное оружие, далекий предок пушек. Были еще какие-то скорпионы, онагры и... да как же их там... а, требушеты! Где метание камня происходило за счет того, что камень находился на длинном конце балки, а короткий тянул вниз массивный груз. Так ведь и самолет можно метнуть подобным образом! Только используя не баку, а ступенчатый ворот. На его малом диаметре будет намотан трос с массивным грузом на конце, а на большой будет наматываться другой трос, не такой толстый и с крюком для самолета. Как только груз пойдет вниз, вращающийся ворот запустит зацепленный тросом самолет в воздух.

Куликовский прикинул, что его знаний хватит для того, чтобы в первом приближении рассчитать такую конструкцию.

Но сначала нужно побеседовать с Гельмутом, без его помощи ничего не выйдет, тут и думать нечего.

Гельмут Кюбе, с которым Куликовский познакомился сразу по прибытию в Дурбан, был ненамного старше него, но уже командовал немецким грузовым пароходом «Драбант». Он привез в Африку якобы провизию и медикаменты, но в это мало кто верил. Нет, немного тушенки и лекарств среди груза, конечно, имелось. Но основную его массу составляли ящики, подозрительно похожие на снарядные.

Разгрузившись, пароход никуда не ушел, а продолжал стоять, ожидая неизвестно чего. Команда скучала, а Гельмут сказал, что они ждут какой-то выгодный груз, однако в подробности не вдавался. Куликовский вообще считал, что немцы такие же торговцы, как он – доброволец, потративший свой случайный выигрыш в карты на благое дело. Но его это устраивало.

– Порт-Шепстон, говоришь? – хмыкнул Гельмут. – Он, конечно, близко, да только туда английские корабли заходят хорошо если раза три в год, а на складах нет ничего, кроме паршивого угля. Есть у меня мысль насчет цели получше, но тут надо сначала поговорить со старпомом. Так

что приходи вечером, часов в девять, тогда решим конкретно.

Куликовский кивнул. Да, капитаном был Гельмут, но он всегда советовался с герром Ульрихом Вайсом. И вечером старший помощник, выслушав Куликовского, немного помолчал и резюмировал:

– То, что Порт-Шепстон – дыра, ущерб от налета на которую будет даже меньше стоимости истраченной на него бомбы, сомнений не вызывает. Единственное достоинство – она рядом, всего-то шестьдесят миль, но ни одного недостатка это не искупает. Кейптаун со всех точек зрения выглядит гораздо привлекательней. Как вам такая цель, Николай?

– Так ведь это очень далеко, – немного растерялся Куликовский.

– Для аэроплана – конечно, а для корабля неполные восемьсот миль – это немного. Трое суток пути, да и то потому, что идти придется по дуге, дабы не встретиться по дороге с англичанами.

– Простите, но я вынужден спросить, господин Вайс. Неужели вы готовы гнать корабль в такую даль только для того, чтобы помочь не очень знакомому русскому?

– Во-первых, вы не какой-то там случайный знакомый, а знаменитый «капитан сорвиголова», мы ведь читаем газеты. Во-вторых, мы с вами союзники. В-третьих, Германия в этой войне столь же, скажем так, нейтральна, сколь и Россия. То есть ее нейтралитет довольно относительный. И, наконец, у нас самих там есть кое-какие дела, которые мы хотели проверить несколько позже, но не против и немного поспешить. Сколько времени вам понадобится, чтобы разобрать аэроплан и соорудить на корабле катапульту? Команда окажет всю необходимую помощь.

– Разобрать недолго, а на катапульту может уйти дня три. Но зачем разбирать самолет – неужели он целым на палубе не поместится?

– Затем, чтобы при случайной встрече в море никто не понял, что мы везем. Да и на сильном ветру разобранный и укрытый брезентом аэроплан в случае ухудшения погоды пострадает меньше.

На изготовление деталей для катапульты ушло два дня, а собирать ее решили уже в море, потому как никто не мог дать гарантии, что в Дурбане нет английских шпионов. Гельмут вообще был уверен, что они тут точно есть, из-за чего погрузка самолета со снятыми двигателями и крыльями производилась ночью. И, наконец, одним прекрасным ранним утром «Драбант» покинул Дурбан, а через трое суток лег в дрейф милях в сорока юго-западнее Кейптауна. Куликовский с помощниками закончили сборку «эмки» и установили ее на желоб, по которому она будет разгоняться.

Катапульту даже успели испытать, забросив в океан четыре связанных между собой мешка с песком на сколоченных наспех деревянных полозьях. Улетело довольно далеко, и появилась обоснованная надежда, что самолету энергии катапульты для взлета хватит с запасом. Правда, полозья от рывка развалились, но самолетное шасси было куда крепче, так что, наверное, выдержит.

Еще когда «эмку» только начинали собирать, немцы спустили на воду небольшой моторный катер, и он, почти неслышно урча мотором, бодро удалился куда-то на восток, в сторону берега.

– Да, – кивнул Гельмут, – мы же говорили, что у нас здесь свои дела. Если все пройдет нормально, то к полудню катер вернется, и ты можешь лететь. Ну, а если нет – придется подождать, но не более суток.

В полдень катер не пришел, однако часов в шесть вечера его, быстро приближающегося к «Драбанту», увидел сигнальщик.

– Вешаем бомбу, – скомандовал Куликовский.

Это была не такая уж простая задача, ведь бомба весила сто шестьдесят килограммов. Нет, подтащить-то нетрудно, это можно делать и вчетвером, но вот подвесить ее под брюхо «эмки» было не такой простой задачей. Дело в том, что из-за тесноты там могли поместиться только двое, причем далеко не самого богатырского телосложения, однако это была далеко не первая бомба, и методика имелась давно.

Еще раз проверив предохранительный штырь (пока он вставлен, бомба взорваться не могла – во всяком случае, по теории), бомбу подкатали под фюзеляж позади стоек шасси. Двое, скорчившиеся под фюзеляжем, завели под бомбу концы двух досок и начали командовать:

– Правые, жмите! Да сильнее, что вы как неживые? Левые, убавьте прыти. Правые, так держать. Левые, еще чуток... еще... хватит. Замрите!

Один за другим щелкнули два замка, на которых бомба повисла под фюзеляжем. Все отошли, и Куликовский лично проверил, все ли сделано правильно, ведь лететь-то ему. Так, замки защелкнулись нормально. Штырь на месте, и шнур от него идет в кабину. Николай залез туда, убедился, что деревянная груша на конце шнура находится там, где ей и положено, то есть в нише позади рычагов пара, потом повозился, устраиваясь поудобнее – до сих пор ему не приходилось летать в спасательном жилете. Вроде довольно тонкая одежда, но сидеть все равно приходится в несколько неестественной позе. А, ерунда, в любом случае это минут на сорок, не больше.

К почти готовому к взлету аппарату подошел Гельмут.

– Николай, с катера сообщили, что для тебя есть просто замечательная цель. В бухте ждет очередь на разгрузку пароход «Скоттиш Роуз», на нем – прибывшее пополнение во главе с генералом Китченером. Пароход довольно большой, серый, с двумя мачтами и двумя черными трубами с желтыми полосами. Там такой только один, но если не будешь уверен, что это именно он, лучше кидай бомбу по каким-нибудь целям на берегу. Утопишь кого-нибудь не того – англичане поднимут такой вой, что вам придется долго оправдываться.

– Спасибо, Гельмут.

И, уже Прохорову:

– Зажигай!

По этой команде механик разжег форсунки. Теперь осталось подождать минут пять, пока давление поднимется до нормы – и, как говорится, с богом, господин штабс-капитан!

Все, стрелка манометра заползла в самый край красного сектора и там остановилась. Куликовский махнул рукой, потом положил ее на рычаги управления паром. Сигнальщик, стоящий справа от катапульты, поднял флажок. Как только он его опустит, надо до предела двигать рычаги вперед, ведь по той же команде будет выбит клин, удерживающий груз катапульты. Якорь, какая-то допотопная бронзовая пушка, еще всякий металлолом, и все это перевязано проволокой.

Так, приготовились... вперед!

Рывок вышел довольно сильным, однако шасси, похоже, выдержало. «Эмка» не провалилась вниз, чего опасался Николай, но даже набрала метров двадцать высоты. Да, подумал штабс-капитан, такая штука была бы полезна и на суше. Только какой-нибудь другой конструкции, потому как не рыть же яму для груза! На корабле-то катапульта приподнята почти на семь метров над водой. Но об этом будет время подумать после возвращения, а пока – курс двести семьдесят один, скорость восемьдесят, набор высоты полтора метра в секунду до тысячи метров. Расчетное время подлета – девятнадцать минут.

Реально получилось меньше восемнадцати – очевидно, на высоте попутный ветер сильнее, но это означает, что на обратном пути этот ветер станет встречным. И где пароход, про который говорили немцы? Наверное, вот этот, других все равно в бухте нет. Тот, что стоит у причала, слишком мал, а этот в самый раз, и труб две. Жалко, но нельзя спуститься и рассмотреть его поближе, хотя... а почему бы и нет? Вряд и здесь англичане успели приобрести привычку встречать появившийся в небе

самолет залповым винтовочным огнем. Значит, можно атаковать не километра, а, скажем, с четырехсот метров. И если окажется, что это не тот пароход, можно будет успеть отвернуть и сбросить бомбу в море. Иначе никак, без бомбы «эмка» еще могла выйти из крутого пикирования, а с ней – вряд ли.

Ну, заход сделан, теперь рывок за шнур предохранителя. Посмотреть – действительно ли вышел штырь? Да, можно давать ручку от себя, но перед этим...

Куликовский привычно пробормотал «господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного», перехватил ручку левой рукой, перекрестился и ввел самолет в пике.

Процесс этот был чем-то сродни русской рулетке. Как уже говорилось, с бомбой «эмка», скорее всего, из пикирования не выйдет. И если не сработают замки, то бомба так и останется висеть под брюхом, причем во взведенном состоянии. Конечно, за исправностью замков тщательно следил и сам Куликовский, и старший механик Прохоров, но мало ли...

Корабль быстро вырастал в кольце прицела, и вскоре Куликовский убедился – тот самый, никакой ошибки. Рука почти без участия сознания дернула за рычаг сброса, и последовавший за этим двойной щелчок раскрывшихся замков прозвучал для пилота райской музыкой. Теперь – рычаги пара в нейтраль, ручку на себя, причем со строго дозированным усилием. Недотянешь – врежешься в воду, перетянешь – самолет может разрушиться от перегрузки. Впрочем, это далеко не первое пикирование на этом самолете.

Взрыв сзади Куликовский услышал, когда машина перешла в горизонталь, и он плавно двинул вперед рычаги пара. Теперь надо лететь аккуратно, максимально экономя остатки топлива. До «Драбанта» его, конечно, не хватит, но примерно на полпути должен ждать катер. Тот самый, что недавно ходил куда-то сюда и смог раздобыть сведения об английском корабле. Кстати, не катер ли вон там, чуть левее курса? Точно, он самый. Вовремя, а то керосина осталось совсем на доньшке, подумал пилот и начал прикидывать заход на посадку. Тоже кстати, не самая тривиальная задача – ведь садиться предстоит на воду, а вместо колес у «эмки» сейчас наспех выструганные из досок лыжи. Возможно, они помогут самолету удержаться на воде, пока скорость совсем не упадет. А потом, скорее всего, придется искупаться, как раз для этого и надет спасательный жилет.

К удивлению Куликовского, на лыжах самолет не только не собирался тонуть, хотя скорость упала уже до тридцати километров в час, но и

неплохо управлялся, так что на остатках керосина его удалось подвести почти вплотную к катеру. В общем, даже купаться не пришлось, только ноги промокли.

Тонула «эмка» долго – минут десять. Но вот, наконец, под водой скрылся высокий киль, и Николай, снова надев шлем, достал из кобуры «маузер» и троекратно выстрелил в воздух. Долгий и славный боевой путь самолета «эм-два-у» номер шесть был с честью завершен. Куликовский вытер непонятно с чего – наверное, от ветра – выступившие слезы и сел прямо на палубу. Напряжение, позволившее ему без ошибок провести этот самый сложный полет, ушло.

– Камрад, пойдем, тебе сейчас явно не помешает стаканчик-другой шнапса, – сказал капитан Кюбе и помог Николаю подняться.

В Дурбане пришлось первым делом объяснить генералу Максиму, что произошло в гавани Кейптауна, где почти треть авиаотряда болталась целую неделю и куда, в конце концов, делся самолет.

– Он все равно был совсем старый и готовый в любой момент просто развалиться, – закончил Николай свой доклад.

– Да уж, предупреждал меня государь, – вздохнул генерал. – Ладно, пока отдыхайте, а недели через две сюда должны прибыть три новых самолета с пилотами и механиками. Введете людей в курс дела, посмотрите, как они летают, после чего сдаете командование отрядом капитану Зайцеву и срочно отбываете домой, в Россию. До Гамбурга вас подбросит «Драбант», а там сами доберетесь. Вас вызывает лично его величество. Вопросы есть?

– Так точно! Ваше превосходительство, а вы не знаете, зачем?

– Точно не знаю, но предполагаю – не затем, чтобы отвернуть вам голову за ваши художества. Скорее наоборот. Так что не волнуйтесь зря, господин... э... просто капитан. Без «штабс».

Глава 20

Когда пришла радиogramма от Максимова о художествах Ольгиного жениха, я был уже в курсе – меня просветили немцы. Поначалу я даже удивился – надо же, не только у нас есть безбашенные авантюристы, но и у них тоже! Но довольно быстро понял, что никаким авантюризмом тут не пахнет. Зато явно чувствуется хорошая организация разведки. И надеяться, что самолет Куликовского не был подробнейшим образом сфотографирован как в собранном, так и в разобранном виде, как и его катапульта, было бы непростительным идеализмом. Небось еще и подробное описание составили того и другого, а заодно завели досье на самого Куликовского и его механика. С одной стороны, в «эмке» никаких секретов не было от рождения, оттого ее летные характеристики и получились столь убогими, так что никакого вреда от ее фотографий и описания не будет. Правда, неизвестно, как этот Ромео реализовал подвеску бомбы, но вряд ли он придумал что-то сверхъестественное. А уж про собранную на коленке катапульту по мотивам средневекового требушета и говорить нечего.

Однако мне стало просто завидно – вот почему у Вильгельма такое есть, а у меня нет? Этот вопрос я задал сразу и Максиму (по радио), и Редигеру (лично, причем на несколько повышенных тонах).

Оказалось, что и у меня тоже кое-что есть. Редигер довольно быстро раскопал, что на немецкую разведку работает не только «Драбант», но и еще три парохода – то есть все, задействованные на доставке всяких позарез необходимых вещей в Трансвааль. И финансирование у них такое, о котором он, Редигер, не может даже мечтать. Это был почти не завуалированный упрек мне, и я мысленно согласился с его справедливостью – но, как очень скоро выяснилось, несколько преждевременно.

Дело в том, что Максимов все-таки смог выяснить, чего ждал «Драбант» в Дурбане и зачем ему надо было в Кейптаун. Не озарения же русского штабс-капитана о полете в один конец дожидались капитан со старшим помощником!

Так вот, оказалось, что германская разведка успешно сочетала приятное с полезным. Полезным был сбор всяких интересных сведений, а приятным и даже очень приятным – улучшение ее собственного финансового положения. Вильгельмовские Джеймсы Бонды баловались контрабандой, причем плодотворно и с размахом.

Катер они посылали под Кейптаун за какими-то левыми алмазами, происхождение которых Максиму выяснить не удалось, а в Дурбане ждали (и в конце концов дождались) золото. Во всяком случае, вряд ли в четырех небольших, но очень тяжелых ящиках было что-то иное.

И вообще помаленьку выяснилось, что Вильгельм влез в южноафриканские дела куда основательнее, чем в другом варианте истории и чем поначалу казалось мне. Оказалось, что немцев в Трансваале воюет даже больше, чем русских. Просто наши официально были российскими добровольцами, а немцы – голландскими и почему-то шведскими. Причем маскировались они серьезно, при посторонних говорили только на языках стран-отправителей. А я-то все не мог понять, чего же забыли шведы на другом краю шарика! С голландцами как раз было понятно – буры их ближайшие родственники, поэтому я не исключал, что среди добровольцев, если хорошо поискать, можно будет найти и нескольких настоящих граждан Нидерландов.

Со мной все было в общем-то ясно – я помогал бурам по двум причинам. Первая – для отвлечения внимания Англии от дальневосточных дел, пусть ей найдется занятие поближе к метрополии и подальше от наших границ. И вторая – у меня там давно есть финансовые интересы, которые наверняка пострадают из-за оккупации бурских республик англичанами. До недавнего времени мне казалось, что у Вильгельма нет ни одной из этих причин, однако теперь это стало вовсе не очевидно. Во-первых, какие-то, пусть и неплохо замаскированные, денежные интересы у немцев проявились. Однако их одних для убедительного объяснения было маловато, и я тщетно пытался понять – от чего же такого важного для Германии Вильгельм хочет отвлечь внимание англичан? Будь на их месте французы, то тогда все было бы понятно – от Марокко. Хотя, пожалуй, если бы французы не имели поддержки англичан, Вильгельм вообще не подумал бы с ними считаться, так что и здесь вырисовывается достаточно правдоподобное объяснение.

С одной стороны, это неплохо, когда интересы партнера понятны и ни в чем не противоречат моим собственным. С другой – в хрен знает какой раз вновь встает вечный вопрос – в кого же это я такой дурак? Почему я озабочился узнать подробности только сейчас, а пока не приперло – даже ухом не вел?

Однако, поразмыслив, я отверг свой вопрос как риторический и провокационный, тем более что Вильгельм прислал мне личное письмо. В нем он сообщал, что в начале января ожидается приезд в Берлин президента Трансвааля. И что ежели мне интересно взглянуть на этого

типа, то он, Вильгельм, против моего визита совершенно не возражает. Официально это будет или нет – на мое усмотрение.

Угу, подумал я. Давненько не доводилось бывать в зоопарке! Вот только папаше Крюгеру будет слишком жирно, если полюбоваться на его немытую и небритую персону приедет аж сам император всероссийский. Однако у Вилли, кажется, скоро день рождения? А незадолго перед ним – юбилей Германской империи. Кстати, ей исполняется тридцать пять лет, это можно считать круглой датой, поэтому пусть Рита, которая еще не забыла, что по рождению она германская принцесса, да к тому же родная сестра Вильгельма, проявит широту натуры. Выкупит за свои деньги какую-нибудь картину из собрания Александра Третьего и преподнесет ее брату в ознаменование двойного юбилея. Но так как лично она ехать а Рейх не захочет, ибо у нее маленькие дети, то картину привезет в Берлин чиновник из МИДа Юрий Владимирович Андропов. Кстати, как же называется то полотно, что вызывает у меня наибольшее отвращение из всей коллекции? Мона... нет, Дона Нуда. Тьфу! Вот ее и подарить, хоть какая-то польза будет от этой мазни.

Вообще-то ехать или лететь пора уже на днях... пожалуй, лучше все-таки на поезде. Больно уж погода неустойчивая, нет никакой гарантии, что на дирижабле удастся долететь быстро. Да и вообще – долететь. А для такого ценного произведения искусства, как это издевательство над Джокондой, не жалко задействовать и спецпоезд. Небольшой, разумеется, вагона на три. Мне под видом господина Андропова там места хватит, а картине – тем более.

Все-таки визит под личиной имеет немало преимуществ. Например, не нужно присутствовать ни на каких официальных мероприятиях – картину Вильгельму торжественно вручил наш посол. А мелочи вроде Андропова по чину было разве что скромно стоять в сторонке, да и то не обязательно, чем я и воспользовался.

– Ну ты хорошо устроился! – заявил мне Вильгельм, когда на второй день моего пребывания в Берлине он все-таки смог выкроить время для беседы с глазу на глаз. – Бакенбарды не жмут?

– Сейчас – нет, я, честно говоря, про них даже как-то забыл. Поначалу – да, был кошмар, походишь в них полдня, так потом они насилу отклеивались, и прыщи вылезали чуть ли не по всей морде. Но наши медики и химики свои бутерброды с икрой кушают не зря. Сейчас используется какой-то липкий бальзам на основе меда и корня женьшеня, это такое довольно редкое дальневосточное растение, так с ним баки можно сутками носить, и коже от этого только лучше. Крюгер завтра приезжает,

ничего не изменилось?

– Нет. Пойдешь встречать?

– Пожалуй, схожу, один черт скучно, не все же время наливаться пивом с Тирпицем. Надо иногда и о печени подумать.

– Она-то тут при чем?

– Говорят, на нее выпивка очень вредно влияет.

– Вот смотрю я на тебя, вроде неглупый человек, даже, не побоюсь таких слов, один из двух умнейших монархов мира. А веришь во всякую ерунду! Ладно, давай перейдем к делу. Я так понял, ты решил провести внеплановую встречу потому, что поверил – буры все-таки могут победить?

– Нет, в основном меня интересует несколько иной вопрос. Зачем тебе их победа?

– Да ни за чем, если честно. Победят – их дело, но война в любом должна продолжаться подольше. Пока англичане увязли в ней по уши, в других местах они ведут себя не так нагло. В том же марокканском вопросе, это мы с тобой отдельно обсудим. А сейчас я хотел показать тебе вот что.

Он раскрыл папку, с которой пришел ко мне, и выложил лист с эскизами самолета в трех проекциях.

Так, прикинул я, вот во что можно превратить «эмку», если больше заняться нечем. Размах крыла увеличен раза в полтора, длина фюзеляжа тоже. Моторы, судя эскизам, поршневые с водяным охлаждением, развернутые, как и у «эмки», винтами назад. Стреловидность крыла еле заметная, но она, как и у моего прототипа, точно есть. Блин, где-то я такое недоразумение видел... да это же почти один в один Гота Г4. Читал я про такой самолет в прошлой жизни, немцы его сделали в конце первой мировой.

– Признаю, – заявил Вильгельм, – я, как многие, поначалу недооценил перспективы аэроплана господина Можайского и не понимал, чем он тебе так понравился. Однако события в Южной Африке расставили все по своим местам. К сожалению, машин без недостатков не бывает, и у «эм-два» они тоже есть. Главных, как мне доложили, два. Очень малая дальность полета и недостаточная грузоподъемность.

Первый связан с типом двигателей, паровые используют топливо менее эффективно, чем внутреннего сгорания. Понимая это, я дал задание Даймлеру разработать сдвоенный двигатель на основе твоего шестицилиндрового, предназначенного для дирижаблей. Он его выполнил, двенадцать цилиндров имеют общий картер и расположены буквой «V». Мощность – двести пятьдесят лошадиных сил, представляешь? Даймлер

обещает, что серийное производство начнется этим летом.

Знакомое дело, подумал я, немцы совершают ошибку, которую в другой истории сделали многие. Ставят двигатели водяного охлаждения на самолеты. Да, площадь лобового сечения у них меньше, чем у воздушных, но ненамного. На проценты, а далеко не в разы. Зато ниже боевая живучесть, да и с не боевой тоже вопрос. В результате после Второй мировой войны поршневые двигатели применялись довольно долго, но почти исключительно воздушные. Водяные сохранились только кое-где в легкомоторной авиации благодаря унификации с автомобильными двигателями. И ведь я союзников ни на что не провоцировал, сами догадались! Вот всегда бы так.

– Проект аэроплана разработал профессор Юнкерс, – продолжал Вильгельм. – Разумеется, он многое взял от твоего прототипа, ибо новое часто вырастает из хорошо зарекомендовавшего себя старого. Но все же это, ты уж меня прости, гораздо более совершенный аппарат.

Кто бы сомневался, подумал я. Юнкерс в полтора раза увеличил размах крыльев «эмки», оставив ширину как была. Получилось крыло с очень большим удлинением, что положительно скажется на аэродинамическом качестве, но резко отрицательно – на прочности и жесткости. То есть грузоподъемность, конечно, возрастет, но пикировать этот самолет не сможет абсолютно никак. В отличие от «эмки», которая теоретически тоже не могла, однако Куликовский ее заставлял входить в пике почти сто раз, и у него почему-то до сих пор не отвалились крылья.

А Вилли все не унимался.

– Теперь сообщу тебе не столь приятную новость. Англичане тоже сделали выводы из действий твоего авиаотряда, но они пока собираются повторить русскую конструкцию без изменений, за исключением двигателей. Парсонсу заказаны паровые турбины, а Максиму – двигатель внутреннего сгорания. Парсонс занимается проектом сам (я мысленно возликовал – значит, он будет уделять меньше внимания корабельным турбинам), а Максим поручил разработку некому молодому, но, говорят, весьма способному инженеру Генри Ройсу. Двигатель будет, как и у Даймлера, рядным и с водяным охлаждением, но подробности пока неизвестны. А потом они по результатам испытаний решат, что лучше. Возможно, начнут производить оба типа силовых установок.

Да уж, подумал я, если англичане начнут массово ставить на самолеты паровые турбины, все затраты на проектирование и производство «эмки» можно будет считать оправданными.

Вилли же наконец дошел до сути, то есть объяснил, с чего это он так

заинтересовался аппаратами тяжелее воздуха.

– Бомб самолет, конечно, поднимет значительно меньше, чем дирижабль. Но зато крылатые машины можно будет на корабле доставить в любую точку мирового океана! А корабль с элингом для дирижабля – это дело не самого близкого будущего. Запускать аэропланы можно с катапульты, а принимать на борт с воды при помощи крана. Один корабль сможет взять на борт до пятнадцати аэропланов, это уже подсчитано. Грядет новая эра в тактике морских сражений! И мы с тобой будем стоять у ее истоков! Можешь ли ты на месяц-другой отпустить в Германию своего героя, Куликовского? Для консультаций.

– Могу, конечно, но не сразу. Сейчас он готовится к свадьбе, я уже дал разрешение. Потом будет медовый месяц, после которого он напишет подробнейший отчет о своих геройствах. А вот после этого сможет и в Германию съездить. Или пусть молодожены проводят его у тебя в гостях? Вам же вроде некуда спешить – пока нет ни самолета, ни даже моторов. Впрочем, если считаешь, что дело не терпит отлагательства, отправляй для консультации своих специалистов в Гатчину. И о чем, кроме небесных дел, ты хотел со мной еще поговорить? Наверняка ведь не только и не столько о Южной Африке, сколько о Марокко.

– Ты, как всегда, зришь в корень, дорогой Алекс, – усмехнулся Вильгельм. – Лягушатники совсем обнаглели, предлагая протекторат султану Марокко! А ему гораздо более нравится германский, который я ему уже предложил. И, значит, позволь мне сделать небольшой экскурс в историю. Два года назад Россия стояла на грани войны с Японией. Разумеется, в том, что мир все-таки сохранился, сыграла большую роль высокая, благодаря твоим неустанным заботам, боеготовность русской армии и флота.

Про флот Вилли сообщил с такой миной, что было ясно – это он исключительно из вежливости. Ну да, по сравнению с темпами развития германского флота наши выглядели, мягко говоря, бледно.

– Но был и еще один немаловажный фактор, – продолжал вещать кайзер. – А именно – Германия, в моем лице категорично заявившая, что всякий, посмевающий напасть на моего царственного кузена Александра, будет немедленно иметь дело и со мной тоже.

Как же, подумал я, помню. Именно так все и было – не официальное заявление германского МИДа, а речь слегка выпившего кайзера при спуске на воду очередного крейсера. Ну типа, если все пойдет как-нибудь не совсем так, как хотелось, можно будет сказать, что Вильгельма неправильно поняли. Хотя, конечно, даже такое выступление свою роль

сыграло.

Однако не меньшее значение имела позиция Франции. Как раз тогда она предпринимала судорожные шаги по сближению с Россией, и кое-что у нее даже получалось.

Таким образом, из Лондона ситуация выглядела так. Если Япония объявит войну России, то воевать ей почти наверняка придется еще и с Германией. Вильгельм – он такой, трудно предугадать, что ему взбредет в голову. Без прямой военной помощи Англии исход борьбы будет очевидным. Но и с ней получается не очень хорошо, ведь за немцев в принципе может вступить Австро-Венгрия, а за русских – Франция, если они ей пообещают что-нибудь серьезное! Такое хоть и маловероятно, но все же возможно, лягушатники те еще политические проститутки.

Ну и мое воздушно-подводное шоу тоже сыграло какую-то роль, с этим трудно спорить.

В общем, тогда бритты решили не рисковать и придержали японцев. А теперь значит, Вилли надеется на мой ответный шаг? Вполне справедливо, и осталось только услышать лично от него, чего ему надо.

– Я хочу дать ясно понять лимонникам, – наконец добрался до сути Вилли, – что в случае поддержки ими французов по вопросу о Марокко Германская империя немедленно признает Трансвааль и установит с ним дипломатические отношения. И надеюсь, что ты готов пусть и не напрямую, но достаточно явными намеками заявить то же самое.

Ну что же, вполне ожидаемо. Это дело Вильгельма, и он, понятно, хочет вести сольную партию. Мне же от Марокко ничего не надо, даже мандаринов, потому что я их не очень любил в прошлой жизни и не изменил своего мнения в нынешней. И, раз уж Вильгельм предлагает мне место в подтанцовке, я не против. Спляшем как-нибудь с господином президентом, который, в отличие от другой истории, еще жив – возможно, что и медленный танец времен моей первой молодости. Вот только, нашептывая дядюшке Крюгеру на ушко что-нибудь соблазнительное, желательно все время помнить, что его зовут Пауль, а не Фредди. А то не хватало еще такое ляпнуть по невнимательности.

Глава 21

Вот что женитьба-то животворящая с человеком делает, думал я, глядя на вытянувшегося по стойке «смирно» Куликовского. Еще месяц назад при виде него у многих появлялась мысль – да кто же этому неоперившемуся юнцу догадался присвоить капитанский чин? Сейчас же если и возникал вопрос, то практически противоположный. Почему этот солидный авиационный капитан до сих пор не полковник?

– Вольно, капитан, присаживайтесь и чувствуйте себя как дома. И, если вам не трудно, удовлетворите мое любопытство – чем же вам не угодил уставной «пэ-эр», что вы ходите с маузером?

Сейчас, разумеется, собеседник был с пустой кобурой, оружие при входе в Гатчинский дворец положено было сдавать всем. Так что маузер остался на проходной – весьма весома дура с отвратительным балансом и рукояткой, лично мне более всего напоминавшей фарфоровую ручку бачка унитаза начала шестидесятых годов. Кто постарше, должен помнить – бачок сверху, а вниз свисает ручка на цепочке, и за нее нужно дергать. Даже, помнится, стишок про это какой-то был.

– Привык я к нему, ваше величество, в Африке. Прошу разрешения и здесь носить его в качестве личного оружия.

– Мы же одни, так что – Александр Александрович. Можно Сан Саныч. Ладно, носите, раз уж привыкли. А позвал я вас вот зачем. Великий князь Александр Михайлович хочет видеть вас своим заместителем по летной части. Это полковничья должность, так что подполковника вы получите довольно быстро, ну а там как служба пойдет. Но есть другое предложение – пилотом в личный его императорского величества авиаотряд. Это не совсем то, что можно подумать. Отряд, хоть и это и не афишируется, довольно большой. В него входят не только экипажи бортов номер один и номер два, но и заводские испытатели в Твери, и уже три эскадрильи штурмовиков, которые недавно начали разворачиваться в полки. Вам же предлагается должность пилота-испытателя на Тверском авиазаводе. Не слышали про него? И правильно, он секретный. Расположен, кстати, не в самой Твери, а в десяти километрах от нее, и считается вагоноремонтным. Там производятся значительно более совершенные машины, чем «эм-два».

– Теперь понятно, почему «эмки» десять лет подряд выпускались в почти неизменном виде и мизерных количествах, – кивнул Куликовский. –

Разумеется, я предпочел бы пойти испытателем на завод.

– Не спешите, тут есть две тонкости. Первая, возможно, не имеет для вас большого значения, но я ее все же озвучу. Подполковника вы там получите не так скоро, как у Сандро. И вторая. Тверь – это все-таки не Питер. Кроме того, авиазавод даже и не в Твери, жить вам придется в закрытом городке при нем. Вы об Ольге подумали?

– Простите, а закрытый – это как?

– Примерно как в Гатчине. Гости допускаются только по предварительной записи, жители могут в любое время городок покидать, но обязаны всякий раз сообщать на контрольно-пропускном пункте, куда и ориентировочно на какое время они отправляются.

– Ольга не раз говорила, что поедет со мной хоть на край света, – слегка обиделся за благоверную Куликовский. – Ей не нужны великосветские развлечения, тем более, что в этом городке мы, наверное, будем жить не в землянке и не в палатке.

– Да, поначалу в стандартном четырехкомнатном доме, а потом видно будет. И, раз с местом дальнейшей службы мы с вами определились, давайте перейдем к ее сути. Надеюсь, вы понимаете, что своим последним полетом вы доказали эффективность корабельного базирования авиации. Вот в этом направлении вам и придется работать. Для начала – как вы представляете себе боевой авианесущий корабль? Не поверю, что вы не размышляли на эту тему.

– Конечно, Александр Александрович, размышлял, чем же еще в плавании от Дурбана до Гамбурга заниматься. И пришел к выводу, что самоочевидным является следующее. Сам корабль – большой быстроходный транспорт наподобие, например, «Смоленска». На нем установлены четыре или пять катапульта для запуска самолетов. И еще один кран в дополнение к тому, что стоит на корме, для подъема самолетов с воды. Базироваться на корабле такого размера сможет до двадцати машин. Это я описал самое очевидное решение задачи. Оно пришло мне в голову первым – и, я так думаю, наверняка быстро придет еще кому-нибудь.

– Немцам уже пришло, они сейчас спешно именно такое и проектируют, – подтвердил я.

– Неудивительно, они, пока мы шли до Кейптауна, чуть ли не обнюхали каждый болт в «эмке» и особенно в катапульте. Однако на самом деле есть хоть и менее очевидное, но зато более эффективное решение. Взлетать не с катапульты, а с палубы, как с летного поля, и садиться на нее же. Вот только это, скорее всего, потребует специального корабля, переделкой имеющегося уже не обойдешься.

Похоже, мне не удалось скрыть разочарования – я-то надеялся, что концепция нормального авианосца родится еще не скоро. В другой истории она возникла лет через десять после появления первых авиаматов наподобие той, что описал мне новоявленный зять. А тут он же выдает идею сразу! Значит, и другие смогут, что не вызывает особого энтузиазма. Единственное утешение – может, он один такой уникален, что везде ищет какие-то свои пути? Не зря же, в конце концов, Ольга выбрала его из десятков маячивших у нее перед глазами корнетов.

Куликовский мое разочарование, похоже, заметил, но интерпретировал его неправильно, потому что начал объяснять:

– Ва... Александр Александрович, я знаю, что корабль с длиной палубы в триста метров сейчас построить невозможно. Может, когда-то в будущем... но ведь «эмка» далеко не самый совершенный самолет! Наверняка у новых моделей, если специально задаться этой целью, можно будет сократить разбег. Кроме того, каучуковая катапульта великого князя Георгия, хоть и не сможет запустить тяжелый аэроплан, сократить ему разбег будет в силах. А пробег, да еще без груза и почти без топлива, даже у «эмки» всего пятьдесят-шестьдесят метров.

Еще бы, подумал я, у нее паровые двигатели, которые реверсируются одним движением рычага. С бензиновыми ничего подобного сделать не выйдет. Впрочем, есть и другие методы торможения, так что продолжим оказавшуюся довольно увлекательной беседу.

– Хм... и каковы же, по-вашему, преимущества такого авианесущего корабля перед тем, что вы описали ранее?

– Тех, что видны сразу – как минимум два. Когда я садился на воду на лыжах, то волны создали мне некоторые трудности, а моряки мне потом сказали, что океан таким спокойным – два балла волнения – бывает редко. Да я и сам это видел. Это значит, что при трех баллах посадка будет сильно затруднена, при четырех – связана с большим риском, а при пяти и выше – невозможна. А посадка на поплавках даже несколько сложнее, чем на лыжах, я в этом уже успел убедиться.

Второе – во время приема самолетов корабль с катапультами и кранами должен стоять на месте, причем довольно долго, а с палубой в виде летного поля сможет двигаться, что сильно расширит ему возможности боевого маневрирования. И, наконец, я не уверен, но подозреваю, что и самолетов такой корабль сможет нести больше.

– Рад, что Ольга нашла себе столь сообразительного мужа. Если бы не она, вы бы так и продолжали с саблей на боку ездить на лошади, время от времени получая выволочки за излишнюю лихость. Тоже, конечно,

неплохо, но для державы предпочтительней тот вариант, что имеет место в действительности. Поэтому предлагая вам подумать, как можно искать и находить таких... в общем, наподобие вас. Достойное дело им найдется, причем не только в авиации. И еще один вопрос – надеюсь, вы не успели ни с кем поделиться своими мыслями о действии самолетов на море? Включая летный состав.

– Теми, что сейчас изложил вам – разумеется, нет. Другими – поделился. И с немцами, и в Гатчинском авиаотряде.

– Какими именно?

– Фюзеляж самолета сделать в виде лодки, а лыжи вынести по бокам только для поддержания устойчивости. Двигатели при этом придется вынести выше верхнего крыла, чтобы их не заливало.

– Вы понимаете, что при такой компоновке, во-первых, возникнут серьезные трудности для размещения бомб, а во-вторых, при взлете и наборе высоты двигатели будут создавать пикирующий момент? А при торможении – кабрирующий, что тоже не подарок.

– Разумеется, понимаю, но капитан «Драбанта» герр Кюбе как-то сказал мне, что германский технический гений сможет преодолеть любые трудности.

– Вот вы, значит, и решили – пусть преодолевает на здоровье, – усмехнулся я. – Неплохо. И, значит, вам теперь придется отрабатывать то, что вы мне сейчас с таким энтузиазмом изложили. Но сначала – подписать обязательство о неразглашении и получить допуск по первой форме. Раз уж Ольга вас будет почти везде сопровождать, то и она пусть подписывает, разве что ей хватит и второй формы. Объясните жене, что это очень серьезно.

– Э... ваше величество... а можно это сделаете вы? Она же вам сестра.

– Вот те раз! И когда это вы успели стать подкаблучником? Женились-то всего две недели назад! Ладно, я проведу беседу, но и вы ей сообщите, что, если она случайно проболтается, у вас будут очень серьезные неприятности. В общем, часть медового месяца я предлагаю вам провести в Германии, кайзер приглашает. О чем там можно будет рассказывать, мы еще поговорим. Из Берлина отправляйтесь в Бежецк, там пройдете переподготовку на новые машины. Не думаю, что у вас возникнут трудности, в пилотировании эти самолеты заметно проще «эмки». А потом – в Тверь. Там вы примете участие в сооружении макета взлетно-посадочной палубы и начнете отрабатывать на ней взлеты и посадки. Не ограничивайтесь ролью простого пилота – если вам придет в голову что-то интересное, не стесняйтесь это сразу выкладывать. Изобретать вы умеете,

тут сомнений быть не может.

Во так, подумал я, теперь главная надежда – на человеческий консерватизм. Это, кстати, довольно сильный фактор, часто приводящий к парадоксальным результатам.

Например, первые линзы были изготовлены еще в четырнадцатом веке. Люди быстро убедились, что в пределах фокусного расстояния линза увеличивает рассматриваемые предметы, а за ними – искажает изображения. И чем дальше рассматриваемый предмет от линзы, тем искажения сильнее.

Если сложить две линзы, то они будут сильнее увеличивать и сильнее искажать, это выяснилось быстро. И никому не пришло в голову сделать два простых действия. Первое – расположить линзы не рядом, а на некотором расстоянии одну от другой. И второе – посмотреть не на то, что под носом, а на предметы, находящиеся вдали. Почти триста лет люди вертели в руках увеличительные стекла и не догадывались, что у них есть все необходимое для создания подзорной трубы. А ведь она бы нашла применение и в четырнадцатом, и в пятнадцатом веках, но изобретена была только в шестнадцатом. Почему – да потому что все знали – линза искажает изображение удаленных предметов, а две делают это еще сильнее.

Есть и более показательный пример. Аристотель ошибочно насчитал восемь ног у мухи, и его ошибка была обнаружена аж только спустя две тысячи лет. Мало ли, что поймать муху никакого труда не составляет – сам Аристотель сказал, так что в чем тут можно сомневаться?

А задумался я об этом впервые давно, во времена первого детства. Учительница русского языка сообщила нам, ученикам, что прилагательные, образованные от существительных, пишутся с одним «н». Исключений всего три, и их надо просто запомнить – стеклянный, оловянный, деревянный.

Я тогда впал в недоумение. Как же так? Ведь слово «ох...нный» совершенно явно образовано от существительного, и в нем даже на слух две буквы «н». Так что же получается, этих исключений все-таки четыре? А может, больше?

Мне хватило ума не делиться своим открытием с учительницей, но этот случай я запомнил.

С тех пор я имел много поводов лишний раз убедиться, что инерция мышления – великая сила. И сейчас надеялся, что под ее благотворным воздействием все мои конкуренты еще долго будут строить авианесущие транспорты с катапультами и кранами для подъема самолетов с воды. А мы тем временем попробуем создать нормальный авианосец. Для начала,

конечно, небольшой, машин на двадцать, максимум тридцать, и не бронированный, даже такой корабль сможет эффективно действовать против линкоров.

Стоп, осадил я слишком уж развернувшийся полет мысли. А оно нам надо?

В другой истории осмысление морских сражений русско-японской войны привело адмирала Фишера к мысли о том, что нужен линейный корабль нового типа. Так родился «Дредноут» – родоначальник последнего поколения бронированных артиллерийских монстров, чье имя стало нарицательным. И только с появлением авианосцев эти военно-морские диплодоки сдали свои позиции.

Однако здесь-то никакой русско-японской войны не было! И Фишер, похоже, ни о каких дредноутах не помышлял. Вместо этого он усиленно продвигал концепцию линейного крейсера – то есть корабля с мощным главным калибром при полном отсутствии среднего, но такого, у которого бронирование принесено в жертву скорости. Его, кстати, в этом поддерживал Макаров, не так давно заявивший, что кораблю с мощным вооружением, в том числе торпедным, и высокой скоростью броня вовсе не нужна. Правда, в отличие от адмирала Фишера, Макарова в этом вопросе никто не поддержал. К тому же Фишер ратовал не за полную ликвидацию брони как класса, а только за ее некоторое ослабление.

Так, подумал я, надо постараться узнать, как по цене будут соотноситься дредноут и линейный крейсер. Скорее всего, они примерно равноценны по деньгам. Во всяком случае, в другой истории англичане долгое время считали линейный крейсер «Худ», утопленный «Бисмарком» с одного выстрела, лучшим своим кораблем. Вряд ли такое мнение могло сложиться о дешевом изделии.

И, значит, если цена у них примерно одинаковая, то пусть себе англичане строят линейные крейсера. Как только они в это дело ввяжутся, надо будет подкинуть Вилли идею хорошо бронированного дредноута как убийцы английских линейных крейсеров. Меньшая скорость хода им не мешает, ведь цели сами к ним придут – как тот же «Худ» к «Бисмарку». Потому что эти утюги будут охранять главную ударную силу будущих морских войн – большие авианосцы. Вот их-то выпускать в океан без охраны нельзя, в начале Второй мировой войны англичане в этом убедились на собственном горьком опыте.

В общем, пока будем отрабатывать взлет с макета палубы с трамплином и посадку с использованием аэрофинишера. Наверняка потребуются серьезные изменения в конструкции самолетов, да и

авиационные торпеды тоже нужны, а с ними у нас пока никак. А с постройкой авианосца лучше не спешить, дабы не навести забугорных флотоводцев на преждевременные мысли.

Впрочем, а почему бы не начать потихоньку строить корпус под видом императорской яхты? Тем более что у меня сейчас ни одной нет, и мне уже не раз намекали, что такое положение дел просто неприлично. Вот, значит, я и захочу себе не какую-нибудь мелочь, а сразу межконтинентальный лайнер с большой ровной палубой без выступающих надстроек. Мало ли, вдруг я там в футбол соберусь поиграть. Хотя нет, максимальная длина футбольного поля – это сто тридцать ярдов, то есть сто двадцать метров, для летной палубы слишком мало. Ну тогда пусть там будет мотоциклетный трек – его размеры я могу сам задать, никто мне тут не указ. Или лучше немного иначе – Рита любит кататься на мопеде, вот пусть она и выступает инициатором постройки корабля с местом для подобных развлечений. А я, как любящий муж, просто пойду на поводу у эксцентричной супруги. Тогда точно никто не подумает, что это будущий авианосец.

Глава 22

Люди, хоть сколько-нибудь изучавшие российскую историю в том мире, где я родился, знают, что причиной революции тысяча девятьсот пятого года была проигранная русско-японская война. Однако причина эта была не единственной – и, по моему скромному мнению, даже не основной. Основная же, как мне кажется, состояла в том, что либеральной буржуазии очень хотелось власти, а тут как раз в очередной раз увеличилось недовольство рабочих и крестьян текущим положением дел. Опять же из-за границы подкинули денег, а власти придерживающиеся демонстрировали непонимание обстановки, непоследовательность и нерешительность. Вот оно и полыхнуло.

Сейчас буржуазия никуда не делась и хотела того же самого. С деньгами из-за границы, конечно, было похуже, чем в другой истории, но все же перехватывать их полностью мои спецслужбы не могли, что-то доходило и до адресатов. Ну, а при желании спровоцировать народное недовольство нетрудно, для этого проигранная война не обязательна. Можно придумать и другой повод. Не уверены? Тогда попробуйте вспомнить развал Союза или недавние события на Украине.

Так вот, мне казалось, что события, в чем-то похожие на те, что были в иной истории в пятом году, готовятся и в теперешней, разве что с небольшим опозданием из-за отсутствия войны и недофинансирования. И я собирался по мере сил сначала принять участие в подготовке оных, а потом, если получится, снять максимум сливок с результатов. Ведь вовсе не всякая революция или бунт приносят державе вред! Тут многое зависит от времени, места и состава участников.

Вон, в Польше когда-то был свой парламент, своя конституция и даже своя армия. Однако двух восстаний хватило, чтобы все это ушло в область истории. Вот только процесс еще не закончен – с моей точки зрения, тут нужен был небольшой завершающий штрих. Для его наложения полноценное восстание не нужно, даже бунт необязателен, хватит просто достаточно массовых беспорядков. И тогда по результатам их подавления исчезнет последний атавизм давно прошедших времен – само название «Царство Польское» пропадет с карт и официальных документов, а словосочетание «царь Польский» – из моего официального титула.

В Прибалтике тоже не наблюдалось хоть сколько-нибудь заметного идеала, но там хоть на законодательном уровне почти все было

унифицировано с прочими территориями России. Однако в Финляндии...

Это была совершенно явная заграница внутри Российской империи. Финская конституция, финский парламент, своя, местная армия, которой ни военный министр, ни даже император командовать не могли, своя судебная система, своя пограничная стража и даже своя валюта – финская марка! Мало того, Александр Первый им даже Выборгскую губернию подарил, прямо как Хрущев – спьяну Крым Украине.

Никакой хоть сколько-нибудь эффективной таможенной службы на границе Швеции и Финляндии не было, и, чтобы пресечь поток контрабанды, ее пришлось создавать на границе Финляндии и России. Ну не маразм ли? Таможни внутри единого государства, как в какой-нибудь феодальной Франции времен самых первых Людовиков!

Мой отец, в отличие от деда, хорошо понимал нетерпимость подобного положения, однако сделать почти ничего не успел. Но я же еще в манифесте о восшествии на престол клятвенно обещал, что буду по мере сил продолжать дела отца и брата, так что на рубеже веков просто настала пора выполнять обещанное.

В тысяча восемьсот девяносто девятом году генерал-губернатором Финляндии был назначен Николай Иванович Бобриков. Я при назначении напутствовал его так:

– Вам ставится задача подготовить этот гнойник на теле империи к хирургическому вскрытию. Наверное, полностью сделать это не удастся, но любое движение по пути к унификации с остальными территориями империи будет во благо. Вот только прошу иметь в виду, что вы там сразу станете очень непопулярным человеком. А это значит, что вполне возможно покушение, и не исключено, что успешное. Учтите, что я такое развитие событий буду рассматривать как вашу служебную несостоятельность. Поменьше героизма, Николай Иванович! России и мне вы нужны живым.

– Ваше величество, вести себя как трес я не буду.

– Так этого никто и не требует, достаточно просто соблюдать разумную осторожность. Как я, например, ее соблюдаю. И не только в отношении личной безопасности. Ваша политика должна быть твердой, последовательной, но в то же время резких шагов лучше избегать. Знаете, как в авиации инструктор объясняет ученику, что значит «сделать быстро»? Надо делать все медленными движениями, но без перерывов между ними.

В общем, если по результатам вашей деятельности Финляндию можно будет быстро привести к общему для России знаменателю, я сочту, что вы свою задачу блестяще выполнили, и в долгу, само собой, не останусь. Если вы все же прозеваete покушение на вас, и оно станет успешным, это будет

уже не так хорошо. Сейчас России не очень нужны мертвые герои, живые предпочтительней.

Бобриков, судя по его дальнейшему поведению, проникся. Во всяком случае, покушений на него было уже три, и все неудачные, причем после каждого следовали массовые аресты.

Так вот, после того, как я объявлю о скором введении в России конституции, то есть высшего закона, по определению имеющего приоритет над всеми местными, сильнее всего возмутятся там, где эти самые местные сейчас часто превалируют над общероссийскими. То есть в Польше, в Финляндии и в Прибалтике.

Разумеется, в Средней Азии сейчас тоже тот еще гадючник, но там хоть своих конституций нет. И с людьми, знающими, что это такое, тоже очень плохо. То есть там не будет никакого возмущения просто потому, что никто не поймет, что же такое вводится в Петербурге.

Понятное дело, там тоже придется наводить порядок, но делать это прямо сейчас не следует. Лучше попозже. Не надо превращать во врагов одновременно все национальные элиты окраин Российской империи. Пусть превращаются по одной, так нам будет проще справиться. При помощи, как это ни странно, лейб-гвардии.

Ее командующий, дядя Володя, то есть великий князь Владимир Александрович, ныне лишился большей части не только влияния, но и здоровья. Причем, скажу без ложной скромности – во многом благодаря моим личным усилиям.

Старший сын великого князя, Кирилл Владимирович, после своей скандальной женитьбы был изгнан из России, и дядя Володя это очень тяжело переживал. Второй, Борис, тоже успел отметиться. В четвертом году, когда казалось, что вот-вот начнется война с Японией, он, видимо обуреваемый жаждой подвигов, добился перевода из флигель-адъютантов в армию – на Дальний Восток. Но войны как-то не случилось, так что Борис, дабы хоть чем-то заняться, начал волочиться за княгиней Гагариной, но вместо ожидаемой взаимности получил всего ишь пару пощечин, сопровождавшихся возгласом «хам и мерзавец!». История получила огласку, поэтому донжуана вызвал Кондратенко и устроил ему втык.

Борис, как и его родитель, особой остротой ума не отличался, поэтому спесиво процедил:

– Вы забываете, генерал, что общаетесь с великим князем!
– Что?! – охренел Кондратенко. – Сми-ирна!!! Как стоите перед непосредственным начальником? Молчать! Руки по швам!

Роман Исидорович, простая душа, считал, что о его праве личного

доклада государю и вообще о дружеских с ним отношениях в армии знают все, но, как оказалось, для некоторых этого было недостаточно. Идиот по имени Борис озверел, достал револьвер и выстрелил – правда, ухитрился промазать. В ответ Кондратенко, не будучи ни обделенным силушкой, ни испорченным великосветскими условностями, от души дал скандалисту в рыло, в результате чего тот с непривычки к подобным методам воспитания лишился сознания и двух передних зубов.

Вся эта история специально не планировалась и произошла как-то сама собой, так что от меня потребовалось всего лишь не позволить ее замаять, что было нетрудно. В результате Борис был признан душевнобольным и сейчас проходил курс лечения в Канатчиковой больнице в Москве, которой еще не было присвоено имя Кащенко. Ясное дело, дяде Володе это здоровья не добавило.

Его жена, великая княгиня Мария Павловна, оказалась замазана в скандале с мошенником и прохиндеем Папюсом, так что до недавнего времени из близких ни в чем таком не замешанным оставался лишь Андрей. Однако и он не придумал ничего лучше, чем вспылать чувствами и, главное, не стал держать это в тайне. И к кому? К скромнейшей, честнейшей и вернейшей Малечке, законной жене великого князя Сергея Михайловича! Скандал получился знатным. Еще бы, Рита с Юлей на подобных делах собаку съели, а исполнительница главной роли, Матильда, вообще была актрисой от бога.

В общем, в этой истории со здоровьем у Владимира Александровича было куда хуже, чем в той. Там он дотянул, кажется, до тысяча девятьсот девятого года, а здесь вопрос стоял проще – он доживет до следующего года или оставит нас безутешными уже в этом?

Никто бы не удивился и уж тем более не стал бы меня осуждать, освободи я столь больного человека от командования гвардией, но я с этим не спешил, ибо дорога ложка к обеду.

На место дяди Володи давно облизывался другой великий князь – Николай Николаевич младший. Сын Николая Николаевича старшего, который во время турецкой войны прославился ну прямо как у Высоцкого – «он там был купцом по шмуткам, ну, и подвинулся рассудком». То есть на снабжении войск он наварил столько, что его разум не выдержал и покинул своего столь вороватого носителя.

Так вот, дядя Коля-младший уже, наверно, лет десять вождеделел стать главным гвардейцем в России и никак не мог понять, дубина, отчего я, относясь к дяде Володе без всякого пиетета, с должности его так и не снимал. Да чтоб вам обоим было чем заняться! Подсигивайте лучше друг

друга, чем меня.

Давно замечено, что человек, наконец-то дорвавшись до реализации своей давней мечты, может на радостях наворотить глупостей – особенно если его вообще трудно отнести к гигантам мысли. И, значит, когда я наконец-то освобожу от должности уже полутора ногами стоящего в могиле дядю Володю, назначив на освободившееся место дядю Николашу, он обязательно возрадуется. А ведь подавлять бунты, когда таковые начнут вспыхивать один за одним, придется именно гвардии! Жандармерия и полиция не справятся, это проверено опытом революции пятого года, историю которой я изучал в школе и на первом курсе института. А вот у гвардии получилось неплохо, как следовало из упомянутого опыта.

Однако тут при внимательном рассмотрении обнаруживалось небольшое противоречие. С одной стороны, подавление должно происходить быстро и жестко, затягивание в таких вопросах чревато. А с другой – кто будет потом отвечать за неизбежные перегибы? Как-то ни к чему, чтобы меня со временем некоторые либерально мыслящие индивидуумы пытались назвать каким-нибудь «Александром Кровавым». Нет, они, конечно, быстро раскаются, условия создать не очень трудно, но зачем вообще до такого доводить? Лучше заранее подготовить козла отпущения, тем более что Николай Николаевич – последний из Романовых, до сих пор сохранивший какое-то влияние, независимое от моего. Привести его к общему знаменателю – и в семье наступит натуральная благодать.

И вот, значит... как оно там правильно говорится-то? Мое величество, осознав неизбежность перемен и вникнув в народные чаяния, наконец-то решило провести либерализацию внутренней политики Российской империи. То есть я издал указ, в котором ограничивал цензуру, разрешал создание политических партий и объявил о скором созыве органа подлинного народовластия (только не смейтесь) – Государственной Думы. Первой задачей которой станет разработка конституции – то есть высшего закона, имеющего безусловный приоритет над всеми прочими актами, уложениями и местными законами в империи. И уж где-где, а в Финляндии сразу поймут, чем это для них чревато.

В другой истории власть под давлением возмущенного народа вынуждена была пойти на созыв Госдумы и введение конституции. Мало того, что это не прибавило ей авторитета, так и размежевание сразу пошло самым для нее невыгодным образом. С одной стороны – народ, он за все новое и вроде как прекрасное против всего отжившего. С другой – правящая элита, она наоборот.

И у меня были планы разыграть все несколько не так, благо обстановка

позволяла. С одной стороны – власть в союзе со всеми прогрессивными силами общества, с другой – отщепенцы из того же общества. Кто-то будет противиться новому по дурости или просто от недостатка образования, а кто-то – из шкурных соображений, и одна из важнейших задач власти – не смешивать первых и вторых (а если кто-то где-то смешает, виноват будет дядя Николаша). То есть финны, по идее, будут бороться не против угнетающего их царизма, а против либеральных преобразований, поддерживаемых всеми здоровыми силами общества. И, значит, ату их, оголтелых реакционеров! Во имя грядущей социальной справедливости.

Правда, эти самые здоровые силы не сразу поняли всю глубину стоящей перед ними задачи и даже поначалу попытались слегка возмутиться, так что мне пришлось съездить в Зимний, где произошла встреча императора с политическими деятелями всех мастей, от либералов до монархистов, специально туда приглашенными.

Естественно, сразу же появились претензии. Основную озвучил Гучков – мол, избирательная кампания начинается через неделю, и как к ней можно успеть подготовиться?

В ответ я процитировал ему его же статью месячной давности, где он утверждал, что демократические преобразования в России запоздали как минимум на десятилетие.

– Неужели вы, Александр Иванович, хотите их еще отложить? – удивился я. – Мне кажется, что это не лучший выход. Просто потому, что введение конституции откладывать нельзя. И если ее проект не сможет подготовить Дума по причине того, что она будет еще не избрана, то этим придется заниматься специально назначенным мной людям. Так что, если вы действительно собираетесь принять участие в разработке судьбоносного для России документа, рекомендую поспешить.

– Спешка никогда до добра не доводила! – громко заявил какой-то толстомордый тип из заднего ряда.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил я.

– Морозов Савва Тимофеевич.

Вот чудеса, подумал я. Он же вроде как должен был помереть еще в прошлом году! Точно, в той истории было какое-то весьма подозрительное самоубийство, чуть ли не двумя выстрелами в затылок со связанными руками. А вот не надо было всяких эсеров финансировать! Так здесь, в этом мире, он что, сумел удержаться от опрометчивых шагов? И ведь, получается, благодаря мне. Вот что значит невнимательно прочитать список приглашенных, укорил я себя и ответил:

– Я, например, думаю над улучшением государственного устройства

России почти непрерывно уже не помню сколько лет. И господа либералы, если судить по их печатным выступлениям, только о благе страны всю жизнь и размышляли без сна и отдыха. И в этих условиях почти два месяца на избирательную кампанию плюс еще два – на разработку проекта конституции более чем достаточно. Ведь нужно не придумать что-то совершенно новое, а всего лишь связно записать давно придуманное и даже, не побоюсь этого слова, выстраданное! А ежели у вас такого до сих пор нет, то, наверное, это есть повод задуматься – а не совершаете ли вы ошибку, решив заняться политической деятельностью?

Произнося эту ахинею, я косился на сидящего в правом углу князя Ухтомского – мол, неужели непонятно, что пора задавать первый из заранее согласованных вопросов. Я, конечно, и на всякие непредвиденные отвечать могу, язык вроде подвешен более или менее правильно, но вам же самим придется в нужном ключе потом комментировать то, что я тут наболтаю!

Князь не подвел. Он встал, солидно прокашлялся (я даже подумал – сейчас бы ему еще и высморкаться) и провозгласил:

– Ваше величество, но ведь некоторые организации, формально не являющиеся политическими партиями, реально имеют практически все признаки оных! Например, трудовые союзы, пестуемые господином Зубатовым. И, значит, они изначально готовы к избирательной кампании лучше, нежели здесь присутствующие, которым еще только предстоит создавать свои партии. Не является ли это, так сказать, некоторой форой?

– Конечно, является, – с готовностью подтвердил я. – И это не только у Зубатова. Почти у каждого есть какие-то свои козырные карты, отсутствующие у прочих. Например, сравните тираж и популярность московской «Рабочей газеты» и ваших «Санкт-петербургских ведомостей». И какое издание будет иметь больше возможностей для предвыборной агитации? Или, например, кто сможет вложить больше денег в избирательную кампанию – тот же Зубатов или недавно выступавший здесь господин Морозов? Я считаю, что равные условия для всех кандидатов обеспечивает невозбранная возможность беспрепятственного применения их изначальных преимуществ. А народ – он, выслушав всех, и сделает свой выбор.

Глава 23

В мире есть немало вечных вопросов, однозначного ответа на которые до сих пор нет. Сможет ли всемогущий господь создать такой тяжелый камень, которого ему не поднять? Когда умрет последний дурак? Что появилось раньше, курица или яйцо? И есть ли жизнь на Марсе, в конце-то концов?

Пожалуй, к этой подборке можно приплюсовать еще один – что первично, внешнее воздействие на государство или его внутренние процессы?

Так вот, именно тут какое-то подобие ответа у меня было – они взаимосвязаны. Стоит только возникнуть каким-либо внутренним проблемам, как за кордоном тут же находятся те, кто начинает щедро финансировать их развитие, однако это только одна сторона медали. А вторая – если моя страна вдруг начнет кому-то очень сильно мешать, то этот кто-то не пожалеет денег, чтобы у меня на совершенно пустом месте возникли внутренние проблемы. И у него очень даже может получиться – если, конечно, я и мои компетентные органы будут дружно хлопать ушами.

Именно с таких позиций я рассматривал текущее международное положение России.

Да, у нее скоро появятся некоторые внутренние проблемы. Правда, они, мягко говоря, несколько специфичны тем, что в значительной мере будут созданы самой властью, причем с заранее обдуманной намерениями. Но ведь это мало кому известно! И, значит, я имел основания считать, что вскоре зарубежная помощь нашим революционерам, а особенно финским, польским и прибалтийским, будет существенно расширена. Потому что, во-первых, когда это за граница уклонялась от спонсирования внутрироссийских беспорядков? Что-то я такого не припоминаю. А во-вторых, в данный момент Россия ухитрилась основательно осложнить жизнь и Англии, и Франции. Ламсдорф (министр иностранных дел) даже утверждал, что на меня и Австрия за что-то обиделась, но я ему объяснил, что Франц-Иосиф был обижен на Россию с самого своего рождения, и раньше кончины обида у него не пройдет. Это просто свойство организма, ни к политике, ни к экономике отношения не имеющее.

Англия была сильно недовольна нашей помощью бурам, а Франция, по идее, должна была ощутить раздражение от моих заявлений по поводу

набиравшего обороты Марокканского кризиса. Что, как мне казалось, обязательно приведет к тому, что обе эти державы увеличат финансирование нашим революционерам. Уже были разработаны планы, как большую часть этих денег слегка перенаправить, но – фиг вам! То есть нам. Вместо увеличения финансирование было сокращено, а ведь оно и до того размахом как-то не потрясало. Я даже начал подозревать – в Париже и в Лондоне догадались, что грядущее возмущение народных масс в определенных местах будет носить искусственный характер, но все равно побудительных мотивов англичан и французов понять не мог. Хорошо, пусть беспорядки задумываются мной как управляемые. Так ведь добавить денег участникам, и я это самое управление могу потерять! А вместо этого срезают даже те крохи, коими наши прогрессивные силы пробавлялись до того. Где логика, кто б мне объяснил?

Однако никто этого не сделал, так что размышлять пришлось самому. Примем как аксиому, что даже мыслей помогать России за кордоном ни у кого нет, и будем исходить именно из этого. Итак, снижение расценок должно принести вред империи. Какой именно? Ну, например, эсеры тогда вполне могут начать баловаться экспроприациями, чем они пока еще не увлекаются. Это будет не очень приятно, но не сказать что катастрофично, так как боевиков у них далеко не бесконечное количество. И если они начнут еще и грабить, то, значит, число терактов уменьшится, ибо исполнителей-то больше не станет. Зато стрелять на месте преступления грабителей даже немного проще, чем террористов, ибо террористу надо унести с места преступления только себя, да и то для особо идейных это не обязательно, а грабителю придется удирать с деньгами. Нет, в качестве основного мотива это как-то не тянет.

Понимание обстановки пришло ко несколько позже. Я бы даже сказал, несколько позже того, как вся необходимая для выводов информация оказалась в моем распоряжении. Ну что поделать – случаются иногда со мной приступы тугодумия. Хорошо хоть, что не каждый день.

Весной шестого года я обратил внимание, что наши корабли как-то подозрительно легко ходят в Лоренсу-Маркиш – португальский порт на юго-востоке Африки. Грузы в Трансвааль чаще всего шли именно так, потому как отправлять что-то прямо в Дурбан означало самым подставиться под обвинения в военной контрабанде с последующей конфискаций пароходов и дипломатическими неприятностями. Нет уж, лучше пусть одна нейтральная страна – Россия, поставляет другой нейтральной стране – Португалии всякие товары народного потребления типа пулеметов, пироксилина, медикаментов и запчастей для летающих

паровозов. Здесь англичане прямо ничего сделать не смогут, но ведь они и не прямо ничего не делали! Не организовывали нам никаких трудностей при проходе черноморских проливов и Суэцкого канала, хотя могли, не мешали получать уголь на маршруте, крайне редко останавливали наши суда уже в Индийском океане. Да и то потом с извинениями отпускали. Я поначалу решил, что это они просто пока не успели толком развернуться, но со временем обратил внимание, что немцам-то они пакостят давно и по полной программе.

Потом Вильгельм заявил о своей готовности признать Трансвааль и Оранжевую республику, и тут же получил ноту от англичан, где говорилось, что, принимая во внимание изначальный вассалитет бурских республик по отношению к Великобритании, правительство его величества рассматривает это как крайне недружественный шаг. А когда я на следующий день сказал почти то же самое, что Вилли, да еще и снялся под ручку с широко улыбающимся Крюгером, и эта фотография была опубликована в газетах, мне они и полслова не сказали! Может, это они так хотели меня слегка оскорбить – мол, твои жалкие инициативы не стоят нашего просвещенного внимания? Да нет, непохоже. Мое величество ведь не первый год в императорах, и не то что англичане – даже румыны, и те знают, что я оскорбляюсь только тогда, когда это может принести хоть какую-то выгоду, а во всех остальных случаях Александр Четвертый выше подобных мелочей.

В общем, поняв, что сам вместо прояснения вопроса в нем скоро окончательно запутаюсь, я обратился за консультацией к Ламсдорфу, но он начал нести какую-то чушь о необычайно возросшем под моим мудрым управлением международном авторитете России. Оставалось обратиться к Рите, что я и сделал.

– Знаешь, – сообщила мне супруга, – у меня в последнее время сложилось впечатление, что тебя хотят поссорить с Вилли. Не Россию с Германией, а именно вас! Причем, пожалуй, в обратном порядке, то есть Вильгельма хотят поссорить с тобой. Ты, кажется, не учиываешь один весьма существенный фактор. В свое время Бисмарк сказал, что в любом равноправном союзе всегда присутствуют две стороны две стороны – наездник и ишак. Так вот, Вилли с этим всегда был интуитивно согласен. Более того, он никогда ничего иного, кроме как себя в роли наездника, и не представлял! Как по-твоему, почему его союз с Австрией оказался столь прочен? Да потому, что Франц-Иосиф, один раз потерпев не очень серьезное поражение от германской армии, с тех пор никогда не помышлял об амплу наездника. А ты, дорогой, по-моему, прикладываешь

недостаточно усилий для того, чтобы казаться ишаком. Роль поручика Ржевского тебе удавалась гораздо лучше. И англичане, кажется, решили на этом сыграть.

Кстати, насколько я в курсе, к тебе на прием опять Гардинг записался? Похоже, хочет предложить тебе еще что-то привлекательное. Если так оно и будет, значит, я права.

– Похоже на то. И что предлагаешь делать? Ну не бежать же к кайзеру с криком «Вилли, ты ошибаешься, я вовсе не наездник, а самый натуральный ишак!».

– Нет, – после непродолжительного раздумья выдала Рита, – лучше пусть все пойдет наоборот. Не ты побежишь к Вилли, а он приедет к тебе. И убеждать тоже начнет он. В том, что его сестра, а ныне русская императрица, то есть я, с детства отличалась повышенным властолюбием.

– У него что, склероз? Не так уж давно было твое детство, чтобы забыть, как там было на самом деле.

– Не требуется ничего забывать, из нас, трех сестер, выросших рядом, я была пусть и не лидером, но кем-то близким. Просто потому, что старшие часто ленились настоять на своем, а я – никогда. Вильгельм иногда даже называл меня «маленькая стальная леди».

– Надо же, мне казалось, что это ты только в России, под моим благотворным влиянием, стала такой, а на самом деле я просто пришел на готовое. Спасибо, учту.

– Пожалуйста. И, значит, есть возможность представить дело так, что это не ты по своей воле иногда ведешь себя так, будто являешься главным в вашем с Вильгельмом союзе, а я тебя незаметно науськиваю. И англичане своими подачками готовят подходы не к тебе, а вовсе даже ко мне. Но как конкретно всего этого достичь, я пока не знаю, тут надо думать вместе. И неплохо было привлечь твою маман, вот только не знаю, можно ли ей доверять секреты такого уровня.

– Пожалуй, я к ней на днях съезжу, по части тонких интриг она действительно большой спец. Кстати, и Юля тоже не лыком шита, а уж ее точно можно привлекать, она не из болтливых, это проверено, и не раз.

Про себя же я подумал, что и в другой истории произошло нечто подобное, причем примерно в это же время. Англия тогда довольно резко сменила отношение к России с крайне недружественного на более чем лояльное. А тот Николай и уши развесил! Именно тогда в русско-германских отношениях произошел надлом, который в четырнадцатом году достиг максимума, то есть военного противостояния. Правда, там это произошло сразу после того, как Россия проиграла русско-японскую войну,

и я считал, что эти вещи как-то взаимосвязаны. Оказывается, нет, но разве это на что-то влияет? Ладно, с этим потом, а пока нужно сделать вот что.

– Рита, мне, конечно, тебя жалко, но, похоже, придется на тебя взвалить и еще немного. Неплохо бы иметь хоть какие-то доказательства, что на самом деле моими южноафриканскими активами распоряжаешься ты, а я только иногда ставлю подпись, где мне покажут. Я своих тоже озадачу, но и тебе придется поработать.

– Согласна, сегодня же возьмусь. Ты хочешь получить что-то до встречи с Гардингом?

– Разумеется.

– Если он не будет так уж спешить, то можно успеть. Но тебе придется на несколько дней заняться чем-нибудь, что исключило бы возможность его приема. Съездить или сплавать куда-нибудь поохотиться, например.

– Еще не хватало! Больно жирно будет, если я из-за какого-то английского посла начну убивать ни в чем не повинных зайцев или, упаси господь, оленей пополам с медведями. Нет уж, я лучше просто заболею. Самое время, Боткин в командировке, остальным врачам я не доверяю, поэтому ничто не помешает мне слечь с приступом инфлюэнцы. А к приезду Боткина как раз успею выздороветь сам собой.

– Симптомы-то хоть знаешь?

– Обижаешь! Хотя, пожалуй, на всякий случай не помешает освежить память. У тебя какой-нибудь книжечки на эту тему не найдется? Вот только к маман придется съездить до болезни.

– А не лучше ли будет, если она приедет к тебе? Будучи в беспокойстве из-за нездоровья любимого сына, решит его навестить. Такой визит будет смотреться более естественно, нежели твой к ней.

– Ты, как всегда, права. Ладно, я пошел готовиться к заболеванию, так что до вечера, дорогая. Надеюсь, ты не оставишь меня в одиночестве на смертном одре?

Мать приехала в Гатчину на следующий день в четвертом часу пополудни.

– Не похож ты, Алик, на смертельно больного, – вздохнула она, когда мы остались одни. – Ну ни капельки.

– Так я же не смертельно, мне все равно к понедельнику выздоравливать. И вот, значит, какие у нас тут происходят довольно интересные дела...

Вдовствующая императрица слушала внимательно, иногда задавая короткие вопросы по делу, и никаких эмоций не проявляла. И даже самый главный вопрос текущей беседы в ее исполнении звучал так, будто она

интересовалась моим мнением о погоде.

– Правильно ли я понимаю, Алик, что ты предлагаешь мне вступить в твой ближний круг? Со всеми сопутствующими этому как преимуществами, так и недостатками? Из которых главный состоит в том, что, если у тебя появятся даже не доказательства, а всего лишь обоснованные подозрения в моей нечестной игре, со мной произойдет несчастный случай?

– Вы совершенно правы, маман. Что до озвученного вами недостатка – вы же разумный человек и наверняка не станете доводить меня до греха. Во всяком случае, я на это очень надеюсь. Ну, а что вы можете сказать по существу проблемы, суть которой я вам сейчас вкратце изложил?

– Мы же вроде никуда особенно не спешим? Ужин еще не скоро, и, пожалуй, я начну издалека. Знаешь, а ты ведь сейчас предлагаешь мне, чего так и не смог дать твой отец. Он категорически не желал допускать, чтобы я принимала участие в управлении государством, и мне приходилось действовать непрямыми методами. Тебе поначалу тоже, но в последние годы жизни Саши ты уже пользовался его абсолютным доверием и имел определенную самостоятельность. И ты предлагаешь мне сыграть при тебе ту же роль, что ты сам играл при Александре Третьем и совсем недолго – при Николае.

– Не совсем так, маман. Никаких, как вы сказали, не прямых методов, то есть попыток скрытого манипулирования, не нужно – я этим и сам неплохо владею, так что толку все равно не будет, а наши отношения могут испортиться. Если вам покажется, что меня нужно в чем-то убедить, так и говорите. Мол, дорогой сын, я считаю, что в такой-то и такой-то ситуации тебе лучше вести себя так-то и так-то. А потом – ваши аргументы. Если они окажутся достаточно убедительны, то я не вижу причин ими не проникнуться.

– Ну что же, тогда начнем. Итак, дорогой сын, я считаю, что в данном вопросе вы с Маргаритой проявляете хоть и вполне объяснимую, но все же совершенно излишнюю узость мысли. Ты в общем-то правильно считаешь, что сможешь убедить Вильгельма и англичан в том, что энергичная, умная, расчетливая и циничная императрица потихоньку прибрала к рукам императора и теперь достаточно свободно им манипулирует. Так?

– Так, и где же здесь узость?

– Сын, сколько императриц в России?

– О... две.

– Вот именно. И в каких же качествах из тех, что я сейчас обозначила в отношении твоей жены, ты отказываешь мне?

– Ни в каких. Так значит, вы предлагаете...

– Наконец-то догадался. Почему бы нам с Маргаритой не быть союзницами? Цели-то во многом совпадают! Я не спорю, что с немцами лучше общаться ей, но англичан вполне могу взять на себя я. Надеюсь, ты еще не забыл, за кем замужем моя старшая сестра.

Вот так и родилось то, что в Европе одно время считали «заговором императриц», а на самом деле это была всего лишь операция под кодовым названием «Трест».

Глава 24

Негромко стрекотал кинопроектор, а я сидел в полутьме с интересом взирав на экран. Нет, там шел не художественный фильм. Их к текущему моменту уже сняли не то пять, не то шесть штук, но столь убогих, что смотреть было решительно невозможно – во всяком случае, мне. Куда там еще неопытным сценаристам до великолепных картин, кои нам демонстрирует повседневная жизнь! В частности, вот до этой, под рабочим названием «Двенадцатое пленарное заседание Государственной думы». Правда, фильм был немой, аппаратура для съемки звуковых пока еще не вышла из стадии экспериментов, но тут и без звука все смотрелось замечательно. Зато у нас в России изначально было принято двадцать четыре кадра в секунду, так что движения в фильмах были вполне естественными.

На экране разворачивалась дискуссия между конституционными демократами и монархистами. Правда, было не очень ясно, по какому именно вопросу, однако зрелищности это нисколько не умаляло.

От монархистов главную роль явно играл Пуришкевич, у кадетов однозначного лидера не замечалось, да и вообще выступали они, скажем прямо, бледновато – без огонька и неубедительно. Зато их было много, демократы брали числом.

Депутаты же от трудовых союзов демонстрировали явную растерянность. Они, бедные, просто не могли понять, что происходит. Похоже, из-за недостатка политического опыта рабочие представляли себе работу главного органа народовластия несколько иначе, однако некоторые все же втянулись в обсуждение. Правда, со стороны так и не определились – двое совершенно однозначно и довольно результативно поддержали монархистов, а один, но зато самый здоровый – кадетов.

Но Пуришкевич-то, Пуришкевич! И ведь поначалу казался таким рафинированным интеллигентом в пенсне, да и сложения довольно сублильного, а смотри, как зажигает! Честно скажу, я в нем не подозревал такого полемического задора и, не убоюсь этого слова, даже таланта. Как он апперкот провел, а? Прямо-таки одно удовольствие смотреть! Оппонент вдвое его шире и, наверное, настолько же тяжелее, однако брякнулся на пол и лежит, слегка сучит ножками. А Пуришкевич, не упуская инициативы, крутнулся на каблуках и ловкой подножкой подбил ногу еще одному кадету, помельче первого. И, пока тот падал, успел зарядить ему в печень, так что и

этот прилег отдохнуть. Не как первый, в рост и раскинув руки, а в позе эмбриона.

Однако против рабочего класса Пуришкевич все-таки не потянул. Тот здоровенный трудовик, что вступил в полемику на стороне кадетов, раскрутил стул и запустил его в главного монархиста. Причем стул был не какой-нибудь венский, который даже ребенок сможет поднять одной рукой – нет, это было монументальное произведение столярного искусства. И от кресла оно отличалось не габаритами и весом, а всего лишь отсутствием подлокотников.

В общем, эта весома мебель вошла в соприкосновение с лысиной Пуришкевича и повергла героя, сама при этом развалившись.

– Он хоть жив? – спросил я Зубатова, который организовал и съемку, и данный показ. Да и развитию сюжета явно руку приложил, насколько я понял.

– Жив, чего ему будет с такой малости. Оклемался к концу заседания и даже рвался вновь принять в нем участие, но его соратники как-то уgomонили. Больше всех пострадал Гучков – сотрясение мозга, выбитый зуб и два сломанных ребра. Ну и еще Родзянке основательно досталось по причиндалам.

На экране тем временем продолжалось действие, но уже без прежнего накала страстей.

– Стоп, можно отмотать на несколько секунд назад? Ничего, я подожду.

– Что-то интересное? – спросил Сергей.

– Сейчас увидишь. Вон, смотри в левый угол!

Там некий господин, увернувшись от пролетавшего графина, пал на четвереньки и, быстро прошмыгнув под столом, в темпе покинул президиум.

– Это Ильич, – объяснил я. – Так что этот кусок из ленты, предназначенной для публичного показа, лучше вырезать. Все равно тут особого драйва нет, авторитет же главы коммунистов ронять пока рано. Может, когда-нибудь потом, в преддверии светлого будущего... кстати, а чем все кончилось?

– Ущербом имуществу на четыреста с небольшим рублей и переносом заседания на послезавтра. Плюс еще Милюков оштрафован на сотню за то, что громко ругался матом, и двух репортеров лишили аккредитации – они его перлы записали дословно, остальные же, как приличные люди, обошлись иносказаниями.

– Надо туда подешевле имущество выделять, – вдохнул я. – Наверняка

же это не последний диспут. Зачем, например, там такие роскошные стулья? С моей точки зрения, и табуреток хватит, они летают не хуже. А при необходимости их легко привинтить к полу. И, кстати, чего это у тебя трудовики выступали так неорганизованно?

– Как раз наоборот, если бы они поддержали одну какую-то сторону, она получила бы решающее преимущество, и действие быстро закончилось бы. А так добавили и тем, и тем поровну, ведь товарищ Васечкин один стоит двоих.

Все это на самом деле было реализацией «плана Б». То есть изначально предполагалось, что события могут пойти тремя различными путями. Первый – оптимистичный, он же «план А». Подразумевал, что Дума в установленные сроки рассмотрит проект конституции и примет его за основу (естественно, тот проект, что разрабатывали подчиненные Зубатова во главе с Львом Кориным, он же Николай Морозов). Однако столь благостная картина как-то не сложилась – больно уж много партий пролезло в парламент.

Ну, появление там приличного количества членов трудовых союзов никого не удивило. Десяток депутатов от РСДРП – тоже, хотя это была не совсем та РСДРП. Перед самыми выборами в партии произошел раскол, но не на большевиков и меньшевиков, а на социал-демократов и коммунистов. В чем состоят их теоретические разногласия, я так до конца и не понял, ибо гораздо более важным явно был другой вопрос – а кто тут будет главным? Именно по нему консенсус не получился, отчего партий и стало две. Старое название приватизировал Плеханов, но до единства в новой-старой партии было далеко, ибо Георгия Валентиновича активно подсиживал Мартов, а Дан с Церетели вообще пытались сколотить какую-то свою фракцию. Интересно, этот Церетели – предок того самого, или просто однофамилец? Как бы он кошмарные статуи не начал строить, надо его чем-нибудь поплотнее занять.

Ленин же стал главой ВКП, то есть Всероссийской Коммунистической партии, но она особых результатов в предвыборной борьбе не достигла, от нее в думу просочились всего четыре депутата. Просто потому, что про эту партию успели узнать далеко не все избиратели.

Кроме того, в парламент пролезли конституционные демократы, причем во вполне приличных количествах, монархисты и крестьянские социалисты. Эти последние на самом деле были эсерами из тех, что решил потихоньку завязывать с террором, ибо чем дальше, тем это занятие становилось менее результативным, но зато более опасным. И, главное, там нашими стараниями существенно уменьшилось финансирование.

Еще одной довольно широко представленной партией были христианские демократы. Откуда они вообще взялись в России, я так и не понял.

Ну и по мелочи – представители профсоюза железнодорожников, плюс пятерка от «Женщин России». Зубатову пришлось немало потрудиться, чтобы хоть столько смогло пролезть в главный орган народовластия, однако дело того стоило. Ну сами посудите – какой же может быть настоящий скандал без истошного бабского визга? Только слабое подобие, не более того.

Так вот, «вариант А» не прошел потому, что буквально у каждой партии оказался свой проект конституции. И начались дискуссии, поначалу вялые и неинтересные, но со временем приобретшие должный размах и накал.

И, значит, пора было запускать финал «варианта Б», то есть роспуск думы по компрометирующим основаниям и выборы нового состава.

Наконец, имелся еще и «вариант В» – на случай, если работа парламента станет не только непродуктивной, но еще и антигосударственной. От «варианта Б» он отличался арестами бывших депутатов и расконсервацией недавно без шума построенного парламентского исправительно-трудового лагеря под Архангельском, где недавно с моей подачи было найдено алмазное месторождение. Я был твердо уверен, что без подобного учреждения демократия хоть сколько-нибудь эффективно работать не сможет, потому и озаботился его созданием заранее. Но пока в столь энергичных действиях нужды не просматривалось, можно было запускать механизм роспуска совсем недавно избранной думы.

Ленин это отлично понял, поэтому на следующее же после битвы утро обнародовал заявление, согласно которому коммунисты сдавали свои мандаты, ибо они, как заявил вождь, избирались для участия в законотворчестве, а не в каком-то б... э-э-э... в смысле, гнусном цирке, с коим не желают иметь ничего общего. Все правильно, ведь депутаты распушенной думы не смогут принять участие в выборах в следующую, а только в ту, что будет через одну и далее.

Примеру коммунистов успели последовать Пуришкевич и Милюков, остальные же, образно говоря, оказались забаненными. Ничего, пусть партии ищут новых героев.

Кстати, чуть забегаю вперед – перед стартом избирательной компании в думу номер два к Куликовскому явились агитаторы от кадетов и предложили вступить в их ряды, а затем и в число народных избранников.

Однако герой Трансвааля сначала попросил выйти Ольгу, а потом популярно объяснил, на чем именно он вертел дорогих гостей вместе с их несуразными предложениями – и куда им после этого следует пойти. Я постфактум полностью одобрил его действия, ибо болтунов, действительно, вполне хватало и без него, а вот хорошие летчики были в дефиците. Однако вернемся в помещение домашнего театра на третьем этаже Гатчинского дворца.

– Ладно, – сказал я Сергею, – немного развлеклись, и хватит. Ту пленку, что пойдет в городские кинотеатры, ты мне когда представишь?

– Послезавтра, вместе с нотами.

Как я уже упомянул, этот фильм, как и все прочие до него, был немым. Звуковое сопровождение прямо по месту создавал музыкант, бренчащий на рояле или, в кинотеатре попроще, на пианино. Так вот, чтобы люди не гнали отсебятину, к этой ленте должны были прилагаться ноты для ее правильного озвучивания.

– Годится. И что там у нас с грядущим составом обновленной думы?

Зубатов подал мне список.

– Как оцениваешь вероятность того, что пройдут именно эти? – поинтересовался я, быстро его просмотрев.

– Процентов восемьдесят с этой бумаги пройдут. А оставшиеся двадцать набежит каких-то левых, их, судя по опытам первых выборов, заранее не определишь.

– Понятно. В общем, пора серьезно ускорить разработку аппаратуры для звукового кино, это дело электромузыкальной академии. Там же сделают мобильные киноустановки, но вот их репертуар придется курировать тебе. Потому что, по-моему, для нас, пока народ в большинстве своем неграмотный или малограмотный, важнейшим из искусств является кино.

Прости меня, Ильич, покаянно подумал я. Но не моя ж вина, что до сих пор сам так и не выдал свою цитату про кино, хотя фильмы уже идут, а народ в общем то не сильно грамотней того, что был в другой истории. Ничего, просто надо будет как-нибудь материально компенсировать свой наглый плагиат, вот и все.

– Какие установки? – не сразу понял Зубатов.

– Мобильные, то есть передвижные. На санях, это для деревень, потому что там летом никто кино смотреть не будет, и без него работать приходится от зари до зари. И на телегах, а может, сразу на автомобилях, для небольших городков. В больших же есть стационарные кинотеатры, а где пока нет, надо сделать, чтоб были.

– Считаешь это важным?

– Да, учитывая наш разворот в сторону демократизации общества. Показ, по-моему, следует организовывать следующим образом. Сначала – так называемый журнал минут на пятнадцать, якобы для проверки и окончательной настройки аппаратуры, а на самом деле для поворота зрительских мозгов в нужную сторону. Ну, а потом сам фильм, ради которого зрители и соберутся. Вот только где их брать, фильмы-то? То, что снимал Ханжонков, лично я смотреть не могу – тошнит.

– А меня только в зевоту вгоняет, – поделился своими ощущениями от высокого искусства Сергей.

– Вот и подумай как-нибудь на досуге, кого из сценаристов и режиссеров можно будет к этому делу привлечь. Риту я тоже озадачу, все-таки искусство – это ее стихия, но сейчас она и без него сильно занята.

– Я, что ли, по-твоему, свободен? – хмыкнул Сергей. – Ладно, прикину. Кстати, одно имя могу назвать прямо сейчас – Антон Павлович Чехов.

Меня поначалу обуяло сомнение – вряд ли Чехов сможет так сразу родить сценарий кассового боевика. Но вскоре я сообразил, что популярный фильм вовсе не обязан быть боевиком. «Гараж», например. Ни стрельбы, ни мордобития, ни даже секса – а как на него народ ломился! Даже я, помнится, минут двадцать в очереди за билетами отстоял. И это несмотря на полное отсутствие спецэффектов и то, что там вообще все действие происходит в одной комнате. Кстати, сценарий как раз в духе Чехова, надо будет подкинуть ему идею. Ну, а писателей про битие рыл и половой трах, наверное, найти будет нетрудно. Они тоже понадобятся, не всем потенциальным зрителям хватит интеллекта смотреть что-то наподобие «Берегись автомобиля» или того же «Гаража». Вестерн им снять, только не про ковбоев, а, например, про казаков и прекрасных персидских принцесс. Только без бросаний в набегавшую волну, это все-таки живодерство. Принцесс можно использовать и более традиционными способами.

Глава 25

Как уже говорилось, я совершенно не отношусь к любителям охоты. Однако осенью шестого года мне все же пришлось съездить поохотиться, причем довольно далеко, аж в Восточную Пруссию, в местечко Гросс Роминтен. Меня туда пригласил Вильгельм.

– Надеюсь, он наконец-то решил раскрыть мне глаза на твои коварные планы? – спросил я у жены сразу после того, как узнал об этом.

– Скорее всего главной в его исполнении будет Мария Федоровна, а я – так, на подхвате, все-таки родная сестра. Но полной уверенности у меня нет, так что сам послушаешь, о чем тебя станет предостерегать братец. И можно обратиться с личной просьбой? Давай ты будешь так потрясен его откровениями, что ни разу не попадешь по оленям. Жалко, красивые же звери.

– Да я в них вообще стрелять не собираюсь! Охота – это еще не повод для пальбы по живым мишеням.

Мысленно я закончил – «как и рыбалка для уменьшения рыбьего поголовья». Ибо сначала надо победить зеленого змия, а это не так просто. Впрочем, слишком уж интенсивным пьянством я тоже заниматься не планировал, ибо гробить печень можно и дома, хотя, к сожалению, совсем без этого обойтись не удастся. Я собирался в место, ранее мне знакомое как Калининградская область, исключительно в целях поговорить с кайзером, тем более что он стараниями обеих наших императриц вроде как созрел для беседы. Ну, а охота – это только первый пришедший Вилли в голову повод.

Судя по тому, что Вильгельм, хоть и очень старался, но так и не попал ни по одному оленю, он серьезно волновался перед беседой, что лишний раз убедило меня – кузен собирается открыть мне глаза на действительные цели моей дражайшей супруги, но не знает, с какой стороны подойти к теме. В общем, промазав не то четвертый, не то пятый раз подряд, он с досадой бросил ружье подбежавшему халдею и буркнул:

– Нет, охота сегодня определенно не задалась. Ты прямо как чувствовал, даже ружье брать не стал. По-моему, нам остается только запить эту неприятность.

– Действительно, почему бы двум благородным господам не выпить пива, а то и чего покрепче, – подтвердил я. – Веди, где у вас тут употребляют.

Вильгельм показал на отдельно стоящий шатер, вокруг которого

несколько егерей изображали что-то вроде оцепления. Да уж, я бы по-настоящему секретные переговоры в таком месте вести поостерегся – поди разбери, из-под какого куста тебя станут прослушивать. Но хозяин, как говорится, барин, поэтому я, зайдя в шатер и убедившись как в отсутствии посторонних, так и в присутствии закуски, предложил:

– Наливай!

Вилли налил, и мы приняли по первой рюмке. Потом быстро пролетело еще две, и только перед четвертой кайзер набрался решительности и, так сказать, открыл мне глаза. Причем вовсе не на козни вдовствующей императрицы, они в его исполнении шли фоном. А на слишком большое влияние моей жены в политике! Я, честно говоря, от него такой решительности не ожидал. Всего парой фраз он определил Риту как серую кардинальшу, а меня – как подкаблучника. Впрочем, в хоть сколько-нибудь заметной тактичности кайзера никто никогда и не подозревал.

– Да она всегда такой была! – вещал Вильгельм, жестикулируя здоровой правой рукой с полной рюмкой в ней. Я с интересом наблюдал – разольет или не разольет? И если да, то на кого?

– Видел бы ты, как она тиранила своих сестер! – продолжал любящий брат. – После вашей свадьбы я надеялся, что ты сможешь обуздать ее властолюбие, и поначалу так оно и было, но сейчас она, похоже, как-то приспособилась. Алекс, пойми – ну не место женщине у кормила власти! Ее предназначение – это кухня, дети, церковь.

– Правильно! – подтвердил я, постаравшись слегка преувеличить степень своего опьянения. – Выпьем за то место, которое должны занимать женщины в жизни мужчины!

Потом мы выпили еще за что-то, и кайзер вернулся к волнующей его теме.

– Алекс, скажи честно – ведь урезание двадцатилетней программы строительства флота произошло по ее инициативе?

– Э... – промямлил я, – мне, в общем, тоже денег не хватало... да и вообще, Россия – это континентальная держава.

– Любой континент со всех сторон окружен океанами! И в современных условиях ни одна страна не может претендовать на роль великой державы, не имея мощного флота. Ты ведь желаешь сделать Россию великой?

– К-конечно! И вообще, за это, по-моему, следует выпить.

Я отставил пустую рюмку и подумал, что, пожалуй, хватит изображать из себя вырвавшегося из-под каблука и на радостях ударившегося в

пьянство, а то как бы не переборщить. Ну, а беспокойство кайзера о тяжелой судьбе российского флота вполне понятно.

Вилли совершенно правильно считал главным геополитическим противником Германии вовсе не Францию, а Великобританию. И отлично понимал, что без флота, соизмеримого по мощности с английским, ему ничего не светит. Однако паритет мог быть достигнут не ранее конца восемнадцатого года, и то при условии, что у англичан темп ввода новых кораблей останется на теперешнем уровне. Что, естественно, кайзера не очень радовало, вот он и искал выход.

Согласно прикидкам его аналитиков, объединенный русско-германский флот сможет выступать на равных с английским уже в тринадцатом году, но при условии, что Россия начнет строить корабли в полную силу, а не как сейчас. Ну и небольшое уточнение – под чьим командованием (в планах Вильгельма) будет выступать этот самый объединенный флот, лично мне было ясно с самого начала. Хотя именно сейчас сложилась обстановка, позволяющая в какой-то мере пойти навстречу Вилли.

Дело в том, что в конце девятнадцатого века и самом начале двадцатого боевые корабли устаревали чрезвычайно быстро, иногда еще до завершения постройки. Сами посудите – тот же «Владимир Мономах» в момент спуска на воду был во всех отношениях новейшим, но уже через пару лет начал слегка устаревать, из-за чего в конструкцию его систершипа «Дмитрий Донской» начали судорожно вводить улучшения. Это привело к тому, что он задержался со вводом в строй на три года и получился устаревшим уже сразу. К началу двадцатого века оба они потеряли всякую боевую ценность и могли использоваться только против неприятеля с совсем уж допотопным флотом, а лучше – вовсе без него.

Даже «Петр Титов», задуманный как противовес японским линейным крейсерам, к осени шестого года основательно устарел, хотя и оставался в строю, а его младшие сестры – три «богини» – они тоже перестали быть новейшими уже через три-четыре года после спуска на воду.

И это не только у нас – у тех же англичан дело обстояло немногим лучше. В основном потому, что их корабли не достраивались по несколько лет. То есть данная тенденция была объективной.

Однако (в другой истории) корабли, построенные незадолго до, во время Первой мировой войны и сразу после нее, сохраняли боевую ценность гораздо дольше! Например, эсминец «Новик», принятый флотом в двенадцатом году, оставался в строю до сорок первого года, да и тогда он не был списан как устарелый, а подорвался на mine во время Таллинского

перехода.

Так вот, сейчас Россия уже могла строить корабли с техническим уровнем, соответствующим началу или даже концу Первой мировой войны другой истории. И, значит, можно было действительно начинать серьезно пополнять флот без опасений, что лет через пять, максимум десять это пополнение безнадежно устареет. Правда, придется сразу предусматривать место для установки достаточного количества зениток, чтобы потом не искать его судорожно при очередной модернизации по опыту учений или даже боев.

Вот только линкоры я пока строить не хотел, ведь они устареют сразу после появления первых ударных авианосцев, а этого благодаря моим скромным усилиям оставалось ждать не так уж и долго. Что хорошо, Вилли был в этом со мной полностью согласен! Он считал, что линкоры и линейные крейсера должна строить в основном Германия. А Россия – бронепалубные крейсера с большой автономностью, предназначенные для борьбы с английской морской торговлей. Ну, может, два-три линейных крейсера на всякий случай, и все.

При этом Вилли, естественно, не акцентировал внимание на том, что в случае вооруженного конфликта между Россией и Германией русский флот не сможет бороться с германским вообще никак. Мало как в будущем повернется история?

Впрочем, я это тоже прекрасно знал. Как и то, что что в другой истории гораздо более многочисленный, чем у меня, российский флот во время обеих мировых войн противостоял германскому именно с описанной выше эффективностью.

То есть история показала, что в борьбе «корабли против кораблей» Россия проиграет хоть Германии, хоть Англии. Значит, надо развивать авиацию, подводный флот и минное дело, решил я. И рассматривал линейный крейсер только как корабль для защиты ударного авианосца. Полноценный линкор для этой цели не очень годился из-за недостаточной скорости. Ну, а бронепалубные крейсера будут защищать авианосцы поменьше, эскортные.

Вилли же тем временем начал в красках описывать мне еще один грех моей дражайшей половины.

– Я понимаю, что тебе постоянно не хватает денег, а в это время, ты уж меня извини, моя сестра строит себе совершенно невероятную яхту! Ну вот зачем ей понадобился огромный плавучий ипподром? Вместо него можно было построить полноценный линейный крейсер! Если у тебя нет императорской яхты, а она тебе вдруг внезапно понадобилась, я могу

продать любую из своих, причем недорого, по-родственному.

Ага, подумал я, плохо твои морские агенты считают. Вместо авианосца за те же деньги можно было построить полтора, а то и два дредноута! Вот только они мне не нужны, в отличие строящейся «яхты для императрицы». И вообще, сама идея – сначала распродать все свои яхты, а потом покупать секонд-хенд из-под кайзера, выглядит как-то странно. Но как раз в этом вопросе идти на поводу у немцев нельзя, поэтому я слегка обиженным, но твердым тоном заявил:

– Вилли, это МОЯ яхта. Когда я продавал свои предыдущие, была совершенно другая ситуация. В России свирепствовал голод, и на счету была каждая копейка, на которую можно было купить хлеб для голодающих. Сейчас обстановка совершенно не такая, настала пора подумать и об имидже державы. Да и о своем комфорте тоже – не люблю я тесноты! Ну, а верхняя палуба для прогулок на велосипедах, лошадях, мотоциклах и автомобилях – это действительно инициатива Риты, но стоит она сравнительно немного, и я – именно я! – решил, что могу себе позволить хоть как-то отблагодарить супругу за рождение сразу двух сыновей. Вилли, давай не будем больше муссировать этот вопрос. А вот с кораблестроительной программой, возможно, ты и прав. Во всяком случае, здесь есть о чем подумать.

Вильгельм на радостях закатил речь на полчаса, а я в процессе нее героическими усилиями воздерживался от зевания и думал – блин, жалко, что на самом деле я не под Ритиным каблуком! А то сейчас, вот ей-богу, вот так прямо взял бы и из-под него вылез бы, дабы прекратить словоизвержение дорогого кузена. Впрочем, тот и сам сообразил, что обсуждены еще не все срочные вопросы, и пафосно заявил:

– Алекс, наверняка ведь тебе для строительства мощного флота потребуется помощь! Только скажи – и, клянусь, я сделаю все, что только будет в человеческих силах.

Ну наконец-то, подумал я. У меня даже список есть, весьма вдумчиво составленный компетентными специалистами, но прямо сейчас доставать его будет не комильфо, вдруг Вилли начнет подозревать меня в чем-то ужасном типа заранее обдуманых намерений? Нет, сначала надо изложить свои пожелания устно и желательно не очень связно, как экспромт на радостях, а список вручить в самом конце визита. Вот, типа, результат ума холодных наблюдений и сердца горестных замет, произведенных бессонными ночами под впечатлением блестящих речей кайзера.

– Да, Вилли, ты прав, без германской помощи мне такое огромное дело не потянуть. Главное – это, конечно, мощные корабельные турбины. Для

миноносцев мы их как-то можем делать и сами, но, правда, медленно и не очень качественно, так что и тут помощь не помешала бы, а вот с большими установками просто беда. И котлы. Шуховские, конечно, хороши, но пока они выходят слишком дорогими.

– Могу организовать льготный связанный кредит, – оживился кайзер, – особенно если ты предоставишь лицензию на эти изделия господина Шухова. Мне их уже описывали в самых восторженных выражениях.

Которые для твоих агентов сочинял лично Миша Рогачев, мысленно закончил я. И якобы нехотя, да еще с кислой миной согласился:

– Да, дорогой Вилли, конечно. И с дальномерами у меня не очень, цейссовские лучше. В обмен могу предоставить пару секретов из области радиосвязи.

– Ох, влезу я с тобой от доброты в расходы, – вздохнул кайзер. – И, главное, лично я тебе все необходимое готов дать без лишних разговоров, но ведь тут требуются такие объемы финансовой помощи, что придется убеждать в их необходимости рейхстаг! Вот, кстати, не понимаю я тебя – было в России все хорошо, так нет, ты своими руками повесил себе на шею это ярмо – парламент. Как я твоему отцу завидовал, что у него этой говорильни нет! А теперь – на тебе.

– Вилли, – улыбнулся я, – парламенты в Германии и в России – это довольно-таки разные вещи. Если хочешь, могу это наглядно показать, в моем багаже есть мобильная киноустановка. Если за ней послать, то минут через сорок мы сможем посмотреть интересное кино прямо здесь.

– Давай, – обрадовался Вильгельм, – а про... э-э-э... про любовь там будет?

– В этой серии, к сожалению, нет, – разочаровал я его, – но в следующих... гм... вполне возможно.

Действительно, а почему бы и нет, подумал я. Введение в парламент всяких звезд типа боксеров, певиц, артисток и даже порноактрис типа знаменитой Чичоллины имеет давние корни. Так почему бы не организовать их прорастание пораньше? Поддубный, вон, уже собирается баллотироваться во вторую думу. Знаменитых футболистов и боксеров у нас пока нет, но зато есть звезды новомодного танца канкана – это когда тетки почти без трусов строем задирают ноги выше головы. Правда, это в основном в Москве, так что тут работа для Зубатова. Зато в Питере есть какой-то... блин, да как же он называется-то... что-то с бурлением понятно чего связанное... а, вспомнил, бурлеск! Рита однажды инкогнито съездила на представление, а потом заявила, прямо как тот мужик в «Операции Ы» – «срамота!». Тоже надо прикинуть, каковы там электоральные перспективы.

А то ведь когда и во втором составе думы начнутся драки, очарования новизны уже будет. Значит, надо заранее подготовить какую-то новую программу. Спасибо, Вилли, ты подал хорошую идею – хотя, конечно, ее реализация потребует серьезной работы. Наверное, от Юли, это она у нас специалист по труженицам первой древнейшей профессии в высшем свете.

Во время просмотра моего думского боевика, причем в версии без купюр, Вильгельм ржал так, что это было наверняка слышно далеко за пределами оцепления. А потом попросил:

– Алекс, если нетрудно, передай этому, лысенькому в очках, и тому, здоровенному, что я приглашаю их немного погостить! Пусть поделятся опытом с нашими... бу-га-га! Хотя, пожалуй, в Германии такого не устроишь, все-таки ордунг у немцев в крови.

Ага, подумал я, то-то же у вас в двадцать первом веке пи... в смысле, геи строем ходят, а не толпой, как в России. А Пуришкевича с Васечкиным действительно не помешает отправить на недельку в Берлин. Для обмена, так сказать, парламентским опытом, тем более что они, кажется, уже помирились. Во всяком случае, их пару раз видели вместе в одном из далеко не самых шикарных ресторанов.

По возвращении я, естественно, в подробностях пересказал Рите содержание наших бесед с кайзером.

– Эх, – вздохнула она, – как там называется прибор, что делают в моей электромзыкальной академии? Для записи звука, но не фонограф, а такой, с двумя вертящимися катушками.

– Магнитофон.

– Вот-вот. А маленьким, чтобы он помешался в кармане или хотя бы под специально сшитым пиджаком, его сделать можно?

– Сейчас – нельзя. Лет через десять, может, и получится. Но совсем необязательно делать портативным сам магнитофон – если я правильно тебя понимаю, то вполне сойдет и беспроводной микрофон, а магнитофон сможет стоять метрах в ста от него. Это, я думаю, можно будет сделать лет через пять, а если постараться, то, наверное, и через три может что-то получиться.

– Дорогой, ты уж постарайся. А то ведь в твоём рассказе все правильно, но меня не оставляет подозрение, что ты все-таки во время него изображал ишака не очень правдоподобно. Не исключено, что у тебя на самом деле получался наездник, притворяющийся ишаком. Перед следующей встречей ты, пожалуйста, не пожалей часок на повторение про себя «я осел, осел, осел, а вовсе не всадник!».

– Понятно. Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь.

– Что?

– Помнишь, я тебе рассказывал, как в детстве сочинял сказки для Ники с отцом? Это была такая песенка в одной из них.

– Хорошо, что напомнил. Наши-то дети чем твоего батюшки хуже? Я им уже давно все сказки пересказала, которые знаю. Так что не отлынивай, пусть и они послушают про тучки, которые не медведи. И мне, кстати, тоже интересно. Сможешь начать сегодня перед ужином?

Глава 26

В начале своей второй жизни я одно время самонадеянно считал, что мое появление здесь сразу и довольно радикально изменило историю. А как иначе – и русско-турецкая война началась раньше, и первый в России авиаотряд возник задолго до срока, и даже самолет Можайского, пусть невысоко и недалеко, но все же полетел! Ну типа все – история пошла другим путем, к прошлому возврата нет, и вообще я молодец.

Однако возлежать на мысленных лаврах получилось недолго. Как-то почти сразу вспомнилось, что про развитой социализм довольно долго говорилось – мол, он построен полностью и окончательно. Чем все кончилось, думаю, напоминать не надо. И я задумался – действительно ли произошедшие с моей помощью изменения вывели страну на какой-то новый путь развития? Ответ пришел почти сразу – да ничего подобного. В конце концов, и в прошлой жизни я слышал утверждения, что самолет Можайского был вполне летающим, просто неопытный (ибо опытных вообще не было) пилот при взлете допустил крен и задел крылом за землю. Хорошо, а если бы он не задел, что бы изменилось? Скорее всего, ничего. Почти та же самая ситуация, которую мне описал Шахерезад в самом начале нашего с ним краткого знакомства. Чихнул я тогда или не чихнул бы, все равно это ни на что не повлияло и скоро навсегда забылось бы. Кстати, мне так и не удалось вспомнить, чихал я тогда или воздержался.

И пока все мои начинания тоже укладывались в эту схему. История никак не хотела выходить на точку невозврата, после которой все само пойдет не так, как уже пошло в прошлый раз. Нет, она так и норовит повториться, причем едва ли не худшем варианте, чем в тогда!

Борьбу с эсеровским террором я начал заранее – так сказать, превентивно. В результате его интенсивность несколько снизилась, но ведь он и начался заметно раньше! Практически одновременно с началом борьбы с ним. И если график процесса проинтегрировать, то получится то же самое значение, что в той истории, если не большее. Ну, а мелкие отличия типа того, что великий князь Сергей Александрович здесь после покушения выжил, на самом деле ни на что не влияют. Он все равно скоро помрет, у него, кажется, костный туберкулез.

Тут, конечно, мне могут возразить – а как же русско-японская война? В той истории она кончилась позорным поражением и революцией, а в этой ни войны, ни поражения вообще не было. Это что, не точка бифуркации?

Увы – похоже, что нет. Потому что оно, кроме явно видимых отрицательных, имело и положительные аспекты. Отрицательных в этой истории стало меньше, но и положительных, увы, тоже. Алгебраическая сумма не изменилась. Внешне это выразилось в росте шапкозакидательских настроений в армии и в обществе. Да мы, типа, любого вражину шапками закидаем! Ага, как же. Было уже такое, правда, чуть позже. Малой кровью, могучим ударом, да еще и на чужой территории! Не случилось бы здесь нечто похожее, только на четверть века раньше – вот что не давало мне покоя.

Опять же во время первой жизни я не так уж мало читал о революции тысяча девятьсот пятого – тысяча девятьсот седьмого годов. У нас тоже началось нечто похожее. Правда, революцией это никто не называет, так ведь дело не в названии, а в сути, а она и там и там похожая.

Разумеется, доводить дело до «Кровавого воскресенья» никто не собирался, и для предотвращения подобного были приняты меры. В частности, Георгия Гапона удалось сплавить в Финляндию – пусть лучше там шествия организовывает. Однако массовая демонстрация с последующей стрельбой все же состоялась, правда, не в Питере и не в Гельсингфорсе, а в Киеве. Причем, что интересно, за месяц до ее начала туда перебрался Витте! Разумеется, в рядах демонстрантов его никто не видел, однако это вовсе не говорило о его непричастности. Раз этот жук куда-то не пошел, то, скорее всего, знал, что там может пострадать его драгоценная шкура.

Крестьянских бунтов в этом варианте произошло мало, но зато вспыхнули беспорядки в Баку. Там сначала армяне погромили евреев (и где только нашли-то!), потом азербайджанцы – армян, а через неделю стало вообще не разобрать, кто кого бьет, и начались пожары. В Баку срочно, то есть на борту номер один, в сопровождении пятерки личной охраны вылетел председатель КГБ Медников, а батальон приданных ему войск спешно двинулся по железной дороге. Там ведь два лично моих нефтеперегонных завода, да и нефтяные вышки, хоть они пока в основном чужие, тоже хотелось бы сохранить. Ибо слово «пока» я употребил не зря. Да и нет сейчас у России другого источника нефти, хотя бы по порядку объемов добычи соизмеримого с Баку.

Впрочем, ближе к концу года серьезные беспорядки наконец-то начались и в Финляндии. «Наконец-то» – это потому, что из всех волнений только они рассматривались властью как вполне ожидаемый результат и даже в какой-то мере планировались. Впрочем, все началось, во-первых, позже, чем предполагалось, а во-вторых, поначалу пошло не совсем так,

как было задумано.

Я ведь лично предупреждал генерал-губернатора Финляндии Бобрикова, чтобы он удвоил осторожность, усилил меры безопасности и ни в коем случае не дал совершить успешный теракт против себя! Потому что не было у меня второго такого же по калибру администратора с большим опытом работы именно в этом месте. И кто, спрашивается, потом будет наводить порядок на территории бывшей Финляндии?

Нет, я, конечно, понимал, что финны обязательно захотят в кого-нибудь стрелкнуть ли кинуть бомбу, и принял меры. В Гельсингфрсе, который, как я надеялся, никогда не превратится в Хельсинки, была отправлена делегация из депутатов Госдумы второго созыва. Блин, такой прекрасный выбор мишеней, превосходящих Бобрикова как в смысле идеологии, так и просто по размеру, особенно в ширину – стреляй на здоровье, в такие туши не промахнешься, специально ведь подбирали! Но нет, какой-то гад из студентов разрядил пистолет именно в Николая Ивановича.

Разумеется, идти против моего прямого приказа Бобриков не мог и почти постоянно носил бронежилет. Эта модель при испытаниях показала, что она неплохо держит пулю, выпущенную из нагана, пистолета Роговцева и браунинга образца девятисотого года, пользующихся большой популярностью у эсеров. Но стрелок-то был финским социал-демократом, родом из Жмеринки, причем из довольно зажиточной семьи, а Гельсингфорсе он только учился, так что гад выбрал маузер, несмотря на его дороговизну и габариты, затрудняющие скрытое ношение. А пулю из него даже в двадцать первом веке выдержит далеко не всякий бронежилет. И уж тем более ее не смог остановить наш, хоть и специальной серии. Бобриков получил тяжелое ранение, и пока было неясно, выживет ли он.

Полиция тут же начала аресты, в ответ на улицах финской столицы появились сначала вооруженные банды из студентов и люмпенов, а потом потихоньку стали расти баррикады, то есть события наконец-то пошли хоть в каком-то соответствии с нашими предварительными наработками. Великий князь Николай Николаевич, за месяц до событий назначенный главнокомандующим войск гвардии, получил приказ прекратить беспорядки, и Семеновский полк двинулся в Гельсингфорс. Как ожидалось, великий князь пожелал принять личное участие в этом рейде, то есть по своей инициативе взял в руки маску козла отпущения и принялся соображать – что же то такое и не надеть ли его, например, на голову в качестве украшения? Мне оставалось только надеяться, что его раздумья приведут к правильному результату.

Разумеется, в качестве жертвенного существа с рогами должен был

выступать не один он. Вторая дума быстренько приняла конституцию, а потом в темпе разработала закон, конкретизирующий закрепленное там понятие свободы слова применительно к печатным изданиям. Как я и предполагал, господа депутаты не поняли глубинного смысла данной статьи, ибо про ответственность за результаты не там и не так сказанных и, главное, напечатанных слов они не подумали. И, естественно, нигде ее не закрепили. Однако их-то ответственность перед императором никто не отменял! И сейчас вернувшийся из Баку Медников готовил материалы, неопровержимо доказывающие, что волнения в Финляндии вспыхнули благодаря предвзятому и заведомо искаженному освещению местной прессой положений конституции. На этом примере я хотел показать депутатам, что они могут выдвигать любые законопроекты и голосовать так, как им подсказывает совесть, никто им препятствовать не вправе. Но если принятие какого-то закона повлекло негативные или, как сейчас, даже трагические последствия, то все к этому причастные обязательно ответят. Инициаторам дадут побольше, тем, кто просто проголосовал «за» – поменьше, но, как говорится, «никто не уйдет обиженным», то есть без срока.

Правда, судить их придется лично мне, больше никто на это права не имеет. Но я от работы никогда не бегал, тем более что здесь и напрягаться-то особо не придется. Хотя слухи о моей прогрессирующей лени распускались уже больше года, на самом деле они действительности не соответствовали. В свое время отец правильно заметил, что у меня без особого блеска идут дела, к которым я потерял интерес. Но тут-то попробуй его потеряй, когда господа депутаты готовы совсем попутать берега! Я, блин, насмотревшись на их художества, согласен пахать по восемнадцать часов в сутки неделями подряд.

Итак, считаем. В Думе второго созыва четыреста двадцать два депутата. Судебное заседание с соблюдением всех необходимых формальностей должно длиться минут двадцать пять, это проверено. Правда, ежовские «тройки» работали куда быстрее, но мне пока нет необходимости идти на рекорд, так что кладем на это полчаса с учетом пятиминутного перерыва между заседаниями. Значит, за восемнадцать часов получится вынести тридцать шесть приговоров, а за двенадцать суток, если работать без выходных – потом возьму отгулы – можно отправить на нары парламент в полном составе. Так ведь мне весь-то не надо, и половины будет более чем достаточно. К тому же господ депутатов не помешает заранее объединить в преступные группы и судить человека по три за раз. Выходит, даже особо напрягаться не придется.

В общем, так оно и было задумано.

Первая Дума должна была показать людям, что к этому органу народовластия не следует относиться слишком уж серьезно. Она эту задачу с блеском выполнила.

Второй состав должен был доказать депутатам, что их неприкосновенность существует только тогда, когда в своей работе они руководствуются исключительно государственными интересами. Если же появляются какие-то шкурные мотивы, то она неприкосновенность может развеяться – ну прямо как сон, как утренний туман. И от нее останутся только следы на текущей воде, состоящие в том, что отбывать срок бывшие народные избранники будут в специальном лагере. То есть их там не будут бить уголовники, они с этим прекрасно справятся сами. Есть, если кто не в курсе, такая очень хорошая методика перевоспитания, называется бригадный подряд.

Это означает, что паек выделяется на бригаду по результатам ее работы в целом. И если, кто-то не захочет напрягаться, то его норму должны будут выполнить остальные. Или положить зубы на полку, но на это люди вряд ли пойдут. Нет уж, они, может, денек-другой и поголодают, а потом всем коллективом начнут мануально вразумлять плохо работающего. Тут могут быть всего два исхода, причем оба положительные.

Первый – воспитуемый проникнется, восплает энтузиазмом и начнет трудиться как полноценный и равноправный член общества, то есть товарищам за него работать больше не придется. Профит! Второй вариант – это когда объект убеждения от побоев... того... помрет. В этом случае бригаде либо снизят план, ведь ее численность уменьшилась, либо добавят нового члена, который изначально будет прекрасно знать, отчего и как эту юдоль скорби покинул его предшественник, что наверняка поспособствует повышению трудолюбия.

Вот, значит, я теперь с интересом смотрел, как депутаты второй думы сами и с энтузиазмом приближают свое личное светлое будущее. Возможно, некоторые его переживут и станут умнее. И уж точно поумнеют новые кандидаты на освободившиеся места.

И, если я себе все правильно представил, начиная с третьей Думы пойдет уже нормальная работа.

Однако в мои оптимистические планы пришлось внести небольшое изменение, причем с подачи Петра Маркеловича. Он, хоть и давно разменял седьмой десяток, хватки пока не терял, даже скорее наоборот.

– Александр, – сказал он, – если вы не хотите думать о поддержании на должном уровне вашего светлого образа в воображении общества, этим

приходится заниматься мне.

– Да в общем-то хочу, просто не всегда хорошо получается. А что, я опять где-нибудь напортачил? И, кстати, против вашего участия у меня нет никаких возражений.

– К сожалению, вы, как мне кажется, уже почти созрели до того, чтобы совершить ошибку, – улыбнулся старый канцелярист.

Я вернул ему улыбку. Высказывание, приписываемое Талейрану, но на самом деле принадлежащее разработчику «кодекса Наполеона» де ла Мерту – «это хуже преступления: это ошибка» – знали мы оба.

– Когда вы репресслируете террористов, кои не могут не знать о противозаконности своих действий, общество воспринимает это с пониманием, – развил свою мысль Петр Маркелович. – Более того, если какой-то сановник, явно идущий против вашей политики, причем несомненно из своекорыстных побуждений, вдруг внезапно умирает от несчастного случая или неожиданной болезни, это тоже не вызовет резкого осуждения. В конце концов, он знал, на что шел, и должен был заранее оценить риски. Однако сейчас не тот случай. Депутаты просто пока не успели разобраться в обстановке. Им сначала надо все подробно и убедительно объяснить словами, и только если они не внемлют, переходить к более энергичным мерам.

– Какими словами им объяснять? – вздохнул я. – Мне маман говорила, что ругаться матом на публике нехорошо, а никаких других слов при виде этих харь в голову не приходит. Может, вы этим займетесь?

– Да, Александр, конечно, я именно это и собирался предложить. Мне в моей долгой карьере и не такие встречались, причем общаться с ними приходилось не только вежливо, но и уважительно. Научился.

Вот уж не знаю, какие именно аргументы (и сколь уважительно у него они получились) озвучил парламентариям Петр Маркелович, но его хорошо поняли. Больше половины инициаторов закона о печати вдруг сказались больными, а почти все оставшиеся проголосовали против его принятия в третьем чтении. Почти – это потому, что двое не вняли доброму слову и попытались донести свое возмущение до рабочих на собрании трудовых союзов Путиловского завода. В отличие от них, рабочие все поняли правильно и основательно отметили ораторов.

Ну, а мне оставалось только сожалеть. Ведь какой замечательный лагерь для них построили! Я, правда, там не был, но зато видел качественные фотографии. Ничего, если я правильно представляю себе суть демократии, недолго ему стоять пустым. Небось со временем еще и расширять придется.

Глава 27

К началу тысяча девятьсот седьмого года стало ясно, что первая русская революция в общих чертах удалась, то есть привела примерно к тем результатам, которые и планировались. Не без шероховатостей и издержек, конечно, но в общем все получилось неплохо.

Никакого Великого княжества Финляндского в составе Российской империи больше не было. Вместо него на том же месте карты империи скромно разместились две губернии. И граница со Швецией теперь охранялась ничуть не хуже, чем, например, с Австро-Венгрией. Прогрессивная мировая общественность, естественно, взывала, а я, что не менее естественно, на этот вой начал.

Николай Николаевич не только выполнил все, что на него было возложено, но даже слегка перевыполнил. Восстание в Хель... в смысле, в Гельсингфорсе было подавлено быстро и жестоко, но под конец великий князь не уберегся. Две пули из «парабеллума» в грудь, лишенную малейшего подобия бронежилета – это серьезно. И я тут был совершенно ни при чем. Когда восставшие поняли, что явно терпят поражение, и их раскатают в блин самое большее через три дня, они отправили три террор-группы с заданием убить командующего гвардией. Одной повезло, но восставшим это не помогло, скорее наоборот. Теперь солдаты никого не пытались арестовать, как раньше, а стреляли сразу, и чаще всего наповал. В общем, восстание было подавлено, а Николай Николаевич уже трое суток пребывал между жизнью и смертью. Я, честно говоря, склонялся к мысли, что второй вариант предпочтительней, но делиться ей с доктором Боткиным, ясное дело, не стал. Ни к чему разрушать уже сложившийся в его представлении светлый образ государя, это будет жестоко. Правильнее поделиться сомнениями с тем, для кого подобное особой новостью не будет, подумал я и по-быстрому съездил на полчаса в Приорат, где встретился с бывшим пограничником, а ныне начальником моей специальной курьерской службы Ефимовым.

– Да, мне тоже кажется, что так будет лучше, – кивнул Викентий Андреевич, выслушав мои соображения. – Не волнуйтесь, Александр Александрович, мы ему обязательно поможем, дело знакомое. Надеюсь, что дня через четыре этот вопрос будет окончательно урегулирован.

Ефимов, как всегда, запросил сроки на операцию с запасом. Уже через день после нашей беседы мне пришлось срочно отправиться в Питер, на

Петровскую набережную, где пока никакой «Авроры» не стояло, зато был в наличии дворец Николая Николаевича, и выразить там вдове покойного свои глубочайшие соболезнования.

Это были дела внутренние. Внешние пока выглядели не столь благостно, но тоже в рамках допустимого. Главным, конечно, было то, что буры окончательно потеряли возможность выиграть войну. Если бы они не связывались с осадой городов, а бросили все силы армии Кронье на захват Кейптауна, это у них могло бы получиться. Ну, а потом двойной удар по сходящимся направлениям от Кейптауна и Дурбана на Порт-Элизабет, причем крупных английских сил там не было – и все. Дурбан де ла Рей взял давно, и больше у англичан на юге Африки портов не было. А с высадкой подкреплений на необорудованный берег много не навоюешь.

Именно это им в один голос предлагали все военные советники, но буры продемонстрировали, что не только осел может быть эталоном дурацкого упрямства. Папаша Крюгер спесиво твердил, что освободительная борьба его народа не преследует захватнических целей. Идиот, блин! Кому какая разница, что он там у себя преследует. Важно то, что англичане-то ведут именно захватническую войну против его страны.

Ну, а потом, когда момент был упущен, началось неизбежное. Численность английских войск была доведена до трехсот пятидесяти тысяч человек, и это не оставляло бурам никаких шансов на победу.

Хорошо хоть они в общих чертах усвоили основные принципы активной обороны, потому как изначально воевали похожим образом. И теперь ход боевых действий в общем случае выглядел примерно так.

Англичане идут вперед и натываются на позиции буров. Пытаются взять их с хода, но, наткнувшись на плотный ружейный и пулеметный огонь, отходят с большими потерями. Подтягивается артиллерия, подвозятся снаряды, и англичане начинают утюжить позиции противника, иногда по двое суток подряд.

Только буров там уже нет, они на запасных позициях.

Потом обстрел прекращается. Как правило, атака начинается не сразу, поэтому, если позиции были разрушены не очень сильно, буры успевают их вновь занять. А если нет, то хотя бы заминировать.

Атаки англичан повторялись, и потери, естественно, тоже. Восполнить их вовремя удавалось не всегда, и в таком случае буры, обычно ударами с флангов, вынуждали англичан отступить. Накопив сил, они снова переходили к атакам, и в конце концов отступали буры.

В общем, территория, подконтрольная республикам, медленно, но верно сжималась. Кимберли два раза переходил из рук в руки и был

разрушен до основания – о добыче алмазов в ближайшие года два можно было не мечтать. Дурбан, после обстрела с моря оставленный де ла Реем, превратился в руины. А затем и в щепки пополам со щебнем, когда там высадился английский десант и по нему отработала бурская артиллерия.

То есть Трансвааль лишился единственного выхода в море, но это было уже неважно. Англичане настолько плотно блокировали порт с моря, что попасть туда стало совершенно нереально. Какой-то небольшой ручеек грузов поступал через Лоренсу-Маркиш, но в основном снабжение шло по железной дороге между Людерицем и Преторией, которую немцы успели ввести в эксплуатацию перед самой войной. Вот уж не знаю, была ли эта дорога в другой истории, но в этой она здорово помогла бурам. Ибо в Людериц все грузы, в том числе и откровенно военные, доставлялись беспрепятственно. Не могли же англичане препятствовать немцам завозить в их колонию оружие и боеприпасы! Такое чревато войной, причем не только с Германией, но и с Россией до кучи. А с теми темпами наступления, что демонстрировали англичане, дойти до этой «дороги жизни» они могли только года через два. Да и то не факт, потому что в захваченных ими областях ширилось партизанское движение, и это сильно затрудняло снабжение. А развернутая под руководством русских инструкторов «рельсовая война» практически парализовала железнодорожное сообщение. От безнадёги англичане дошли до такого извращения, как безрельсовые поезда. То есть паровой трактор тащил за собой три-четыре вагонетки по обычным дорогам, а кое-где и вовсе по бездорожью. Но это был паллиатив, причем убогий и неэффективный.

В общем, теперь англичане могли победить, но только ценой еще как минимум двух лет войны, и потерь не меньших, чем уже понесенные. А это без малого двести пятьдесят тысяч человек! Причем почти половина погибла не в бою, а от болезней. И у буров оставался единственный шанс – добиться мира сейчас, пока англичане еще не приняли решение идти до конца.

Кстати, у меня одно время появилась надежда, что в этой истории тактики «выжженной земли» и концлагерей в Южной Африке не будет, ведь автор этого безобразия, генерал Китченер, утонул при налете Куликовского на войсковой транспорт в Кейптауне. Однако хрен, генерал-то утонул, но концлагеря все равно появились, как и упомянутая тактика.

То есть дела у буров шли так себе и со временем могли только ухудшиться.

Вот такой была обстановка к марту тысяча девятьсот седьмого года, когда в Стокгольме английский премьер Кемпбелл-Баннерман

неофициально встретился с Вильгельмом, сразу после чего я получил от Эдуарда Седьмого приглашение посетить Лондон. Естественно, я отправился туда через Берлин. Мне было интересно, что скажет Вилли о своем шведском вояже. У меня было чем вознаградить его за честное поведение и чем слегка наказать за не очень честное, однако трудность состояла в том, чтобы быстро, но в то же время правильно оценить услышанное.

Что меня глубоко удивило – кайзер перешел к делу сразу, без традиционной вступительной речи примерно на полчаса.

– Англичане хотят прекратить войну в Африке, – заявил он. – Они предлагают мир, границы – по расположению линии фронта на сегодняшний день. И соглашаются с бурскими предложениями по поводу прав аутлендеров, но взамен просят публично подтвердить ограниченный вассалитет британской короне. В качестве компенсации они не станут препятствовать расширению Трансвааля на север.

А вот это уже интересно, прикинул я. На север от Трансвааля расположена Ботсвана. Сейчас это английский протекторат, но бритты сами не знают, что с ним делать, и вот, значит, предлагают его по принципу «на тебе, боже, что нам негоже». Но я-то помню, что там есть алмазы! Причем их не меньше, чем в районе Кимберли, а качество у них выше. Правда, координаты месторождений мне неизвестны, но ничего, найдем. То есть тут, если проявить инициативу, можно будет неплохо навариться – если не на самих алмазах, то уж на продаже участков их добычи наверняка.

– Вот, значит, Лондон предлагает мне убедить Крюгера заключить мир на таких условиях, в противном случае пообещав прекратить помощь, – продолжил Вильгельм. – Но я ответил, что без консультаций с тобой ничего предпринимать не буду.

– Хм... интересно. И что они предлагают в качестве платы за услугу?

– Самоа.

– И только? Вилли, на кой черт тебе эта дыра? Там, насколько я в курсе, нет никаких полезных ископаемых, не растет хлопок, а сахарный тростник получается дороже бразильского раза в три. Я бы на твоём месте потребовал еще и Фиджи в придачу.

– А на своем?

– То, что мне нужно, англичанам все равно не принадлежит. Да и многовато выйдет за давление на идиота Крюгера. Но вообще – мне нужны черноморские проливы и Месопотамия как зона российского влияния.

Тут, пожалуй, можно сделать небольшое отступление. Во времена

первого детства я был уверен, что Месопотамия – это такая страна, где водятся месопотамы – звери вроде бегемотов, но местные, сухопутные, ибо воды там мало. Но потом с разочарованием узнал, что никаких месопотамов в природе нет, название страны пишется с одним «с», и вообще сейчас это Ирак.

Ну, а теперь я приплел Месопотамию только для того, чтобы в случае чего было чем поступиться. Мол, ладно, загребушие лапы к Месопотамии, так и быть, тянуть не стану, но проливы – это святое. Правда, для подобных заявлений нужна была соответствующая обстановка, ни малейших признаков которой пока не наблюдалось, ну да это дело наживное. Когда обстоятельства сложатся, все уже будут знать, чего я хочу. Однако вернемся в Берлин.

Я постарался отразить на лице что-то вроде торжественной растроганности и пафосно изрек:

– Вилли, у меня никогда не было сомнений, что ты мне настоящий друг, и сейчас я получил еще одно подтверждение, которое не может оставить меня равнодушным. Итак, слушай. Как ты знаешь, в Людерице есть небольшая русская миссия по приему наших грузов.

Все правильно, двое из ее состава действительно занимались грузами. А оставшиеся четверо – в основном поиском алмазов немного южнее Людерица, и вот два месяца назад они наконец-то нашли. Я, конечно, точных координат не знал и указал место довольно приблизительно, но ведь тот негр, что в другой истории обнаружил в песке первый алмаз, вообще был не курсе! И ничего, нашел, а сейчас нашли наши геологи.

– И вот, значит, недавно два грузчика из состава миссии, в свободное время прогуливаясь по пляжу, нашли алмаз, а потом еще два. Три, восемь и девять карат.

– Ого! – немного охренел Вильгельм.

– Да, мне тоже так показалось. И еще. Начальник миссии, так уж получилось, имеет основательные познания в геологии. И он утверждает, что там довольно богатое месторождение. Ну сам подумай, имеет ли теперь смысл возиться с Самоа, когда гораздо ближе светит сразу получить хорошую прибыль? Тем более, не факт, что тебе этот паршивый архипелаг действительно отдадут. Англичане часто пользуются тем обстоятельством, что обещать – это еще не значит жениться.

– Тут ты, к сожалению, прав... в каких долях предполагаешь участие в разработке?

– Три к одному. Три твоих доли, одна моя.

На лице Вильгельма отразилось облегчение. Он, кажется, подозревал,

что я потребую половину. Вот только зачем она мне? Тут Ботсвана неподалеку, а в ней алмазов поболее, чем в Намибии. Да и в конце концов у меня еще Якутия есть. И лагерь под Архангельском, застывший в ожидании парламентариев.

– Но тогда склонять Крюгера к миру все равно придется, – сообразил кайзер. – Причем побыстрее. Иначе мои владения в Африке станут граничить не с бурами, а с англичанами, что гораздо хуже. И если мы надавим на него оба и сразу, он согласится быстрее. Алик, говори сразу – что в этой ситуации хочешь получить ты?

– Если без экивоков, то проливы и Месопотамию.

– Так... – начал соображать Вильгельм, – Турция, понятное дело, тебе не противник, но у нее в союзниках Франция, которая, в свою очередь, не противник мне. А что, может замечательно получится, но только при нейтралитете Англии. Вот только сомневаюсь я, что она на это пойдет. За такое какие-то буры – это слишком мелко. Хотя английский премьер как-то довольно прозрачно намекал мне, что вместе наши страны смогут достичь гораздо больше большего, чем действуя врозь... но я так понял, что это он прощупывает почву против тебя, и заявил, что не желаю сейчас обсуждать подобные перспективы.

– Правильно сделал, ведь англичане именно это и имели в виду. Однако, пожалуй, им можно намекнуть, что сейчас сложилась обстановка, гораздо более способствующая разборкам не с Германией или Россией, а с Францией, которая им тоже не жена и не любовница. То есть без войны, всего лишь при соблюдении нейтралитета получить все заморские французские земли, за исключением Алжира, который отойдет тебе. А Ливию ты возьмешь у Турции.

– Алик, я тебя полностью поддерживаю и жалею только о том, что не еду с тобой в Лондон. Хотя, пожалуй, так правильнее – приезд двоих там могли бы расценить как давление и упереться. В общем, кузен, я на тебя надеюсь!

В Лондон я прибыл в первой половине дня, а сразу после торжественного обеда состоялась беседа тет-а-тет с Эдуардом Седьмым.

– Алик, – начал король, – наверняка ты знаешь, что я всегда был против войны в Южной Африке. И сейчас я вижу, что, к сожалению, был прав. То проклятое золото не стоит жизней простых английских парней, гибнущих вдали от родины десятками тысяч.

– Сотнями.

– Что?

– Сотнями тысяч они там гибнут, у меня есть точные сведения о

потерях всех сторон. Соотношение один к восемнадцати. То есть за каждого убитого бура Великобритании платит жизнями восемнадцати своих солдат.

– Неужели? Мне этого не говорили. Но тогда все тем более ужасно! И я считаю, что наш долг – способствовать как можно более скорому прекращению кровопролития.

Ага, подумал я, англичане наконец-то увидели, что возможная прибыль от эксплуатации золотых месторождений расходов на войну не окупает. Правда, они пока не знают, насколько это богатые месторождения. Ну что же, пора, пожалуй, прозондировать почву насчет иных возможностей извлечения прибыли.

– Берти, – сказал я, – мне импонируют твои гуманистические устремления. Но, чтобы между нами осталось поменьше недомолвок, позволь описать, как я вижу сегодняшнюю ситуацию в мире. Итак, он поделен практически весь, неоткрытых земель не осталось. Есть неосвоенные, но это вопрос времени, причем не такого уж продолжительного. И, значит, двадцатый век просто вынужден будет стать веком передела мира.

Начали этот процесс Соединенные Штаты, лишив Испанию почти всех колоний. Однако второй Испании, то есть страны, обладающей обширными заморскими владениями, но не способной их защитить, нет. Ну что можно взять с Португалии, например? Или с той же Дании. Бельгийское же Конго – это владения не страны, а ее короля, то есть частная собственность.

Эдуард благосклонно покивал, а я продолжил:

– Хотя сколько-нибудь обширные колонии есть у великих держав, но их передел возможен только при создании коалиций. И вот, значит, я задумался, по каким критериям следует классифицировать возможных друзей и врагов.

Король вставил:

– Очень интересно, я тоже об этом размышлял, мне интересно будет послушать твои доводы.

– Итак, начнем с Германии. Это идеальный союзник, причем кому угодно. Тому, кто сможет ее быстрее уговорить. Потому что имеет сильную армию, мощнейшую экономику и в перспективе – один из самых сильных флотов мира. Именно поэтому она нежелательна во врагах, но не только. Главное – с нее взять-то почти нечего! Колоний по сравнению с Англией и Францией мало, и они все жутко нерентабельные.

Идем далее. Франция. Армия так себе, флот немногим лучше, промышленность до германской не дотягивает. Зато колонии есть, и такие,

что просто пальчики оближешь. Идеальный противник, причем кому угодно из тех, кому нужны колонии. А если учесть, что у нее в союзниках Турция, владеющая обширными и весьма перспективными землями, то и тем более.

Россия. Армия сильная, флот слабый, промышленность так себе. Взять с нее нечего, кроме ее собственных территорий, за которые ее солдаты будут отчаянно драться, интервентов у нас не любят, Наполеон свидетель. То есть хороший союзник и нерентабельный враг, причем опять-таки для всех.

И, наконец, Великобритания. Армия не такая уж плохая, несмотря на трудности в Южной Африке. Флот – мощнейший в мире. Развитая промышленность. И колонии, по сравнению с которыми все остальные кажутся мелкими и бедными клочками земли. То есть очень выгодный союзник для того, кто собирается воевать с Францией, и не очень для того, кто точит зубы на Россию.

– Почему?

– Да потому, что с России взять нечего! А с Англии нельзя, она же союзник.

До Эдуарда, кажется, начало потихоньку доходить.

– Так ты, – слегка запинаясь, проговорил он, – предлагаешь союз Великобритании, Германии и России против Франции и Турции?

– И Австро-Венгрии. Да, Бerti, ты все понял правильно. Англии – все французские колонии, кроме Алжира, Германии – Алжир и Ливию, России – по мелочи от Австро-Венгрии, Месопотамию (тьфу на нее!) и проливы.

– Последний пункт... он... э-э-э...

– Понимаю. Но ты все же подумай – а может, выгоды от такого расклада как-то перевесят его отрицательные стороны? Ни на каком конкретном ответе я сейчас, понятное дело, не настаиваю.

Разумеется, не больно-то я верил в возможность такого союза. Но вот что сведения о его обсуждении быстро дойдут до Штатов, был убежден. И что это почти наверняка приведет к охлаждению их и без того не самых сердечных отношений с Англией – тоже. В этом, собственно, и была основная цель моего только что закончившегося выступления.

Глава 28

Последним, так сказать, завершающим аккордом беспорядков тысяча девятьсот шестого – тысяча девятьсот седьмого ода стала смерть Сергея Юльевича Витте. Сразу заявляю – я тут был абсолютно ни при чем! И мои спецслужбы тоже. Я, прямо скажем, от такого известия даже расстроился. Ведь были такие хорошие планы ласково взять бывшего министра финансов за хобот и потрясти на предмет несправедно нажитых богатств, но они, ясное дело, теперь накрылись медным тазом, ибо покойника за что ни бери и как ни тряси, денег из него один черт не посыплется. А ведь не мог Витте склонять меня к взятию французского займа даром, наверняка от этого у него на зарубежных счетах сильно прибавилось. Вот только поди теперь доберись до них, до этих счетов.

Все улики явно – даже слишком явно – указывали на эсеров. Бомба, начиненная смесью сахара с бертолетовой солью, порубленные гвозди в качестве поражающих элементов, да и сам бомбист, по сведениям КГБ, состоял в партии социалистов-революционеров. Правда, он погиб при взрыве, но довольно странной смертью. В него попали три обрезка гвоздей, но тот, который привел к летальному исходу, прилетел сзади.

– Эсеры тут играли в темную, – озвучил предварительный вывод Медников. – Инициаторы – похоже, французы. Если только и их кто-то не направлял. Но у лягушатников есть весомый мотив – они недавно поняли, что с займами их слегка обвели вокруг пальца. Такого не прощают, вот они и ликвидировали главного виновника, Витте.

Так, прикинул я. Оболенскому нужно усилить охрану, ведь главным действующим лицом тут было он. Впрочем, раз уж сам председатель КГБ не в курсе о его роли, то, наверное, и французы тоже.

Рогачев чуть позже представил свой доклад, в котором в общих чертах повторялись обвинения Медникова против французов, но имелись и отличия. Михаил был уверен и даже предоставил косвенные подтверждения, что операция финансировалась из Лондона.

– Ничего удивительного, – пожал плечами я. – Те же Ротшильды – семейка весьма космополитическая. У них есть английская ветвь, французская, австрийская... и это только те, про которых я знаю. Надо будет – и какая-нибудь уругвайская появится.

– Это так, – согласился Рогачев, – но я все же не исключаю, что операцию инициировали не в финансовых, а в правительственных кругах

Англии. Возможно, там решили, что, раз уж союзник из Франции получается так себе, то ее можно сделать добычей. Вашими с кайзером руками, между прочим. А для этого будет очень к месту представить России компромат на Францию.

– Так ты считаешь, что не только Эдуард, но и более серьезные люди поверили той брехне, которую я им вешал на уши во время визита в Лондон? – удивился я.

– Вполне возможно. Ты часто брешешь очень убедительно. Не то что какие-то англичане – даже я иногда верю! Вот чем, по-твоему, плох вариант союза Англии, Германии и России против Франции с Турцией?

– Надуют. С профессиональными шулерами любителям вроде нас с тобой лучше играть не садиться, результат предсказуем.

– М-м... не знаю. Но готов согласиться с твоим мнением, если ты на нем будешь настаивать.

– Пока не буду, а там посмотрим. Или, если точнее, ты посмотришь. Через пару месяцев, если не произойдет ничего выдающегося, жду более подробный доклад.

Наконец, когда то, что кто-то называл беспорядками, а кто-то – волнениями, более или менее закончилось, почти одновременно открылись четвертый съезд РСДРП, то есть партии Плеханова, и второй съезд ВКП, где лидером был Ленин. Социал-демократы собрались в Стокгольме, хотя им обещали, что их и в России никто не тронет. Однако они не поверили, а чуть позже успели в своем неверии разочароваться. Кому-то просто набили морды неустановленные личности, а троих, в том числе и самого Плеханова, еще и ограбили, отняв ценности, деньги и раздев до исподнего. Потому как слушать надо, что обещают от имени российского императора! Раз он сказал, что в Стокгольме криминогенная обстановка хуже, чем в Питере, значит, так оно и есть.

А вот члены Всероссийской Коммунистической партии оказались более вменяемыми и собрались в Москве, где им под это дело был задешево сдан небольшой особнячок в Замоскворечье – с хорошей акустикой и заранее установленным магнитофоном. Этот второй съезд по сути дела был первым, ибо предыдущий прошел в спешке, перед самыми выборами, и не успел принять даже программы партии. Но сейчас коммунисты собирались исправить это упущение.

Естественно, Владимир Ильич выступил с обширным докладом, в котором на десять лет раньше, чем в иной истории, но практически теми же самыми словами заявил:

- Социализм – это государственно-капиталистическая монополия,

обращённая на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией.

А дальше Ильич сделал вывод, что для перехода к социализму необходимо способствовать дальнейшему развитию государственно-монополистического строя – это будет первый этап. А потом надо будет развернуть его лицом к народным нуждам – соответственно этап номер два.

– Уже ясно, что работа по первой задаче может производиться в рамках легальной парламентской деятельности, – развивал свою мысль Ленин. – А вот со второй задачей подобной ясности нет. Да, Александр Четвертый не раз заявлял, что он ставит перед собой именно такие цели, и я склонен ему верить. Однако следует учитывать, что император в России, хоть и является по конституции самодержцем, все же не полностью свободен в своих действиях. Кроме того, он не вечен и никаких гарантий за своих наследников дать не может.

«Спасибо, что напомнил», – подумал я и продолжил чтение стенограммы съезда. Вообще-то весь его ход был записан на магнитофон и занимал двенадцать здоровенных фанерных катушек, но мне читать с бумаги было удобнее. Кстати, возня с записью была инициирована не столько из соображений государственной безопасности, хотя, конечно, и они присутствовали, сколько в целях сохранения истории для потомков. И, так сказать, для равновесия. Как бы в дальнейшем не пошли события, вряд ли теперь в России памятники Ленину будут стоять в каждом райцентре, а в более крупных городах и не по одному. И всяких Ленинских проспектов столько не появится, так пусть зато сохраняются хорошие записи его голоса, а не как в той истории – коротенькие и жуткого качества на пластинках.

Тем временем Ильич в продолжении своей речи отметил, что недавние народные волнения никак нельзя назвать потерпевшей поражение революцией, как бы этого ни хотелось некоторым товарищам. Во-первых, не было революционной ситуации. А во-вторых, коммунистическая партия не смогла проявить свою руководящую роль, на что, товарищи, необходимо обратить особое внимание.

Ну, этого, собственно, следовало ожидать. Если какое-то явление вдруг зародилось вне партийного руководства, то его следует объявить бесполезным или даже вредным. Я на подобное досыта насмотрелся в семидесятые годы двадцатого века.

Дальше Ленин озвучил, что есть два способа борьбы за уничтожение эксплуатации – парламентский и не парламентский. И использовать надо

оба, для чего в партии следует образовать особую фракцию.

– Это оппортунизм!

В скобках было указано «выкрик с места И. Джугашвили, п/к „Коба“».

Это понятно, молодой еще товарищ Сталин, горячий, да и банков ему пока никто грабить не дал, а приятеля Камо ликвидировали еще прошлой осенью. Отчего, собственно, он сейчас и присутствует на съезде, а не бежит из ссылки, как в другой истории.

– Нет, это гибкая тактика борьбы за социализм, – отреагировал Ильич. – В Закавказье она не использовалась, и результаты там провальные. В отличие от Москвы, Питера и Нижнего.

Я мельком проглядел еще пяток листов с записью прений. Кажется, все прошло в пределах, заранее оговоренных с Владимиром Ильичом. Во всяком случае, в итоговых документах не обнаружилось существенных отличий от проекта, показанного мне перед съездом. А один из самых важных пунктов – об установлении тесного и плодотворного сотрудничества с трудовыми союзами и вовсе прошел без изменений. Интересно, сколь тщательно будущим поколениям студентов придется изучать исторические решения второго съезда?

С моей же точки зрения, запомнить следовало два факта. Первый – принята программа, ставившая целью построение в России социализма в союзе с теми прогрессивными силами, которые стремятся к тому же самому. Если отбросить экивоки, то со мной, ибо других сил с подобными целями я не знаю. И второй – внутри партии появилась еще одна, почти как боевой отряд у эсеров, только наоборот. Боевой отряд перешел к действиям, когда возможности чего-то достичь словом оказались исчерпаны. А парламентский отряд коммунистов начнет забалтывать электорат, пока агитация делом еще не привела к хоть сколько-нибудь заметному росту авторитета партии. То есть в этой истории коммунисты гораздо раньше поняли, что без профессионально поставленного словоблудия им своих целей не добиться.

Но вообще-то, конечно, Ленин правильно напомнил про наследников, подумал я, отодвигая папку с материалами съезда. Сына Ваську я вроде воспитываю правильно, и даже что-то, похоже, получается, но этого мало.

Про завещание Петра Великого я слышал и в той, и в этой жизни. То есть никто не мог определенно сказать, было оно на самом деле написано Петром ли не было, но зато все точно знали, о чем там говорилось. И, значит, мне, если уж писать такой документ, следует все оформить несколько наоборот. То есть пусть ни у кого не вызывает сомнений, что завещание потомкам есть, и оно написано лично мной, но вот его

содержание – тсс! Это большой секрет, за разглашение которого... ну вы сами понимаете.

Итак, со статусом грядущего исторического документа вроде все ясно. Но вот с содержанием – увы. Что там писать-то, черт подери? Куда направлять наследников, если мне самому почти ничего не понятно?

Значит, следует зафиксировать то небольшое, что, во-первых, лично у меня сомнений не вызывает. А во-вторых, подтверждается известной мне историей двадцатого самого начала двадцать первого веков. Начнем, пожалуй, с дел внутренних. Что необходимо России для успешного развития? Учитывая ее огромные размеры – транспорт и связь. Вот и вылезла первая проблема – развитие какого именно транспорта считать приоритетным?

Во всем мире сейчас бум железнодорожного строительства, но скоро подоспеет и автомобилизация. Дело, конечно, важное, но все же не настолько, как для Америки, которую, по сути, в двадцатом веке сделал автомобиль. Не те у нас природные условия, да и расстояния существенно больше. Но одними железными дорогами не обойдешься, отсюда вывод – нужно еще и ускоренное развитие воздушного транспорта. Причем, как ни удивительно это может звучать, в первую очередь грузового на дирижаблях.

Я уже давно подозревал, что им в той истории просто не повезло. Ведь в конце тридцатых годов они однозначно выигрывали у самолетов в дальности и грузоподъемности, проигрывая только в скорости. Ну в военном применении, а это было важно в условиях надвигающейся второй мировой. А тут еще катастрофа «Гинденбурга»... про которую, кстати, я читал, что она вполне могла быть результатом диверсии. Во всяком случае, «Боингу» она оказалась очень кстати.

К дирижаблям начали потихоньку возвращаться в конце двадцатого века, и они находили какую-то нишу применения. Это при том, что уже вовсю летали широкофюзеляжные лайнеры, а там, где требовалась работа с необорудованной площадки, вполне справлялись вертолеты. Чего уж говорить о теперешних условиях, когда до реактивных лайнеров нам как до Луны пешком, а до нормальных вертолетов, хоть и поближе, но ненамного. Примерно как до Пекина раком.

Даже наполненные водородом дирижабли не так уж опасны, поначалу их можно будет использовать для грузовых перевозок. Но для пассажирских, конечно, годится исключительно гелий, точнее, гелий-водородная смесь. Кстати, и тепловой дирижабль что-то может, я на таком сам летал в компании с покойным братом.

Еще два направления, важность которых необходимо особо

подчеркнуть перед наследниками – это ядерная энергия и электроника. Сейчас не только про их важность никто не догадывается – слова-то такие знаю только я! Значит, скоро их должен узнать и Василий. А что, девять лет сыну, я в его возрасте знал и о компьютерах, и о ядерных бомбах. Вот пусть и он узнает, дабы заранее проникнуться важностью задач.

Ну, а с делами внешними все проще. Наследникам надо вдолбить, что мировая финансовая олигархия всегда очень не любит тех, кто пытается ей не подчиняться. И, значит, страна, в данный исторический момент являющаяся ее штаб-квартирой, и будет геополитическим врагом России. Сейчас это Англия с ее лондонским Сити. Но уже есть первые признаки того, что скоро пальму первенства перехватит Уолл-стрит в Нью-Йорке.

А геополитические союзники – это те страны, которые пока еще пытаются противостоять финансовым воротилам.

И что интересно – в их числе на короткое время действительно может оказаться Англия! Ведь уже потихоньку начавшийся перенос центра мировых финансов в Нью-Йорк нравится далеко не всем английским банкирам.

Угу, мрачно подумал я. Всего-то процарствовал неполных семнадцать лет, и наконец понял то, что следовало иметь в виду еще в бытность простым великим князем. То, что в другой истории Николай за двадцать три года не понял вообще ничего и пребывал в этом состоянии до самого расстрела – слабое утешение. Для меня и без того не тайна, что я не самый круглый дурак в мире. Первого места на соответствующем конкурсе мне не занять.

Глава 29

Весной тысяча девятьсот седьмого года активные боевые действия в Южной Африке почти прекратились. Получился тупик, но не совсем позиционный – позиции противника при желании могли обойти обе стороны, но ни буры, ни англичане этого не делали. Война надоела всем и шла как-то по инерции. По обе стороны очаговой линии фронта ждали мира, слухи о скором заключении которого ходили уже полгода, начавшись сразу после смерти президента Крюгера, место которого занял Луис Бота, сразу после вступления в должность отбывший в Европу и сейчас пребывающий в Дании.

В общем, стороны вяло перестреливались друг с другом, да иногда случались воздушные атаки. Со стороны англичан они были массированными, то есть в них участвовало огромное количество дельтапланов – иногда до десяти штук одновременно. Каждый нес по две пятифунтовые бомбы. Правда, точность бомбометания была никудышной, так как дельтапланы бомбили с горизонтали, пикировать они не могли. И не опускались ниже километра, чтобы не нести потерь от винтовочного и пулеметного огня буров. Однако недостаток качества лайми компенсировали количеством.

Буры, то есть на самом деле русские, летали гораздо реже, причем вылеты были одиночными. Но зато под брюхом «эмки» обычно висела десятипудовая бомба, и, если перевести ее вес в привычные меры, то получалось чуть более трехсот пятидесяти фунтов. Причем точность русского бомбометания была вполне приличной, ведь «эмки» сбрасывали свой груз с крутого пикирования. Да еще включали при этом истошно воющую сирену, каковые мерзкие звуки крайне отрицательно влияли на боевой дух доблестных английских солдат.

По слухам, редкие вылеты русских объяснялись дефицитом керосина, запчастей для часто ломающихся моторов, и самих бомб. Правда, англичане были не в курсе, что данные слухи исходили из окружения генерала Максимова, что было санкционировано из Петербурга.

Утром седьмого мая на позициях в десяти милях севернее Мафекинга царила полная тишина. Капрал Оушен, правда, обнаружил во вражеских окопах чуть левее позиций своего взвода какое-то шевеление и даже хотел

было туда стрельнуть, но вовремя опомнился. Все равно никуда не попадешь, зато винтовку придется чистить.

И тут капрал услышал какой-то странный звук. Он немного напоминал стрекотание низколетящего дельтаплана, но был более гулким и басовитым.

Вскоре обнаружился источник звука – русский самолет, на большой высоте приближающийся к английским позициям. Но это была не «эмка», а какая-то совсем другая машина!

Во-первых, она летела не беззвучно, как паровой аэроплан, а с хорошо слышным шумом. Во-вторых, крыльев у нее было не две пары, а одна. И, наконец, этот аппарат летел быстрее «эмки», причем явно в сторону воздушного шара с двумя наблюдателями.

Считалось, что шар поднимают с целью слежения за позициями буров, но капрал был уверен, что все объясняется куда проще. Хотя май тут – последний месяц осени, жара иногда бывает просто изнуряющей. Вот как сейчас, например. Вчера и позавчера было холоднее, и никто никуда не поднимался, не возникало почему-то потребностей в наблюдении. Зато сегодня она сразу появилась, ведь, кроме жары, северный ветер пригнал еще и тучи мелкой красной пыли, а наверху ничего этого нет. Вот аэронавты и отдыхают на высоте, в комфортных условиях. Но сейчас, кажется, отдых им выйдет боком.

Экипаж аэростата это тоже понял и, похоже, полностью открыл заглушку на вершине шара, чтобы побыстрее оказаться внизу, подальше от пулеметов быстро приближающегося русского. И перестарался, ведь из-за того, что в корзине было два человека, мешок с балластом получилось взять только один. Его, конечно, у земли сбросили, но полностью затормозить снижение не удалось. Шар основательно приложил корзиной о землю и поволок ее вглубь английских позиций, подняв тучу пыли. А самолет, не снижаясь, сделал круг и сбросил какой-то мелкий предмет, который вскоре разлетелся на множество белых листков.

Через пятнадцать минут англичане уже всю обсуждали сногсшибательную новость – в сброшенных с самолета листовках было написано, что между Великобританией и бурскими республиками подписано перемирие, а настоящий мир будет заключен на днях. Русские поздравляли английских солдат с тем, что им повезло остаться в живых, и со скорым возвращением домой.

Старший лейтенант Алексей Чеботарев зарулил на стоянку, выключил двигатели и, отстегнув ремни, вылез из кабины. Последний

боевой вылет англо-бурской войны был закончен. Хотя, конечно, считать его боевым... однако так было записано в журнале учета действий авиаотряда.

Две недели назад, когда в отряд был доставлен новый самолет, Алексей поначалу возрадовался. Мол, наконец-то вызывающим раздражение своей мизерной дальностью «эмкам» появится достойная замена!

Однако радость продолжалась недолго, менее получаса. А потом выяснилось, что прибыл не Мо-4Ш, дальнейшее развитие «мошки» с моторами удвоенной мощности и двухкилевым хвостом, а Мо-4Р, то есть разведчик. Хвост у него был нормальный, а в бомбоотсеке сверху располагался дополнительный бензобак, а снизу – двадцать килограммов фотоаппаратуры.

В общем, бросать бомбы этот самолет не мог даже с горизонтали, не говоря уж про пикирование. Максимум его возможностей – это до диареи испугать экипаж воздушного шара да сбросить листовки – сверток с ними руками выкинул второй пилот. Да, экипаж нового самолета состоял из двух человек, ведь его перегонная дальность – тысяча двести километров, то есть восемь часов полета на крейсерской скорости. Один пилот устанет.

Теперь же Алексею предстояло заняться мирным трудом – планомерным фотографированием местности на север от Претории, которая по мирному договору должна была отойти к Трансваалю. У его императорского величества появились какие-то планы относительно этих земель. Так что в Россию получится вернуться не раньше осени, но зато уже штабс-капитаном, это Алексею твердо обещал генерал Максимов. И, как добавлял подполковник Зайцев, пилотом первого класса. Выше него только «экстра», но их в России всего три человека, а во всем остальном мире – ни одного.

Прекращению боевых действий обрадовались не только солдаты по обе стороны линии фронта в Африке. Гораздо севернее, в Санкт-Петербурге, похожие чувства испытывал начальник Главного разведывательного управления Генштаба Редигер. Нет, война, конечно, представляет некоторые возможности для карьерного роста, но в основном тем, кто находится непосредственно на месте событий, к каковым подвигам Александр Федорович, если честно, не рвался. Всем же прочим могут обломиться и неприятности – как, например, ему, когда в самом начале выяснилось, что со связью в Южной Африке совсем плохо. Зато когда война закончится, вырисовываются такие перспективы! Можно спокойно, с

чувством, толком и расстановкой предаться анализу прошедших боевых действий – наших войск, противника, германских союзников и просто волонтеров со всего света. Материала там хватит не на один доклад, а на целую серию, и первый документ из нее был уже готов для представления его императорскому величеству. Если он и все последующие будут восприняты благосклонно, в чем Редигер почти не сомневался, то чин генерал-лейтенанта станет вполне достижимой реальностью.

Алексей Дмитриевич Оболенский вздохнул и закрыл папку с документами. Кажется, он готов к переговорам с новым президентом Трансвааля Луисом Ботой, прибывающим в Петербург завтра. Вот оно, второе серьезное дело на новой должности – финансового директора Его Императорского величества объединения предприятий, которое сам император называл холдингом.

Первым же делом была продажа Южноафриканского отделения русско-американской геолого-технической компании, то есть императорских приисков в Трансваале. Поначалу американцы упирались, но после известий о заключении мира наконец-то согласились с нормальной ценой. Пожалуй, Оболенский смог бы со временем дожать их еще на пару сотен тысяч долларов, но Александр Александрович сказал:

- И так сойдет, время тоже деньги.

Теперь же предстояло заложить основы долговременной торговли между Трансваалем, Оранжевой республикой, которая, похоже, скоро войдет в его состав, и императорским холдингом.

Разумеется, покупать буры хотели много. В основном оружие, то есть пулеметы, автоматы, горные пушки и, что удивительно, даже винтовки Мосина. Хотя в общем-то понятно – «маузер 98», конечно, лучше, но русская винтовка почти втрое дешевле.

Оболенскому же предстояло убедить Боту не торопиться с оружием, а сначала закупить оборудование для шахт и начать строить железную дорогу на север. Потому как иначе чем он платить-то будет? Говядина из Южной Африки в Европе за счет перевозки станет золотой, так пусть лучше буры сразу платят золотом и алмазами. Хотя и коровы тоже пойдут в дело, среди совместных предприятий, которые следовало предложить Боте, был и консервный завод.

На нынешней высокой должности – пожалуй, даже более значимой, чем пост министра двора и уделов, Оболенский оказался после благополучного завершения операции с французским кредитом. Правда, такой уж благополучной она оказалась не для всех – например, для

бывшего патрона, Сергея Юльевича Витте.

В то, что Витте был устранен по приказу императора, Оболенский не верил ни секунды. Ну совершенно это не в правилах его величества – ликвидировать человека, из которого в перспективе можно было вытрясти не меньше миллиона! А теперь, понятное дело, до большей части денег бывшего министра финансов не доберешься.

И то, что император к смерти Витте непричастен, означало – Оболенскому следует обратить самое серьезно внимание на свою безопасность. Ибо те, кто убил Сергея Юльевича, могут на этом не остановиться. И, значит, надо не ограничиваться той охраной, что ему положена по должности, а завести еще и свою. Денег хватит.

Одна из трудностей грядущих переговоров состояла в том, что далеко не все страны имели понятие о секретности, и Трансвааль к ним точно не относился. И, значит, следовало не только убедить президента в полезности русских инициатив для его страны, но и сделать это так, чтобы даже при желании он не смог разболтать ничего важного.

Впрочем, не только Оболенскому приходилось задумываться о секретности. Подобные вопросы регулярно вставали и перед ее императорским величеством Анной Федоровной, в девичестве Маргаритой Беатрисой Феодорой Гогенцоллерн. Однако такого, чтобы секретить что-то приходилось в том числе и от мужа, до сих пор в ее практике не случалось.

С одной стороны, по смыслу операции «Трест» требовалось, чтобы у императриц действительно появились секреты от императора. С другой – вдовствующая императрица Мария Федоровна была решительно против.

- Милочка, я не знаю точно, сколь на самом деле сердечны и доверительны ваши отношения с Аликом, - заявила мать императора. – Однако я уверена, что у меня начнутся серьезные неприятности, если он заподозрит, будто я скрываю от него что-то важное. А если оно вдруг окажется очень важным, я даже не уверена, что мне оные неприятности удастся пережить.

- Понимаю ваши сомнения, - кивнула Рита. – Поэтому в глубокой тайне будет готовиться открытие нового направления в музыке. Электрического.

- Э... это как? – офигела вдовствующая императрица, – что, кто-то хочет переложить закон Ома для фортепьяно с оркестром? Неужели Алик настолько духовно вырос, что наконец-то сможет отличить мажорную тональность от минорной? В детстве не мог.

- Сейчас сможет, - подтвердила Маргарита. – Правда, не на слух, а на

бумаге. Музыкальный слух у него отсутствует полностью. Но тем не менее у меня сложилось впечатление, что на самом деле он отлично себе представляет, на что эта самая никому не известная электрическая музыка должна быть похожа. Но по каким-то причинам никому об этом не говорит, даже мне. Вот мне и захотелось самой понять по косвенным признакам, как он видит электрическую музыку, и сделать ему сюрприз. По-моему, это будет безопасный секрет.

- Да, пожалуй, - согласилась императрица. – А мне, значит, следует намекнуть об этом в ближайшем же письме к сестре?

- Лучше не в ближайшем, а только когда у меня хоть что-то получится. Пока и намекать не про что.

На само деле Рите в числе прочего хотелось и просто удивить мужа. Ей казалось, что она путем сложных и вроде бы не относящихся к делу вопросов смогла понять, как он представляет себе оркестр электрической музыки. Получилось нечто довольно странное. Две или три электрогитары, какой-то клавишный инструмент, но не рояль, и барабанщик с кучей не только барабанов, но и тарелок. Как же он один-то на этом всем стучать будет?

Однако помаленьку кое-что прояснилось. Так, Колбасьев, которого Александр попросил оказать помощь супруге, сказал, что вполне можно сделать электронный инструмент, напоминающий орган. Правда, пока можно соорудить только одноголосый, но зато с широким диапазоном и множеством регистров, у обычных инструментов не встречающихся. Барабанщику сделали ножной привод для части его сложного хозяйства, и, наконец, по обмолвкам мужа стало понятно, как должна выглядеть солистка. То, что это будет именно Марина, Рита решила сразу. И с некоторой завистью убедилось, что необычный черно-красный брючный костюм отлично гармонирует с высокими шнурованными сапогами, и все это на великой княгине Марине Романовой смотрится просто великолепно. Рита даже слегка забеспокоилась – не уйдет ли муж, увидев такое, но почти сразу пришла к выводу, что это невозможно. Максимум – изменит разок-другой, да и то вряд ли. Дело в том, что у него гипертрофированное чувство долга, и Рита до сих пор не могла решить, хорошо это или не совсем. В общем, приходилось принимать Алика таким, какой он есть.

Оставался репертуар. Рита поначалу не поверила, но ответы на заданные в разные дни вроде бы не относящиеся к музыке вопросы однозначно указывали, что петь надо по-английски. Более того, удалось узнать название одной песни, которая особенно нравилась Александру –

«хаус оф зе райзинг сан». Проживший несколько лет в Америке Колбасьев подтвердил, что действительно слышал нечто подобное в Новом Орлеане. Это слезливая баллада городской бедноты о том, как все в жизни безнадежно и несправедливо.

Вскоре выяснилось, что эту песню знают и в Ливерпуле, так что недавно Рита получила кое-как записанные от руки ноты и слова. Разумеется, и то, и другое пришлось основательно доработать. Ну, если теперь муж не будет поражен в самое сердце, то тогда его вообще ничем не проймешь, решила императрица, прослушав несколько репетиций.

***

Да уж, внезапно выяснилось, что я свою толстокожесть сильно преувеличивал. Считал, что изумиться до самых печенок мне не дано, а оказалось – очень даже. Пожалуй, попадись мне на Невском сейчас, в тысяча девятьсот седьмом году, вейпер на гироскутере со спиннером в руках, я бы удивился меньше. Или, во всяком случае, не больше. Рита ухитрилась организовать вполне приличную рок-группу! И она играла и пела ничуть уже, чем школьный ансамбль времен моей первой юности. Даже, пожалуй, громче, хотя это можно было отнести на счет великолепной акустики небольшого зала на третьем этаже Гатчинского дворца. В изготовлении аппаратуры я сам принимал участие и знал, что суммарная мощность всех трех усилителей всего семьдесят ватт.

Правда, репертуар с ходу опознать не получилось. Поначалу песня показалась мне похожей на попытки нашего школьного ансамбля исполнить битловскую «Хелп», потом я подумал, что, вздумай «Дип Пепл» по пьяни сыграть «Шумел камыш», вышло бы нечто похожее, и, наконец, до меня дошло – да это же «Дом восходящего солнца»! То-то слова какие-то смутно знакомые. Но черт побери, откуда его знают здесь и сейчас? Кто тут еще один попаданец?!

Впрочем, я быстро вспомнил, что «Энималс» вроде не сочинили эту песню сами, а взяли за основу какую-то старую народную балладу. Вот, значит, и Рита ее тоже взяла. Уф-ф, прямо камень с души, а то ведь так и заикой стать недолго. То же мне последнее время иногда казалось, что жена хочет у меня что-то незаметно выпытать!

М-да, подумал я, когда отзвучали последние аккорды. Кажется, моя

давняя и твердая уверенность в том, что самые красивые женщины на свете – это Маришка Вереш и Наталья Варлей – приказала долго жить. Ясно же видно, что первое место занимает Марина Романова, в девичестве Некрасова. А второе – Рита, когда они стоят рядом, это не вызывает сомнений. Но я человек не гордый, меня и обладательница почетного второго места вполне устраивает, так что Марине ничего не светит. Вот только она вряд будет этим расстроена. Как, впрочем, и я.

Глава 30

Смею надеяться, что я довольно широко эрудированный человек. Мне, например, известно, что теоретические основы троичной системы счисления заложил Леонардо Фибоначчи. Жил он давно, аж за пару столетий до более известного Леонардо, это который да Винчи, и прославился еще какими-то числами имени себя, про которые помнил со школы в первой жизни, но что это такое, успел давно и основательно забыть. Ну, а про троичную систему я услышал позже, когда писал диплом. В процессе этого занятия пришлось познакомиться с ЭВМ «Сетунь», совершенно антикварной уже тогда, в середине семидесятых.

Эта машина работала в троичном коде, то есть оперировала символами «1», «0» и «-1». Для моего диплома такое было очень удобно, ведь именно три команды нужны для управления электроприводом – «вперед», «стоп» и «назад». И, уже независимо от того диплома, для прямого представления азбуки Морзе тоже, ведь она не двоичная, как кажется с первого взгляда, а именно троичная. Кроме того, в троичной системе многие вычисления, включая сложение и вычитание, не говоря уж о логарифмировании, получаются быстрее, чем в двоичной с элементами того же быстродействия. Все это мне рассказал обслуживающий машину инженер, и он же упомянул про Фибоначчи. А я запомнил, и сейчас на посту императора мне это, похоже, может пригодиться. Помните, в качестве одного из приоритетных направлений будущего развития России я обозначил электронно-вычислительную технику? И вот, кажется, настало время делать первые шаги.

Сейчас подобные устройства можно было пытаться слепить или на реле, или на магнитных усилителях. Лампы со сроком службы в десятки часов не позволяли задумываться даже о простейших калькуляторах, куда уж там чему-то более сложному. Транзисторы пока даже на горизонте не маячили – но, правда, была надежда на то, что точечные германиевые диоды скоро удастся запустить в серию, в лабораторных условиях их уже делали. Однако математику-то для подобных изделий можно начинать разрабатывать уже сейчас. Правда, я в ней, мягко говоря, не очень, и это значит, что надо искать специалистов. Эх, жалко, что Вышнеградский давно помер! Как министр финансов он был не совсем на своем месте, но как математик... впрочем, у него должны остаться ученики. Ну, а сам я

вполне в силах заняться железом – то есть для начала прикинуть, как должны выглядеть элементарные логические ячейки на реле и магнитных усилителях.

Хм, но ведь вычислительные машины могут быть не только цифровыми. Я не про предков «Железного Феликса», кои уже вовсю выпускаются. Аналоговые тоже имели свою нишу – правда, появились они позже – и, например, когда я в той жизни только-только пришел в авиастроение, они там еще использовались. Но ими пусть Колбасьев занимается. Нарисую ему схему дифференциального усилителя на лампах, а дальше уж он, наверное, и сам справится. В крайнем случае подскажу про сумматоры и перемножители. А вот насчет интеграторов промолчу из принципа – если уж без меня тут не смогут придумать даже такую простую схему, то, значит, вся моя возня была зряшной. Но это вряд ли.

Итак, суммируем. Пора начинать разработку вычислительной техники по четырем направлениям – совершенствование механических арифмометров, плюс создание электронных, то есть аналоговых, цифровых троичных и цифровых двоичных. Причем освещение результатов должно однозначно показать, что первое направление уже доказало свою перспективность, второе и третье тоже весьма интересны, четвертое же – тупиковое. А это значит, что с самого начала вместе с инженерами должны работать специалисты по представлению информации в заранее обусловленном ключе. Кстати, за время сидения на троне лично я, кажется, неплохо повысил квалификацию именно в этой области.

Жалко только, что в кибернетике я разбираюсь даже хуже, чем в подводных лодках. Примерно так, как в балете до знакомства с Юлей и женитьбы на Рите. То есть знаю страшные слова типа «архитектура», «шина», «операционная система» и даже «эр-эс двести тридцать два», умею их сравнительно связно применять, но вот детально объяснить, что они означают – увы. Как-то в прошлой жизни мне это не требовалось ни по работе, ни в хобби. Впрочем, мало ли чего я не знал и не умел в той жизни! Придется узнать и научиться в этой, только и всего.

Кстати, моя монополия на электронные лампы кончилась в начале тысяча девятьсот седьмого года. Ли де Форест изобрел-таки свой триод и запатентовал его. Я же в патентные дела не лез. Как и с Люмьерами, мне не хотелось обворовывать изобретателя. Ну и главное – патент наверняка нарушил бы секретность, что вряд ли могло быть компенсировано выплатами по нему. А вот тетроды, пентоды и комбинированные лампы

патентовать можно, все равно их так или иначе скоро изобретут и без меня. Но кто именно это сделает, я не знал, поэтому совесть моя была спокойна. Раз хозяин неизвестен, то это, если вдуматься, не воровство, а находка.

Ну, и на всякий случай не помешает объяснить, с чего это я решил заняться всякой вычислительной электроникой именно сейчас. Причем в двух словах не получится, так что прошу набраться терпения.

Итак, в этом мире русско-японской войны не было. Может, она еще когда-нибудь и вспыхнет, но в четвертом и пятом годах точно был мир. А также в шестом, да и сейчас, в седьмом, признаков надвигающейся войны не замечается. Почему так? У меня есть ответ. Возможно, он не совсем точный, но другого пока все равно нет. Он звучит так – мне удалось доказать японцам, что победа в грядущей войне весьма проблематична. А после заявления Вилли английская помощь тоже оказалась под сомнением, и японцы задумались. Да, у них весьма высок воинский дух, но при нулевых шансах даже самые отъявленные самураи в драку не лезут – тем более, что это можно было сделать без потери лица, я ведь не только побряцал оружием, но и пошел на уступки в корейском вопросе.

Так вот, теперь передо мной встал вопрос из той же оперы. На носу Первая мировая война, как ее можно предотвратить? Ответ, к сожалению, однозначен – увы, никак. Но можно и нужно сделать так, чтобы участие России в этой бойне сопровождалось минимальными потерями, принесло максимальную выгоду и не привело ни к каким революциям. Чем бы таким помахать перед потенциальными противниками и союзниками?

До сих пор никому неизвестны танки, реактивные минометы и крылатые ракеты. Причем первые два наименования лучше раньше времени в оборот не вводить, ибо они могут быть легко воспроизведены противником и использованы против нас, а вот с крылатыми ракетами дело обстоит не совсем так. Их, во-первых, будет очень непросто скопировать. А во-вторых, даже если это у кого-то и получится, особого вреда нам они все равно не нанесут. Потому как крылатая ракета, сделанная на теперешнем уровне развития техники, вообще никому не способна причинить хоть сколько-нибудь существенного вреда - разве что своему расчету, если взорвется на старте. Даже сделанная на несколько более высоком техническом уровне Фау-1 не нанесла англичанам существенных потерь. А я в прошлой жизни имел возможность познакомиться с пульсирующими воздушно-реактивными двигателями. Сначала как авиамоделист, а потом уже в качестве инженера, одно время занимавшегося обслуживанием летающих мишеней. В общем, сделать что-то этакое я, пожалуй, смогу и

здесь, включая даже пусть и убогое, но все же работающее подобие схемы управления. Ну, а потом потребуется грамотная показуха. И уж в чем - в чем, а в этом силен любой советский инженер-оборонщик, и я не исключение. Доводилось участвовать в работе полутора десятков комиссий, причем по обе стороны добра и зла. Не только как сдающему определенное изделие, но и как представителю заказчика.

Итак, что же я помню про Фау-1?

Снаряженная масса – около двух с половиной тонн. Примем для нашего изделия как исходную точку.

Вес боевой части – тонна. А вот здесь, похоже, осетра надо урезать раза в полтора, все равно бабахнет здорово.

Задатчик курса – трехосевой механический гироскоп. Это можно сделать и в теперешнем времени. Точнее, немцы нам его сделают. И автопилот, особая точность тут не нужна. Кстати, у прототипа ее и не было.

Дальность Фау я помню точно – двести восемьдесят шесть километров. Всего километра фашисты не дотянули до сакрального числа! Мы, конечно, постараемся эту вопиющую недоработку исправить. Даешь триста шестьдесят два км, и ни сантиметром меньше!*

Вот только старт с паровой катапульты мы повторять не станем. Это, конечно, решение довольно дешевое, но сейчас экономить копейки не нужно, много изделий все равно делаться не будет. Значит, что? Правильно – стартовый ракетный ускоритель как первую ступень! Строго по идеям Циолковского. Причем разрабатывать начнем одновременно и твердотопливный, и жидкостный, какой раньше дойдет до готовности, тот и запустим в производство. На будущее пригодятся оба варианта, причем без дураков.

И, наконец, последнее – точность. Наш автопилот наверняка не даст даже половины той, какой достигли немцы в предыдущей истории. Но ведь перед ними стояла задача реально бомбить Англию! А перед нами – всего лишь убедительно показать, что мы это сможем сделать. Кроме того, тут сработает еще и субъективный фактор, заключающийся в том, что в бытность свою авиамоделистом кордовыми моделями я занимался всего полгода, а радиоуправляемыми – четыре с небольшим. И нормальное радиоуправление я смогу сделать даже на тех убогих лампах, что есть у нас сейчас.

В общем, от автопилота потребуется всего лишь привести ракету примерно в район предполагаемого удара. А дальше управление перехватит оператор, заранее посаженный в хорошо замаскированное укрытие с

достаточным обзором, он и обеспечит попадание в цель. Мне же останется с умным видом плести что-нибудь насчет магнитного наведения, если целью будет корабль. Или про пьезоэлектрические сверхточные гироскопы, благодаря которым бортовой вычислитель может точно поддерживать курс по заложенной в его память карте, если надо будет разнести что-нибудь на суше. Даже якобы открывать ничего не придется, и прямой, и обратный пьезоэффекты открыты еще четверть века назад.

Кроме самой ракеты, для превращения потенциальных противников в потенциальных же друзей нужен носитель ее пусковой установки. Ну, для сухопутного варианта все ясно – это не такой уж тяжелый гусеничный транспортер. Если не страдать перфекционизмом и не пытаться сразу сделать хорошо, то сойдет любое устройство, способное протащить груз весом тонны четыре перед зрителями, и все. Если одну или даже две штуки, то сделаем сами, без проблем и быстро.

Железнодорожный вариант получится совсем просто, тут и думать не о чем.

Однако для произведения должного впечатления на Англию, а уж тем более на Штаты нужен вариант морского базирования. Если бриттов еще можно достать с суши – правда, для этого придется сначала как-то решить вопрос с Францией или Голландией, то Штаты – фиг вам. Значит, нужен быстроходный корабль с большим запасом хода, но вовсе без брони, чтобы не мешала процессу стремительной ретирады после пуска ракет. Это и у нас смогут построить, но немцы управятся быстрее, так что этаким легким крейсер лучше заказать им. Или даже два, причем со скидкой за документацию на ракеты.

Учитывая, что по обе стороны Атлантики уже наверняка задумываются о войне за передел мира, секретить ракетную тематику надо на отвяжись и спустя рукава, чтобы самый бесталанный агент хоть что-то, но про нее узнал. В этом смысле ПУВРД близок к идеалу – небольшой движок, с которым в первой юности я возился во Дворце пионеров, верещал так, что его работу было слышно от универмага «Москва». Да еще каким противным скрежещающим визгом! А это была совсем небольшая труба весом в полкило и тягой кило триста. И не было в ней ничего сложного, я такую (ну или почти такую) здесь смогу собрать дня за три. Но, пожалуй, лучше не спешить и повозиться пару-тройку недель, дабы слепить девайс раза в два, а то и в три побольше. Тогда, если этакое орано заработает в Гатчине, слышно его будет как минимум в Царском Селе. Потом установить движок на летающую модель с взлетным весом

килограммов семь-восемь и не спеша, всерьез отрабатывать радиоуправление, оно в будущем обязательно пригодится.

Да, но не самому же всем этим заниматься! Значит, работу надо начать с того, что придумать, кому все это поручить.

Туи мне вспомнилась... нет, даже не молодость, а самый, так сказать, возраст расцвета в первой жизни. Мне было тридцать шесть лет, когда я начал подрабатывать в центре научно-технического творчества молодежи. Вообще-то эти конторы были задуманы как насосы для перекачивания безналичных государственных денег в наличные на счетах его руководителей, именно там начинал свою карьеру небезызвестный Ходорковский. Но, по крайней мере поначалу, для приличия они иногда занимались и реальной деятельностью. Разумеется, без фанатизма, где-то в районе десяти – пятнадцати процентов от общего оборота. Мы там небольшим коллективом делали источник питания для мощного лазера, и даже с таким грабительским процентом он был разработан впятеро быстрее и обошелся втрое дешевле, чем запрашивал профильный НИИ. Так вот, почему бы здесь и сейчас не организовать нечто подобное? Разумеется, без воровства в позднесоветском стиле. Пусть студенты работают в свободное от учебы время за не такие уж маленькие деньги. Ребята молодые, горячие, многие склонны к идеализму... то есть обязательно разболтают, хоть их и предупредят о секретности. Что, в общем-то, и требуется.

Кто всем этим будет руководить? Менделеев уже старый, как бы не помер невзначай, в другой истории он скончался именно в седьмом году, я, к сожалению, не помню точной даты. Впрочем, он проходит регулярные обследования у Боткина, так что, наверное, проживет подольше, но только если не будет сильно напрягаться. Зато Жуковский в самом расцвете сил, вот на него и повесим руководство всей этой молодежной бандой.

В общем, при правильном проведении ракетной пиар-компании Англия, скорее всего, крепко задумается, прежде чем начинать подготовку к войне против стран, имеющих ракетное оружие, то есть России и Германии. Или по крайней мере начнет строить конкретные планы после того, как договорится со Штатами. Им-то ракеты не так страшны, хотя, конечно, тоже могут заставить задуматься – как исключить появление кораблей противника ближе двух-трех сотен километров от уязвимых целей на своих берегах.

Даже жалко, что на Кубе сейчас нет революционной ситуации, а то можно было попытаться устроить Карибский кризис, так сказать, с опережением плана, то есть раньше лет на пятьдесят. Без ядерного оружия

он, конечно, получится не столь эффективным, но...

Тут я глянул на карту и понял, что с Карибским кризисом получается облом. Даже если удастся достичь дальности триста с небольшим километров, в радиусе досягаемости оказывается только Майами, а сейчас это дыра дырой, никому в общем-то не интересная, кроме какой-то тетки, разводящей там лимоны с апельсинами, мне про нее рассказывал Колбасьев. Зато с мексиканской территории можно достать до Лос-Анжелеса, а если немного проплыть на север, то и до Сан-Франциско! Это уже интереснее и, главное, я точно помню, что в Мексике скоро должна начаться революция. Правда, мои сведения о ней большей частью основывались на повести Джека Лондона «Мексиканец», но сейчас наверняка можно все разузнать и поточнее. Однако, несмотря на убогость моих сведений, я знаю, что революция там в иной истории началась перед Первой мировой, а закончилась уже после ее окончания. Что, кстати, явилось одной из причин позднего вступления Штатов в европейскую свару – не очень комфортно воевать на другом краю океана, когда у тебя под боком такой кипящий гадючник. И, значит, пусть он вскипит поосновательней, то есть пора разобраться, кто там кого угнетает и как поэффективней помочь угнетаемым. Кажется, в Мексике очень не любят американцев, слово «гринго» явно не комплимент.

В общем, Михаилу Рогачеву скоро сильно прибавится работы. Редигера тоже можно подключить, пусть изучит вопрос о финансовых аспектах поставок русского оружия в Мексику. Не задаром же гнать туда винтовки с пулеметами, не говоря уж об авиации. И, раз о ней зашла речь, ракеты надо разрабатывать сразу две. Кроме нормальной копии Фау, не помешает еще и уменьшенная в два раза, бомбардировщик с полутора тоннами полезной нагрузки у нас скоро будет. Кстати, при воздушном старте никакой ускоритель вообще не нужен, так что такая ракета, пожалуй, получится даже раньше полноразмерной.

Я быстро записал основные положения своего мозгового штурма и с чувством глубокого удовлетворения подумал, что, несмотря на все выверты судьбы, в душе я так и остался простым советским человеком, то есть всегда готовым к бескомпромиссной борьбе за мир во всем мире.

Глава 31

Развитие техники иногда идет весьма извилистыми путями. Например, в той истории транзисторы поначалу рассматривались в качестве элементной базы для создания маленьких и удобных слуховых аппаратов для глухих, и прогресс шел именно в этом направлении. Причем весьма заметный – от первых точечных элементов к плоскостным!

У нас получилось иначе. Наш отец электровакуумного триода, Колбасьев, разумеется, понимал важность снижения собственных шумов в изделиях, однако прочувствовать это он смог только в процессе разработки музыкальной электроники для Риты. Кроме малошумящих ламп, он сам додумался до дифференциального каскада, мне даже не пришлось его рисовать. И теперь в России вдруг сразу появились три энтузиаста рок-музыки – главный в стране электронщик, моя собственная жена и моя же бывшая любовница. Да что там говорить – я бы и сам с удовольствием подался в энтузиасты, будь у меня хоть капелька музыкального слуха. Но – увы, чего нет, того нет. Кстати, оное отсутствие не мешало супруге эксплуатировать меня в качестве композитора. Нет, мои попытки напеть мелодии были пресечены сразу с формулировкой «дорогой, мы же не лесу, распугивать тут некого!», однако на гитаре я кое-как наиграл «Венус», в моей первой молодости более известной как «Шизгара», а одним пальцем на рояле – «Смок он зе вотер», «Вуман фром Токио», а под занавес – «И вновь продолжается бой». Рите, кстати, этот мотив понравился больше всех. Еще я наверняка смог бы исполнить гимн Советского Союза, но пока этого не делал. Мне казалось, что тут сразу нужны слова, но какие? Те, что придумал Михалков, меня не устраивали ни в каком варианте. Некрасовское «однажды в студеную зимнюю пору» тоже особого восторга не вызывало. Смешать их, что ли? Не мудрствуя, просто брать строчки оттуда и оттуда через одну.

Я записал, что получилось, и даже почувствовал что-вроде гордости своим поэтическим дарованием. Ну сами посудите:

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Сплотила навеки великая Русь.
Гляжу, поднимается медленно в гору

Великий, могучий Советский Союз!

Правда, пока подобные откровения несколько преждевременны, но если вдруг когда-то в будущем Союз возникнет, то почему бы и нет? К тому же многие великие поэты часть произведений писали «в стол», и мне, значит, ничего не мешает последовать их примеру.

Ну, а если говорить серьезно, то я понимал, что рок-музыка в принципе сможет оказать большое влияние на умы людей, но вот в какую сторону и, главное, как этим можно воспользоваться в своих интересах, еще пока не придумалось. Вообще-то, наверное, рано, ведь для интенсивного продвижения музыкальной культуры в массы необходимы магнитофоны. Граммофоны, увы, не годятся – на них, с моей точки зрения, терпимо воспроизводились только цыганские песни... ну и еще, пожалуй, Шаляпин. Для более серьезной музыки их качество звука все-таки слишком сильно хромало.

Вообще-то в этом мире магнитофоны уже появились, целых четыре штуки. Один – у меня, два у Колбасьева, один у Риты. Как говорится, это хорошо, но мало. Нужно как минимум в миллион раз больше, это если планировать успех в мировом масштабе. Однако с этим – увы. И не только из-за недостатка магнитофонов.

Ведь, если вдуматься, на советские песни меня потянуло не просто так. Похоже, это была защитная реакция организма. Дело в том, что я наконец-то, на тридцать девятом году второй жизни, усомнился в коммунизме. Нет, не в том, что его когда-то, в отдаленном будущем, можно будет построить – в этом-то как раз ничего невозможного нет. Но вот хорошо ли в результате получится?

Началось все с того, что в процессе изучения (ну, если быть точным, то чтения по диагонали) трудов Маркса и бесед с Лениным обнаружилась одна тонкость. Оба классика утверждали, что при капитализме (и вообще любом строе, кроме коммунизма) большинство, производящее продукты, эксплуатируется меньшинством, все произведенное распределяющим. Естественно, в первую очередь себе, а большинству – только необходимый минимум для поддержания работоспособности.

Так вот, эту стройную систему начало слегка перекашивать уже в

начале двадцатого века, а его концу и тем более в веке двадцать первом перекося достиг циклопических размеров. Причем, что интересно, понял я это только сейчас, хотя наблюдал чуть ли не всю первую жизнь подряд.

Итак, производительность труда непрерывно растет. В начале девятнадцатого века в развитых странах где-то девяносто пять процентов трудоспособного населения вкалывало на полях (просто сельскохозяйственных и на полях сражений, это тоже работа), фабриках и мануфактурах, один процент почти все присваивал и распределял, а оставшиеся четыре процента ему в этом помогали. Ну и развлекали хозяев жизни песнями, плясками и рисованием высокохудожественных произведений искусства.

В начале двадцатого века картина качественно не изменилась, однако цифры стали немного другими. Теперь это уже не девяносто пять и пять, а примерно девяносто и десять процентов. В общем, пока все по Марксу и Ленину. Но дальше-то что будет?

Ответ стал проясняться уже в конце двадцатого века, а в начале двадцать первого прояснился полностью, но почему-то это мало кто понял. Я, во всяком случае, себя к числу догадливых смог отнести только сейчас.

Количество производящих материальные ценности упало примерно процентов до пятнадцати от трудоспособного населения! Если добавить производителей ценностей духовных, то получится семнадцать, максимум восемнадцать процентов. Естественно, всяких телеведущих, кинорежиссеров и эстрадных певиц я в эти дополнительные один-два процента не вношу, ибо продукт их труда отнести к духовным ценностям никак не получается.

Разумеется, никакой Америки я подобными рассуждениями не открыл. Но если вспомнить Маркса, то потом остается только растерянно чесать в затылке. Ведь отношение к распределению сохраняется – одни работают, другие тем или иным способом присваивают результаты их труда. Да, но теперь вторых в разы больше, чем первых! И получается, что большинство эксплуатирует меньшинство. Это ведь и есть коммунизм, разве нет? Вот только какой-то он не очень похожий на то, что описывали Ефремов и Стругацкие. И, мягко говоря, еще и пованивает.

Впрочем, я знаю, что в ответ на такие мои выводы скажет Владимир Ильич. Мол, главный признак социализма и коммунизма – это отсутствие эксплуатации человека человеком, а все остальное преходяще. Да, но ведь даже в начале двадцать первого века большинство рабочих мест могли занять роботы! И не делалось это только потому, что индонезийский,

малазийский, русский и даже китайский рабочий обходятся дешевле. Но электроника прогрессирует и дешевеет быстро, и, наверное, уже к середине двадцать первого века вкалывать станут в основном роботы. То есть эксплуатация человека человеком исчезнет, ее заменит эксплуатация человеком робота. Это, значит, и будет тот самый коммунизм?

Вот честно скажу, не хотелось бы мне жить в обществе, состоящем сплошь из девелоперов, менеджеров, мерчендайзеров, спичрайтеров и прочих спекулянтов, пока еще не получивших англоязычных наименований. А также певиц, трясущих силиконовыми сиськами под фанеру, художников, прибывающих себя за яйца к чему попало и, как не столь отвратных персонажей, множества мелких блоггеров и звезд инстаграма. В Москве начала двадцать первого века было все-таки не совсем так, получше, но все равно я практически никогда не сожалел о той жизни. А теперь, значит, иметь ее в виду как светлое будущее для всего человечества? Извините, не могу. Тошнит-с.

Да и светлое прошлое, то есть советские времена, в свете вышеописанных рассуждений выглядит не очень радужно. Да, всяких девелоперов там не было. Зато были партийные, комсомольские, спортивные, общественные и прочие деятели, и то, что они якобы числились где-то работающими, к производству каких-либо ценностей их нисколько не приближало.

Представим себе ситуацию, в которой СССР не развалился, внешнего давления на него нет, производство полностью автоматизированное, только знай программы меняй, если есть желание. А если нет, пусть заводы годами гонят одно и то же. Над колхозными полями сотнями тысяч выются дроны и заботливо опекают каждый колосок пшеницы. Каждая свинья, корова и прочая живность снабжена микроконтроллером, который периодически посылает прямо в мозг сигналы – на пастбище, скотина! Потом отдохнуть – и доиться, если ты корова. А если свинья – своим ходом на мясокомбинат, подъезд номер такой-то, к десяти ноль-ноль завтрашнего утра.

Людам же останется трудиться всякими комсомольскими и партийными деятелями, членами комиссий по улучшению хрен знает чего, общественными контролерами, дружинниками и профсоюзными функционерами. Певицы будут петь «не расстанусь с комсомолом», причем тоже под фонограмму. Правда, трести при этом ничем не станут, но тут ведь так прямо не скажешь, лучше это или хуже. Художники вместо живодерских перфомансов будут с чувством глубокого удовлетворения

созидать индивидуальные или групповые портреты членов Политбюро, а самым достойным доверят даже изображение обоих Ильичей на фоне Маркса с Энгельсом. Тут, правда, есть положительный момент – эти будут хотя бы уметь рисовать. Однако одного этого для того, чтобы проникнуться симпатией к подобному обществу, все-таки недостаточно.

Стоп, стоп, оборвал я слишком уж энергичный взлет своего пессимизма. Ефремов еще в конце шестидесятых писал, что для реализации коммунистических отношений важна не только и даже не столько развитая материальная база, сколько воспитанное с детства разумное самоограничение материальных потребностей. Все правильно, если человеку, всю жизнь голодавшему и соответствующим образом воспитанному, дать возможность лопать от пуза, он или сразу обожрется до заворота кишок, либо, если он способен себя хоть как-то контролировать, быстро отрастит такое пузо, что свои причиндалы сможет видеть только в зеркале. Аналогично те олигархи двадцать первого века, чье нищее детство прошло в коммуналках, испытывают совершенно иррациональную тягу к безвкусной роскоши.

Так, небось, воспитывать же людей надо, во избежание подобного. Да, но как это делать? Где взять рабочие методики?

Через пару минут я понял, где именно. Как часто бывает, искомое нашлось на самом видном месте. Вот взять, например, меня.

Родился я в деревне и до шести лет жил там. Если кто думает, что в конце пятидесятых на селе жилось зажиточно и сытно, то это он зря.

Потом родители переехали в Москву. Первое время мы обитали в бараке неподалеку от только что построенной гостиницы «Украина». Жизнь там была почти как в песне Высоцкого. Помните - «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная»? Правда, в нашем бараке комнат было меньше, десятка два с небольшим, зато та самая уборная на четыре очка вообще торчала на улице.

Двадцатидвухметровая комната в коммуналке после таких условий казалась верхом комфорта, почти дворцом. А уж когда мы переехали в хрущевскую трешку, это вообще был полный восторг.

То есть рос я отнюдь не довольстве и сытости. Но потом, когда они наконец в первом приближении наступили, я почему-то не отрастил пузо и даже не начал жрать всякие фуагры пополам с хамонами. И тяги к роскоши не приобрел, скорее наоборот. То есть если мне приходилось контактировать с человеком в дорогом фирменном костюме, я относился к

подобному с пониманием. Ну мало ли, может, у него начальник сноб и настаивает именно на такой форме одежды. Сам-то я почти всегда ходил в джинсе, она удобнее, но, наверное, не всем так повезло в жизни. Но вот понять тягу к дорогим механическим часам, которые по всем параметрам хуже хороших и дешевых электронных или, кто привык к стрелкам, кварцевых, мне было не дано. Я сразу начинал подозревать, что с человеком что-то не так. Ну прямо как в анекдоте:

- Прикинь, какой я на прошлой неделе галстук за сто баксов взял.

- Ну ты и лох! Я вчера такой же купил за двести пятьдесят.

А это означает, что меня кто-то смог воспитать в правильном ключе, именно в смысле разумного самоограничения. Осталось только понять - когда, кто, где и как ухитрился это сделать.

Октябренком я, конечно, был, но с тех времен у меня к началу взрослой жизни даже звездочки с младенцем-Ильичом не осталось, не говоря уж о воспоминаниях по поводу каких-то воспитательных процессов.

Пионерская организация? Как же, помню. Галстук, например, правильно завязать я, наверное, и сейчас смогу. Опять же эти... как их... торжественные линейки. И сбор макулатуры с металлоломом. Может, именно там меня воспитали?

Увы, непохоже. Железяки мы, как самые здоровые в классе, таскали на пару с одним будущим почти олигархом. Он потом успел покрасоваться на пятисотом мерсе, в малиновом пиджаке и золотой цепью на шее, прежде чем его пристрелили в конце девяностых. Так что не очень пионерская организация тянет на роль воспитателя.

Про комсомол я могу сказать гораздо больше. Были в нем, конечно, и положительные стороны – например, в школе он почти не мешал жить. А вот про институт так сказать уже не получалось – в студенческое конструкторское бюро МАИ попасть было возможно только через комитет комсомола. Блин, до сих пор помню, как мне там сношали мозги на предмет недостаточной общественной активности!

Правда, позже я даже слегка зауважал комсомольцев.

Дело в том, что СССР разваливала в основном его руководящая и направляющая сила, то есть партия. Разумеется, она это делала не из идейных соображений, а из чисто шкурных – номенклатурные и близкие к ним коммунисты считали, что в обновленной России хозяевами жизни станут именно они. Однако комсомольцы эту зажравшуюся мразоту обломали. В двадцать первом веке в депутатах, высших чиновниках и

олигархах осталось совсем мало бывших партийцев – их съели. В основном выходцы именно из комсомольского актива. Причем некоторым даже судимость не помешала. По-быстрому крестились, исповедались у купленного батюшки – и вперед, во власть.

В общем, история показала, что с выращивание воров, проходимцев и приватизаторов на закате своего существования комсомол справился отлично. Однако к воспитанию меня он отношения не имеет, поэтому продолжим поиск.

Семья? Наверное, да. Но главным все-таки были все-таки места, где я проводил почти все свободное время.

Сначала – астрономический кружок во Дворце пионеров. Потом – авиамodelьный там же. Затем – 2-й Московский аэроклуб, полеты на планерах, а параллельно – работа в студенческом конструкторском бюро. Эх, какие там были люди!

Вот оно, дошло наконец до меня. Пора разворачивать работу с молодежью. Кому поручить? Да почему бы и не младшей сестре, Ольге. А заодно и ее мужу, он же герой, это наверняка вызовет повышенный восторг у воспитуемого юношества.

Я снял трубку телефона и распорядился к послезавтрашнему утру подготовить борт номер один к полету на Тверской вагоноремонтный завод, где Куликовский работал летчиком-испытателем.

Глава 32

Борт номер один в Российской империи – это дирижабль. Номер два – тоже, он запасной. Вообще-то у меня есть еще три личных дельтаплана, но они даже соответствующих номеров не имеют, летаю я на них не очень редко, но всегда недалеко. Личного самолета нет. Просто потому, что на теперешнем уровне развития техники дирижабль, даже наполненный водородом, немного надежнее аппарата тяжелее воздуха, статистика аварий это подтверждает. Тепловой, наверное, еще надежнее, но почти никакой статистики тут нет. Единственная в России авария с этим типом летательных аппаратов произошла в первом испытательном полете, когда Ники при посадке повредил гондолу.

С наполненными гелием дирижаблями картина похожая. Таковой в России всего один, и в аварии он не попадал ни разу. Ну, а несколько меньшая по сравнению с самолетом скорость... да начхать. Ради двух с небольшим часов разницы на пути от Питера до Москвы трястись в узком фюзеляже, продуваемом сквозняками, слушать рев расположенных как раз по сторонам тесного салона движков, да все это еще при большем, чем на дирижабле, риске слегка разбиться? Ну, когда меня вдруг ни с того ни с сего тянет на романтику, хочется драйва и адреналина, то я, конечно, лечу на самолете Гатчинского авиаотряда. А если нужно просто попасть из одной точки в другую, что бывает гораздо чаще – то на дирижабле. Причем не в пилотском кресле, а в пассажирском. Вот как сейчас, при полете в пригород Твери.

При подлете к месту назначения по радио сообщили, что погода в районе аэродрома мерзкая – нижний край облачности метров сто, видимость четыреста и продолжает ухудшаться. Летел бы я на самолете, пришлось бы или рисковать при посадке, или уходить на запасной аэродром, а дирижабль просто сбросил скорость и начал заход на посадку ползком.

Вообще-то, как уже говорилось, я летел под Тверь вовсе не по авиационным делам. Однако сразу озадачить сестру и ее мужа проблемами воспитания подрастающего поколения не получилось. Просто потому, что Куликовский встретил меня с покарябанной физиономией, загипсованной правой рукой и слегка прихрамывая.

- Что тут у вас стряслось? – вздохнул я.

- Авария при испытательном полете нового Мо-4 с экспериментальными винтами, - пояснил Куликовский.

- С изменяемым шагом?

- Так точно, Александр Александрович.

В общем, на тернистом пути прогресса обнаружилась очередная яма.

Предок Мо-4, «Мошка», в принципе при отказе одного из двигателей могла продолжать полет на оставшемся. Правда, это требовало от пилота определенной квалификации, и не потому, что не хватало тяги. Просто вставший воздушный винт создавал приличное сопротивление, и самолет на полном газу оставшегося мотора начинало разворачивать. От пилота требовалось быстро подобрать и потом поддерживать именно такую тягу, чтобы самолет, во-первых, мог лететь прямо. А во-вторых, без снижения.

Примерно через десяток-другой тренировок это начинало получаться у каждого.

С Мо-4 было почти то же самое, только хуже. Удвоенная мощность моторов потребовала других винтов, они стали четырехлопастными. К тому же скорость самолета увеличилась, и все это, вместе взятое, привело к тому, что при отказе одного из двигателей управлять «четверкой» было заметно сложнее, чем предшественницей. То есть для пилота средней квалификации – считай, вообще на грани возможностей.

Избежать подобного можно, применив винты изменяемого шага, вплоть до флюгирования. Это слово означает, что лопасти повернуты так, что встали почти параллельно потоку воздуха и оказывают ему минимальное сопротивление. Все хорошо, но только обеспечить требуемую прочность и надежность такому винту куда сложнее, чем тому, который вырезан из цельного куска деревянной переклейки.

Вот, значит, экспериментальный винт и развалился в одном из первых испытательных полетов, при этом отлетевшая лопасть вдрызг расколотила остекление пилотской кабины. Куликовский совершил вынужденную посадку, ибо дотянуть до аэродрома не получалось, но не совсем удачно. Самолет скапотировал, пилот пострадал, однако разрушившийся узел перемены шага винта дополнительных повреждений не получил, и теперь его изучали инженеры.

- На войне я бы, наверное, предпочел летать на машине со старыми винтами, пусть ее и будет здорово тянуть в сторону при отказе одного из моторов, - закончил он свой рассказ.

- А вот я бы – наоборот. И дело тут не только в упрощении пилотирования на одном движке. Винт изменяемого шага позволит

увеличить тягу как при взлете, так и на максимальной скорости. А ведь при взлете с палубы авианосца важен каждый грамм тяги, вам ли этого не знать! Да и лишний десяток-другой километров в час максималки в боевых условиях лишним точно не будет. Да, понятно, что первое время, пока конструкция еще не отработана, полеты безусловно будут сопряжены с риском. Но ведь рискуете-то вы, пилот по квалификации сильно выше среднего уровня, и, значит, степень риска для вас все-таки будет меньше. Зато потом, когда механизм изменения шага станет более надежным, обычным летчикам будет несколько проще. Кроме того, сейчас разрабатывается большая четырехмоторная машина, а для нее этот вопрос будет еще актуальней. Но, однако, я сюда прилетел не только посмотреть, как у нас обстоят дела с винтами. И вообще завтрак у меня был рано утром и состоял из стакана чая и бутерброда с маслом, а сейчас уже четвертый час дня. Это я, чтобы не было неясностей, набиваюсь на приглашение пообедать от вас с Ольгой. Покормите голодного императора? Желательно дома, а не в столовой, я еще и поговорить с вами хочу.

Суть моего предложения чета Куликовских поняла сразу, однако в его грядущей эффективности поначалу усомнились оба.

- Если молодежь учить сложным профессиям, - вздохнула Ольга – то когда ее воспитывать? Времени же не хватит.

- По-моему, человека в пятнадцать лет менять уже поздно, - внес свою лепту ее муж. – Казаки говорят, что воспитывать дитя нужно, пока оно еще лежит поперек лавки. А когда вдоль, то можно только учить.

- Во-первых, откуда вы взяли пятнадцать лет? Авиамоделизмом, радиodelом, стрельбой прекрасно можно заниматься и в десять. И насчет лавки – тут я не согласен. Мой опыт подсказывает другое.

Ну да, он у меня действительно был. Ведь насколько здешний Николай отличался от того, про которого я читал в первой жизни! И можно без ложной скромности сказать, что это именно моя заслуга. Просто потому что никаких, кроме выжившего Алика, отличий этой истории от той поначалу не было. Причем мое влияние на брата началось, когда ему было уже слегка за три года, а продолжалось всю его короткую жизнь, и довольно результативно. Эх, ну почему же здесь туберкулез подхватил он, а не Георгий...

- Более того, - продолжил я, - существует точка зрения, что роскошь растлевает. Так вот, она не бесспорная. По сравнению с подавляющим большинством российского народа мы - все трое - выросли в роскоши, однако никто из нас не оскотинился. Наоборот, деградировать в условиях нищеты проще. Но главное условие превращения человека в ходячую

плесень – это праздность. Господин Дарвин, чья теория в последнее время вошла в моду, утверждает, что люди произошли от обезьяны, а Энгельс дополняет, что в этом им помог труд. Истинность этого утверждения сомнительна, как и обратного ему, но по другой причине. От безделья человек начинает превращаться не в обезьяну, а сразу в свинью! Или, если процессу сопутствует нищета, то в крысу. Вот, значит, я вам и предлагаю сначала создать, а потом возглавить организацию, в которой юноши и девушки смогут найти применение своим способностям путем приобщения к творческому труду. Ибо копать отсюда и до обеда иногда, конечно, тоже нужно, однако воспитательный эффект от такой деятельности минимальный.

- Ну почему же? – возразил Куликовский. – Некоторым помогает, особенно в сочетании с усиленной строевой подготовкой и нарядами вне очереди. Все осознают, даже до гауптвахты дело не доходит.

- Вот-вот, определенный педагогический опыт у вас, кажется, уже есть. Осталось создать... ну, скажем, добровольное общество содействия армии, авиации и флоту. Сокращенно ДОСААФ.

- Но почему именно мы? – встряла сестра.

- Потому что ты – член императорской фамилии, никто тебя оттуда не исключал. А Николай – признанный герой и яркий пример для молодежи. Найди мне еще одну такую пару, и тогда, возможно, я соглашусь на замену. Но никак не раньше.

- А Жоржи со своей Мариной?

- Ну, Георгий – он, конечно, член. Однако его жена никакая не героиня и вообще почти никому не известна. Вот как приобретет мировую славу, тогда мы, конечно, и эту пару припащем к чему-нибудь аналогичному.

- Но ведь, наверное, такую работу лучше проводить в столицах, – продолжала сомневаться Ольга, – а что там делать Коле?

- Согласен, пока нечего. Но он, между прочим, все уже прекрасно понял. Двигаться надо от простого к сложному, и здесь, в городке, поначалу будет проще. Тут все друг друга знают, и уж организовать-то первичную ячейку нового общества будет не в пример проще, нежели в Питере или Москве. И даже чем в Твери, она станет вторым полигоном для отработки методик. Ну, а когда разберетесь, что тут к чему, и поднаберетесь опыта, тогда можно будет замахиваться и на всероссийский масштаб. Так что, Оленька, придется тебе еще немного посидеть в глуши. Но ты не волнуйся, никуда за время твоего сидения высший свет не денется.

- Да в гробу я его видела! – возмутилась сестра. – К маман и Ксении в

гости и на поезде недолго съездить, а больше мне в твоём Питере ничего не надо. Театр и в Твери есть. Правда, говорят, у вас там какое-то новое направление в искусстве появилось, называется электрическая музыка. Не слышал?

- Слышал, - вздохнул я. – Этот оркестр у нас на третьем этаже репетирует. Рита придумала, а я слегка помог с аппаратурой. Ничего так у них получается, громко. Кстати, интересная мысль. Если первые концерты давать в Питере, то может получиться не очень хорошо – публика там привередливая, сноб на снобе и таким же погоняет. А вот в Твери народ неизбалованный, на столичных гастролеров косяком поперет. Так что, пожалуй, где-то сразу после рождества ждите гостей.

- М-да, - хмыкнул Куликовский, - я-то думал за время сидения на земле слегка испанский язык подтянуть.

- С чего это вдруг, решили Сервантеса в подлиннике почитать?

- И это тоже не помешает, но вообще-то сейчас в Центральной Америке происходят интересные вещи. Я имею в виду войну между Никарагуа и Гондурасом.

- Да ну, какая там война. Полк никарагуанцев гоняет по всей стране армию гондурасцев, а Штаты чешут в затылке – вмешаться, что ли? И если да, то на чьей стороне. Скорее всего, поддержат Гондурас, просто чтоб Никарагуа не зазнавалась, но России это неинтересно. Однако с языком вы решили правильно, изучайте помаленьку. Там рядом и другие страны есть.

Мексика, например, мысленно закончил я. Кстати, надо узнать, есть ли перевод «Капитала» на испанский язык. Наверное, есть, но вдруг? Тогда надо будет срочно подсуетиться. Но вот переводов ленинских трудов точно пока нет, а это нехорошо, надо срочно кого-нибудь озадачить. И вообще пора намекнуть Ильичу, что в данный момент самым слабым звеном в цепи империализма является Мексика. Там почти как в России, то есть развитие капитализма происходит в условиях наличия массовых феодальных пережитков, да и колониализм тоже сказывается. Наверняка еще что-нибудь этакое найдется, если копнуть поглубже. В общем, верхи не могут, низы не хотят, не хватает только партии, но это дело решаемое. У нас есть еще три года. Ленин же сам утверждал, что всемирная пролетарская революция с наибольшей вероятностью начнется не в промышленно развитой стране, а в аграрной с преобладанием крестьянства. Так чем ему Мексика не аграрная? Зато там, небось, ни одной нормальной спецслужбы нет, а в России их целых четыре штуки. И в случае любых не санкционированных свыше революционных инициатив они быстро покажут, что это очень непродуктивный метод социальных преобразований. Вы же, Владимир

Ильич, вроде как собирались идти другим путем? Так вот, можно дать наводку. До Гамбурга на поезде, а потом на пароходе... ну, скажем, до Веракруса.

В общем, по результатам беседы с четой Куликовских я решил, что возвращаться в Питер мне пока рановато. Один черт погода нелетная, так что если и ехать, то на поезде. А на нем можно и в другую сторону, то есть в Москву. Пора пообщаться с Зубатовым, пламенные борцы есть не только у Ленина, но и у него. А такой борец – существо своеобразное. К созидательной деятельности он, как правило, относится без малейшего энтузиазма, зато его хлебом не корми, а только дай кого-нибудь или чего-нибудь свергнуть. Иногда, особенно в самом начале, такие люди бывают полезны, но со временем обязательно встает вопрос – куда бы их деть? Вот, значит, одно из предполагаемых направлений вроде как вырисовывается. Потому как я неисправимый гуманист, и более эффективный вариант, в другой истории осуществленный Сталиным в тридцать шестом – тридцать восьмом годах, мне не очень нравится. Да и патронов жалко, они денег стоят. В общем, поговорю с Сергеем, пусть тоже подумает на революционные темы. А там, глядишь, к возвращению в Тверь и погода улучшится до такой, при которой в Питер можно будет лететь на дирижабле.

Вот только, пожалуй, придется посвятить Ольгу в одну страшную и очень государственную тайну. Дело в том, что лететь на дирижабле я вполне мог и в своем натуральном виде. Мало ли куда направился и кого повез борт номер один! Да он чуть ли не каждый день летает, не вызывая особого интереса. Однако если в поезд просто так попытается сесть его величество император, получится, мягко говоря, ажиотаж, а если назвать вещи своими именами, то полный песец. Поэтому в Москву поедет Юрий Владимирович Андропов. Документы на него у меня при себе, все гримировальные принадлежности тоже, но тут есть небольшая трудность. Дело в том, что в одиночку принять вид Андропова у меня до сих пор получалось плохо. То бакенбарды приклеятся криво, то морщины выйдут какими-то гипертрофированными, то еще что-нибудь. А Ольга одно время интересовалась театром и общее представление о гриме иметь по идее должна.

- Значит, так, сестра, - сказал я, когда она по моей просьбе зашла ко мне. – Я хочу посвятить тебя в одну очень серьезную тайну. Рассказывать о ней никому нельзя, даже Николаю. Впрочем, если совсем уж приспичит, то ему можно. Итак, вот баки и прочая накладная волосатость, вот клей, вот пузырьки с тушью разной консистенции и прочее. Вот он я, а вот

фотографии почтенного господина, в которого нам с тобой надо превратить меня. Насколько я помню, гример всегда начинал с морщинок вокруг глаз.

- А я, пожалуй, начну со щек, это проще. Не волнуйся – может, ты и не станешь так уж похож на эти карточки. Но вот себя самого ты точно не будешь напоминать ни в малейшей степени

Глава 33

Оглядываясь назад, я могу сказать, что в конце девятнадцатого века кому-то прилично повезло. Возможно, Штатам. Ибо я тогда прикидывал варианты, как бы России неявно вмешаться в готовую вот-вот разразиться испано-американскую войну и под шумок оттяпать себе что-нибудь из того, что в другой истории прибрала к загребушим лапам Америка. Например, остров Гуам. Однако, подумав, я от этой идеи отказался. Просто потому, что тогда не было известно, когда начнется англо-бурская война, и многие допускали, что это произойдет со дня день. А гнаться сразу за двумя зайцами – это, как известно, не самый лучший алгоритм охоты. В общем, война между Штатами и Испанией прошла без какого-либо участия России и практически так же, как и в иной истории. Да, можно сказать, что Америке тут повезло. Или России, потому как совершенно неясно, как бы на это отреагировали прочие державы. Мы вполне могли бы оказаться в состоянии войны на два фронта, да еще под каким-нибудь эмбарго, при безнадежно испорченных отношениях со Штатами и довольно напряженными – с Англией. В общем, я в ту свару не полез, рассудив, что, если мне вдруг понадобится тропический остров, то, чем связываться с Гуамом, лучше будет оттяпать у Китая Хайнань. В прошлой жизни мой сын там пару раз отдыхал, и впечатления у него остались самые приятные. Но это если и произойдет, то в будущем, а пока России никакие дополнительные острова даром не нужны, своих земель хватает, особенно на Дальнем Востоке.

Однако в начале тысяча девятьсот восьмого года ситуация уже выглядела иначе. Из Южной Африки мне пришлось уйти, продав тамошнее отделение своей золотодобывающей компании американцам. Что, кстати, привело к их склоке с англичанами. В общем, сейчас Россия даже косвенно ни в какой войне не участвовала, и мексиканский фронт, даже если он и возникнет, будет единственным.

Впрочем, никаких территориальных приобретений я пока не планировал. Ну разве что сам собой упадет в руки какой-нибудь карибский островок с пальмами, тогда можно будет организовать там курорт. Однако главным мне виделось иное – перспектива скорой мировой войны. И в ее преддверии занять Штаты чем-нибудь важным вблизи их собственных границ будет очень к месту.

Кроме того, имелось еще одно немаловажное соображение. Моего отца недаром прозвали «Миротворцем». За десять лет его царствования Россия ни с кем не воевала. Я, правда, сижу на троне и никому не объявляю войну уже почти восемнадцать лет, но меня так никто не называет. Ибо долгий и прочный мир – это, конечно, здорово со многих точек зрения, но вот только на боеспособности армии и флота он сказывается далеко не лучшим образом.

Как известно, генералы всегда готовятся к прошедшей войне, и с этим ничего не сделаешь. Вот только большая разница – отгремела эта самая прошедшая тридцать лет назад – или с момента ее окончания прошло всего три года! И, значит, Россия, вроде бы ни с кем не воюя, успела принять деятельное участие в подавлении боксерского восстания в Китае, в результате чего практически присоединила северную Манчжурию. И в Южной Африке тоже отметилась, где обошлось без присоединений, но зато с хорошей прибылью. Но главное – в обоих случаях удалось обкатать войска, испытать новые системы вооружений и новую тактику, родившуюся по результатам применения этих систем. В общем, и из этих соображений грядущая революция в Мексике нам тоже слегка поможет. Большая ведь разница – запускать крылатые ракеты по мишеням на полигоне – или по реальному противнику!

Вот, значит, поэтому семейная пара Рогачевых уже в начале февраля, так сказать, слегка притомилась на работе и подала заявление на отпуск, которое было тут же удовлетворено. Они отбыли сначала на Ямайку. Ну, и если там им не понравится, то еще куда-нибудь – пляжей, песка и пальм в том регионе хватает. Сына они оставили на официальное попечение Матильды и Сергея Романовых, а неофициальное – нас с Ритой, он был все-таки слишком мал для подобных вояжей.

Рогачевы вернулись в Россию в начале июля – сильно загоревшие и слегка похудевшие. В первый день они приходили в себя и заваливали знакомых экзотическими подарками, а на второй день каждый представил доклад своему начальству. Юля – Рите, а Михаил – мне.

- Папку твою попытаюсь сегодня же изучить, - кивнул я своему давнему соратнику, - а ты пока изложи вкратце, простыми словами. Как оно там?

- Гнусно, - вздохнул Михаил. – Пыль, грязь, жара, нищета даже хуже, чем у нас. Еда – просто кошмар. Будь моя воля, я бы предпочел помогать

революции в каком-нибудь более приличном месте, хоть это и труднее. В Бельгии, например. Или в Швейцарии.

- Это ты еще в Индии не был, - усмехнулся я и подумал, что Миша в этом вопросе не одинок. Владимир Ильич, например, что в этой, что в другой истории придерживался аналогичных предпочтений. И многие его товарищи по борьбе тоже.

- Надеюсь, ты меня в Индию посылать не собираешься? Ну, а в Мексике для гарантированной успешной революции не хватает всего трех вещей. Денег, оружия и вождя. Если без гарантии, то можно обойтись двумя составляющими, однако вождь все равно обязателен. А его, с моей точки зрения, пока нет. План мероприятий по выращиванию – в третьем разделе доклада.

- Посмотрю. Денег ориентировочно сколько понадобится?

- Семисот тысяч долларов вроде должно хватить – это если оружие считать отдельно. Если брать с запасом, то миллиона, по-моему, достаточно.

- Всего-то? Да, это явно не Россия.

- Кстати, мы в дороге узнали, что у нас тут в Сибири недавно случился какой-то мощный катаклизм. Вроде что-то с неба упало и взорвалось. Утка или действительно упало?

- Да, не то комета, не то метеорит. Некоторые вообще считают, что это была не очень удачная посадка межзвездного корабля. Экспедиция на днях выезжает, что-то успеем выяснить уже в этом сезоне.

Вообще-то у меня одно время была мысль, что, раз уж я помню дату падения, можно выдать это событие за успешное испытание какого-нибудь чудо-оружия типа торсионной пушки, но меня остановили два соображения.

Первое – чтобы в это поверили, одной демонстрации, да еще в таком удаленном месте, будет мало. Амеры, вон, на куда более населенную Японию – и то сбросили две атомных бомбы.

И второе, существенно более весомое. Ведь если вдруг поверят, то наверняка испугаются. А с испугу могут и напасть, причем все сразу, отринув мелкие противоречия типа Марокко или Эльзаса с Лотарингией. Мол, не дай бог Россия развернет хоть сколько-нибудь серийное производство такого оружия, и что ей тогда придет в голову? Нет уж, такую проблему лучше решить сразу.

Вот, значит, я и решил – пусть все идет своим путем. Или почти своим, серьезную экспедицию к месту падения можно отправить сразу же. Наверняка она сможет узнать что-то интересное, а если повезет – то и

полезное.

- Юля этим явлением очень заинтересовалась, - продолжал Михаил, - она Уэллса начиталась и теперь считает, что в тайге взорвался космический корабль марсиан.

- Кстати, она выглядит не такой утомленной, как ты. Лучше переносит жару и пыль?

- Хуже, поэтому почти сразу сбежала в Калифорнию, заявив, что ей надо познакомиться с писателем Джеком Лондоном. Мол, при реализации наших планов он может оказаться очень полезным.

- И как результат?

- Обаяла. Говорит, что теперь это наш человек.

- Не ревнуешь?

- Так ведь она же его не тем способом обаяла, как ты подумал! А литературно-финансовым. Но об этом тебе лучше самому в ее докладе прочитать или даже лично послушать.

- Сделаю и то, и то. Ладно, спасибо за работу, с понедельника вам с Юлей предоставляется две недели на восстановление сил после «отпуска».

Беседа с госпожой Рогачевой состоялась этим же вечером – мы с Ритой пригласили ее на ужин. Поначалу она попыталась объяснить мне, что Лондон – это очень талантливый, прогрессивный и многообещающий писатель.

- Юля, дорогая, я его произведения читаю сразу после первых публикаций, не дожидаясь перевода на русский, - уточнило мое величество. – Так что можешь обойтись без вступлений.

- Хорошо. Итак, он недавно купил ферму в Калифорнии, там ее называют ранчо. И всерьез увлекся сельским хозяйством, а подобные увлечения требуют немалых денег. В общем, он залез в долги и, дабы из них вылезти, начал быстрыми темпами гнать халтуру. Ему самому стыдно, так что мое предложение пришлось очень кстати.

Тут я, честно говоря, впал в некоторое недоумение. Вот не припомню, чтобы у Джека Лондона мне попадалось хоть что-то подобное! А прочитал я практически все, причем еще в прошлой жизни. И как выглядит литературная халтура, представлял себе очень неплохо, ибо читал не только Лондона, но и то, чем меня потчевали наши издательства. Может, в начале двадцатого века халтурой считалось нечто другое? Да нет, тут дело скорее в масштабе самих писателей. То, что для Джека Лондона есть коммерческий продукт, за который иногда даже немного стыдно, для всяких там Корчелягиных или Величковских – недостижимая высота, на которую они

даже не пытаются замахнуться.

Ну, а что за предложение Джеку сделала Юля, я, кажется, уже догадался. Когда она начала объяснять, стало понятно, что догадался правильно.

- Я сказала, что мне очень нравятся его книги, и я имею отношение к книгоиздательству в России. И убеждена, что их успех там при минимальной рекламе, кою я берусь обеспечить, будет сногшибательным. В общем, выкупила у него права на издание всего на данный момент написанного за двести тысяч долларов. Кроме того, если суммарный тираж какого-либо произведения превысит сто тысяч, будут доплаты. Ну и предложила ему новые творения сразу присылать нам.

Я скосил глаза на Риту, она слегка кивнула – значит, расходы одобрены. Тем временем Юлия продолжила:

- Однако это, ясное дело, еще не все. Джек вообще-то весьма интересуется вашей персоной, до него дошли слухи, что вы вроде как сочувствуете социалистическим идеям. И я сказала, что смогу обеспечить ему приватную аудиенцию. Он не очень поверил, и пришлось намекнуть, что мы с вами в свое время были весьма близки и до сих пор поддерживаем хорошие отношения. В общем, скоро он приедет в Россию, по нашему с Мишей приглашению.

- Юля, - вздохнул я, - ну ты меня прямо вгоняешь в краску. Что обо мне жена подумает? Я ведь того и гляди смущаться начну.

- Это я санкционировала, - уточнила супруга. – И я же попросила об этом рассказать. За восемнадцать лет супружества ни разу не видела, чтобы ты смущался, а мне интересно. Так что можешь начинать.

- Эх, весь настрой сбили. Ладно, тогда я как-нибудь потом. Если не забуду.

- Я напомню. И, кстати, кто бы мне объяснил, что такое социализм? Слово я это слышу не так уж редко, а вот с внятными толкованиями пока не очень.

- Ну, - вздохнул я, - социализм, это такой строй, при котором всем хорошо. Все в едином порыве трудятся, никто никого не эксплуатирует, чиновники не воруют, а ложат... в смысле, кладут все силы на служение народу. Ну и так далее. Понятно, что ничего такого просто не может быть, но посочувствовать-то иногда можно! А если серьезно, то, по-моему, этого пока еще никто не понимает.

Разумеется, мое объяснение было явно не шедевром. А что, «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» лучше? Правда, у нас пока Ильич до такого не додумался, так ведь и там он

это сказал несколько позже, так что все еще впереди.

- Мне Джек что-то про социальный строй рассказывал, - икнула Юлия, - но он меня еще угощал кукурузным самогоном собственного изготовления. Редкая, к слову, гадость, поэтому я почти ничего не помню, но организм на такие термины реагирует как-то странно. Извиняюсь, не за столом будь сказано.

И снова икнула. Видимо, вспомнилось что-то. Или Джек Лондон ее вспомнил.

Все следующее утро у меня ушло на изучение письменного доклада от Рогачева. И больше всего мне понравилось то, что он, оказывается, установил контакт с партизанским командиром Панчо Вильей. Дело было в том, что про него я читал еще в прошлой жизни, и даже, кажется, слышал какую-то песню на испанском, где упоминалось его имя. Или это были просто стихи, не помню точно. То есть кадр был явно перспективный, и смущало меня только одно - то, что, как выяснил Миша, этот Вилья был вторым. Вот прямо так - Панчо Вилья Второй, будто какая-нибудь царственная персона. Так получилось потому, что недавно первый Вилья погиб в бою, но помер не сразу, а успел благословить своего заместителя продолжать борьбу под его именем. То есть, вполне возможно, это был не совсем тот Панчо, про которого я вспомнил, история-то во многих местах уже довольно сильно поменялась. Впрочем, какая разница? Миша утверждает, что авторитет этот новый Вилья имеет ничуть не меньший, чем был у старого. Даже, пожалуй, несколько больше, потому что пока ему везет. Но, кроме того, он понимает, что везение вечно продолжаться не может, поэтому он не против подучиться военному делу. Вот только покидать Мексику он не хочет. Во-первых, потому, что без него отряд может и развалиться. А во-вторых, сам он Мексику вообще никогда не покидал, никакими языками, кроме испанского, не владеет и, кроме того, у него нет денег. Оно понятно, его партизанскую борьбу смело можно было назвать грабежами, но не простыми, а в стиле Робин Гуда. То есть вся прибыль от операций, кроме необходимых средств на вооружение, продовольствие и амуницию для отряда, мгновенно раздавалась бедным.

Миша тут же сказал, что он потрясен благородством борцов за свободу, и в данный момент его потрясение может быть выражено четырехзначной суммой в американских долларах. И он не один такой, у мексиканской революции есть и другие сочувствующие, так что на поездку деньги точно найдутся. Отсутствие опыта путешествий и незнание языков не критично, люди помогут. А вот то, что без командира отряд может

развалиться, не есть хорошо. Обязательно нужен преемник, ведь все мы не только смертны, но, что самое неприятное, иногда внезапно смертны. Да и от болезней никто не застрахован, и вообще преемника лучше не назначать на смертном одре, а готовить заранее.

В общем, к следующему визиту наших людей в Мексику, назначенному на конец года, Вилья обещал принять решение.

Кстати, знакомство Михаила с партизанами было обставлено так, будто его похитили. А потом отпустили за выкуп, который привезла спешно примчавшаяся из Калифорнии Юлия. То есть наши дружеские контакты с мексиканскими полевыми командирами не афишировались. А в будущем люди Михаила поедут туда из Англии и будут по документам чистокровнейшими британцами. Потому как целью нашей операции было не только создать очаг напряженности у самых границ Штатов, но и, если получится, по возможности еще чуток испортить их отношения с Великобританией. Они и так не безоблачны, причем не в последнюю очередь благодаря операции по продаже южноафриканского отделения моей компании, но, как говорится, кашу маслом не испортишь. Если оно, конечно, не машинное.

Ведь если мне не удастся воспрепятствовать созданию англо-американского союза, то мировая война становится вполне реальной, причем далеко не в самой выгодной для нас конфигурации противоборствующих сторон. Ибо к такому союзу со вздохом облегчения тут же присоединится Франция, которая уже замучилась метаться туда-сюда. И, возможно, Австро-Венгрия, ведь Францу-Иосифу очень не нравится развитие русского-германских отношений. А на Дальнем Востоке есть Япония, она вообще хоть сколько-нибудь заметным миролюбием никогда не страдала. В общем, может получиться нехорошо.

И совсем другое дело, если такой альянс не состоится! Джентльмены тогда, скорее всего, решат, что с Россией и Германией им будет лучше, чем против них. А при наличии англо-русско-германского союза какая может быть мировая война? Эти державы и без нее просто возьмут то, что им нужно в Европе и в Азии, не претендуя ни на что в обеих Америках. И главным тут станет не пустить в этот союз Францию, потому что иначе кого грабить-то? Австро-Венгрию с Италией? Простите, но такое предположение даже не смешно.

Правда, следует иметь в виду, что, получив желаемое, державы некоторое время будут его переваривать, а потом скорее всего передерутся. Однако мы приложим все усилия, дабы случилось не просто потом, а очень

сильно потом. Вот тут, наверное, и Франция пригодится, поэтому придется проследить, чтобы после первого этапа передела мира от нее хоть что-нибудь осталось.

Глава 34

Несмотря на немецкие фамилию и отчество, вид посетитель имел вполне российский. Этаким, если можно так выразиться, гибрид Тараса Бульбы с Буденным – из моей прошлой жизни, разумеется. Сейчас Семен Михайлович дослужился только до унтера и не имел таких роскошных усов, это я специально узнавал. Ну, а у генерал-лейтенанта Ренненкампа они были вне конкуренции, тут никаких сомнений. Даже у маршала Буденного более поздних времен усы до ренненкамфовских все равно не дотягивали.

- Здравствуйте, Павел Карлович, сразу предлагаю без чинов. Чай, кофе? Ну, это ваше дело, тогда озвучьте, пожалуйста, свое мнение относительно товарищей Кропоткина и Бакунина.

- Обоих бы на одном суку повесил.

- А я бы, пожалуй, не стал. Просто потому, что Бакунин и без этой процедуры давно отдал богу душу, а князь Кропоткин, хоть и слегка... э... э... в смысле, долбанутый, но все же вполне приличный человек. Мужественный и с принципами, так что пусть живет, вреда от него немного. Тем более что недавно вышел роман Жюль Верна «Кораблекрушение «Джонатана»». Написан он был лет десять назад, но опубликовали его только сейчас. Так вот, прототипом главного героя был именно Кропоткин, так что рекомендую прочесть. Думаю, в плавании времени у вас хватит. И, кроме того, мне все же хотелось бы услышать вашу, так сказать, официальную точку зрения.

Генерал-лейтенант вздохнул и минут примерно за сорок объяснил мне, что такое анархизм вообще, чем анархо-коллективизм отличается от анархо-коммунизма, и какие классики развивали это популярное революционное течение. После чего он сначала озвучил критику Бакунина Кропоткиным, потом прошелся уже по его ошибкам с точки зрения Аршинова, а закончил пересказом ленинской статьи, где Ильич резко и язвительно отзывался обо всех течениях анархизма скопом.

- Неплохо, Павел Карлович, очень неплохо – я ведь, честно признаюсь, даже слегка сомневался, что вы за такое короткое время сможете хоть сколько-нибудь глубоко изучить вопрос. Однако, к счастью, ошибся. Примите мои извинения за неуместные сомнения и извольте получить ваше якобы удовлетворенное прошение об отставке. Моя подпись

тут поддельная, это чтоб вы зря не волновались. Ну и деньги, конечно – сто тысяч рублей наличными и пять чеков общей суммой на полтора миллиона долларов САСШ.

Дело было в том, что генерал-лейтенанту Павлу Карловичу Ренненкамфу предстояло в ближайшее же время стать кем-то вроде диссидента, окончательно разругаться с Самсоновым и даже вызвать нешуточное неудовольствие его величества Александра Четвертого (естественно, только для публики). И, как следствие, эмигрировать из России. Уговорить его на это было непросто, но, как вы уже, наверное, заметили – все-таки удалось.

Ведь если бы Россия прямо поддержала грядущую мексиканскую революцию, это могло бы существенно ухудшить наши отношения со Штатами. А зачем нам это надо? Так что пусть ту самую революцию поддерживает их же собственный популярный писатель Джек Лондон, у него достаточно прогрессивные взгляды. Сейчас он во Франции, а домой, в Америку, Джек поплывет на том же пароходе, что и генерал-эмигрант Ренненкамф. Вот там Лондон Павла Карловича и распропагандирует окончательно. И, главное, не станет этого скрывать. Ну, а с личным составом все проще, там лица никому не известные и столь проработанная легенда для появления в Мексике им не нужна. Мало ли кто да почему эмигрирует из России!

Жалко, что Ленин отказался ехать в Мексику. Я, конечно, на его согласие не очень-то и надеялся, но мало ли – а вдруг? Но, увы, Ильич предсказуемо уперся рогами в землю. Мол, в России сейчас слишком сложная обстановка, чтобы ее покидать. А вот один из его соратников, Иосиф Джугашвили, пока еще не Сталин, отнесся к грядущей борьбе мексиканского пролетариата с бОльшим интересом. Так как российское самодержавие Иосиф Виссарионович не очень любил, то я с ним на связь не выходил, все провернул Морозов-Корин как свою личную инициативу. Сам он, кстати, тоже собирался в Мексику, так что недостатка как военных, так и в политических советниках у товарища Панчо Вильи не будет. А то ведь в той истории Вилья, практически выиграв войну, вчистую проиграл мир! Правда, я не знаю, тот это был Вилья или все-таки немножко другой, но оно, в общем, и неважно. Неплохо его узнавший Рогачев был уверен, что и этот тоже проиграет, если все оставить как есть.

Кроме Соединенных Штатов, имелась еще одна страна, пока даже сама током не определившаяся, на чьей стороне она выступит в грядущей

мировой войне, зато уже успевшая понять, что от этого будет многое зависеть. И потихоньку начавшая намекать всем заинтересованным державам, что ей очень не помешают льготные кредиты. Я имею в виду Японию. Флот она имела уже очень приличный и могла доставить серьезные неприятности Англии, России и Штатам. Более того, она как-то могла выстоять и в войне против любых двух держав из этих трех, но при обязательном благожелательном нейтралитете третьей. Или даже союзе с ней.

Причем, как и Штатов, у Японии наличествовал сосед, у которого со дня на день могла начаться революция – я имею в виду Китай. Вот только на что уж в Мексике был бардак, но китайский его многократно превосходил.

То, что регент при малолетнем императоре Пу И, Цзайфэн, долго у власти не продержится, было ясно не только мне.

Англичане, похоже, поддерживали генерала Юань Шикая. Во всяком случае, они уже подкинули ему денег и, по непроверенным сведениям, собирались продолжать эту благотворительность.

Зато японцы повели себя странно. Они отказали в поддержке Сунь Ятсену, который вынужден был покинуть Токио и перебраться на Филиппины, где, ясное дело, тут же связался с какими-то тамошними революционерами. Если я прав, то вскоре это должно привести к некоторому охлаждению отношений между Японией и Штатами.

В общем, я пребывал в некоторой растерянности. Кого будет поддерживать Россия – Ятсена или Шикая?

С одной стороны, Сунь Ятсен умен, а, как говорится, лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Да-да, вы все правильно поняли – Юань Шикай, как бы это помягче сказать, хоть сколько-нибудь повышенным интеллектом отродясь не блистал. И вообще он скоро помрет, вот только я не помню точной даты, а Сунь, наоборот, станет Отцом Китайского Народа. Поддержать его? Но ведь он видит смысл жизни в превращении Китая в экономически развитую мощную единую державу и, значит, вряд ли отнесется с пониманием к тому, что Северная Манчжурия уже по факту отошла к России, а Монголия скоро станет независимой страной, относящейся к российской зоне влияния. Да и вообще, превратившийся в сверхдержаву Китай под боком у России – это не комильфо.

В конце концов я пришел к выводу, что поддержать надо Суня, но не материально, а идеологически. Ведь он, кажется, пока еще не проникся даже социалистическими идеями, не говоря уж о коммунистических! А ведь насколько я помню, под знаменами социализма и коммунизма в Китае

все воевали со всеми больше сорока лет подряд, да и потом Мао немало накуролесил.

Значит, пора отправлять кого-нибудь на Филиппины. Вот только людей-то где взять? У Ленина кадровый голод, он и в Мексику-то смог выделить только двоих. Основать, что ли, какой-нибудь институт марксизма имени Патриса Лумумбы? Или лучше сразу Бокассы. Ну, а если серьезно, то, пожалуй, Зубатову пора подумать об организации высшего экономического училища под эгидой Рабочих союзов.

Японцам же следует намекнуть, что при условии подтверждения признания Манчжурии и Монголии зонами российских интересов мы в ответ поддержим любые их устремления не только в оставшемся Китае, но и на Филиппинах.

Ну, если даже теперь история не ушла за точку невозврата, то я даже не знаю, что с ней, заразой, можно еще сделать!

Примерно такие мысли меня посетили по получении известий об успешном начале мексиканской социалистической революции под предводительством генерала Панчо Вильи.

Вот только если даже она и ушла, то это вовсе не значит, что мне как я раньше надеялся, скоро можно будет начинать готовиться к уходу на покой, потому что мировую войну, похоже, все-таки удалось отодвинуть в достаточно отдаленное будущее. Увы, сидеть на троне, похоже, придется до самой смерти. Эх, грехи наши тяжкие...

Эпилог

По этому телефону мне звонили очень редко.

- Ваше величество, на третьем контрольно-пропускном пункте чрезвычайное происшествие! Предварительно ему присвоена категория а-два. Возможна переквалификация на единицу. Оперативный дежурный капитан Анисимов.

- Жду личного доклада, - кивнул я и положил трубку. Да уж, похоже, у террористов серьезный прогресс. Я, честно говоря, не ожидал, что из категории «А» вообще будет реализован хоть один сценарий, а тут на тебе – сразу двойка, а то и кол. Хорошо хоть, что не ноль. Кто это у нас начал проявлять такую неумеренную активность? Наверное, скоро узнаю. Рита, правда, скорее всего будет недовольна. Только она собралась слетать в Берлин, уже и вещи собрала, дирижабль полностью готов к полету, и на тебе! Пока ситуация не прояснится, лететь никуда нельзя.

Минут через десять я узнал детали. Оказывается, полчаса назад на третий КПП явился хорошо одетый господин лет сорока и заявил, что хочет передать личное письмо для его величества. Причем он специально подчеркнул, что послание чрезвычайно конфиденциальное и для чужих глаз совершенно не предназначенное.

Ситуация была штатная, предусмотренная должностными инструкциями, но сильно не любимая персоналом. От него требовалось задержать визитера (вежливо, если он не препятствует) до полного выяснения личности, а с письмом обращаться так, будто внутри либо яд, либо штамм болезнетворных бактерий, либо взрывчатка, либо все перечисленное вместе.

А потом случилось то, из-за чего ситуация и была отнесена к категории «А» второй степени опасности. Письмоносец сел в указанное ему кресло, улыбнулся и умер. Вот просто так, без каких-либо видимых причин.

Понятное дело, на КПП тут же был объявлен карантин, письмо положено в спецконтейнер, принимаются меры по установлению личности покойного.

- Предполагаемая продолжительность карантина? – на всякий случай спросил я, хотя знал ответ.

- Десять дней, как и положено, - развел руками генерал Ширинкин.

- Ее величество меня живьем съест.

- Меня тоже, - вздохнул генерал, - но я не вижу причин отступать от инструкции. Гость ничего не говорил о срочности своего послания, на конверте написано только «Его императорскому величеству в собственные руки», и все. Может, конечно, он просто от сильного волнения помер, но все свидетели в один голос говорят, что визитер был абсолютно спокоен. В общем, я бы не спешил.

- Ладно, подождем результатов.

Для идентификации умершего хватило двух с небольшим суток. Он оказался присяжным поверенным из Курска, никогда ранее ни в чем не только противозаконном, но даже необычном не замеченным. Вскрытие показало рак желудка в терминальной стадии. Непосредственная причина смерти – остановка сердца, признаков отравления не обнаружено.

Когда мне это сообщили, я подумал, что, кажется, одна гипотеза о сути произошедшего у меня уже есть. Причем достаточно сумасшедшая для того, чтобы оказаться истинной. Впрочем, причин спешить пока не было, и я решил дожидаться окончания карантинного срока.

За оставшиеся восемь дней никто из общавшихся с покойником не заболел и вообще не потерпел ни малейшего ущерба в своем драгоценном здоровье, и я решил, что настало время прочесть письмо. Естественно, не извлекая его из контейнера, хотя, если я прав, эта предосторожность будет лишней. Но, как говорится, на аллаха надейся, а верблюда привязывай, поэтому я без возражений спустился в подвал, где и лежал стальной ящичек с пуленепробиваемым стеклом вместо крышки и двумя отверстиями сбоку, в которые были вставлены армированные стальной сеткой резиновые печатки. Перед изоляцией письмо взвесили, и, даже если оно целиком состоит из взрывчатки, перчатки должны выдержать.

В таких условиях вскрывать конверт было весьма неудобно, я возился минуты три. А потом увидел, что мои предположения оказались не так уж далеки от истины. Текст гласил:

Здравствуйте, уважаемый Александр Александрович! Вы, наверное, уже догадались, от кого это послание. Позвольте выразить Вам самое искреннее восхищение – во время нашей предыдущей встречи в сквере Нахимовского проспекта я даже не подозревал, насколько удачным окажется мой выбор, сделанный в условиях жесткого цейтнота.

Я примерно представляю, как Вы интерпретировали произошедшее. Наверное, все-таки не до конца правильно. Мне действительно позарез надо было в будущее – более далекое, чем я Вам озвучил, но, к сожалению, у того мира, в котором мы с вами впервые встретились, его не просматривалось. Вообще. А у этого, где Вы читаете мое письмо, оно есть! Наверняка в результате Ваших усилий, ибо единственным различием миров на момент разделения было то, что здесь выжил, а не умер в младенчестве Александр Александрович Романов.

Еще раз – примите мою, и не только мою, глубокую благодарность. И прощайте, теперь уже навсегда.

Ваш Шахерезад.